

У Р А Л Ь С К И Й

№3 (561) • 2004

Следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

**СЕЛЕНИТ -
ЛУННЫЙ
КАМЕНЬ**

**НЕВОЛЬНИК
ПУГАЧЕВСКОГО
БУНТА**

**ЧТО НУЖНО
ТУНГУ ОТ ЛЮДЕЙ**

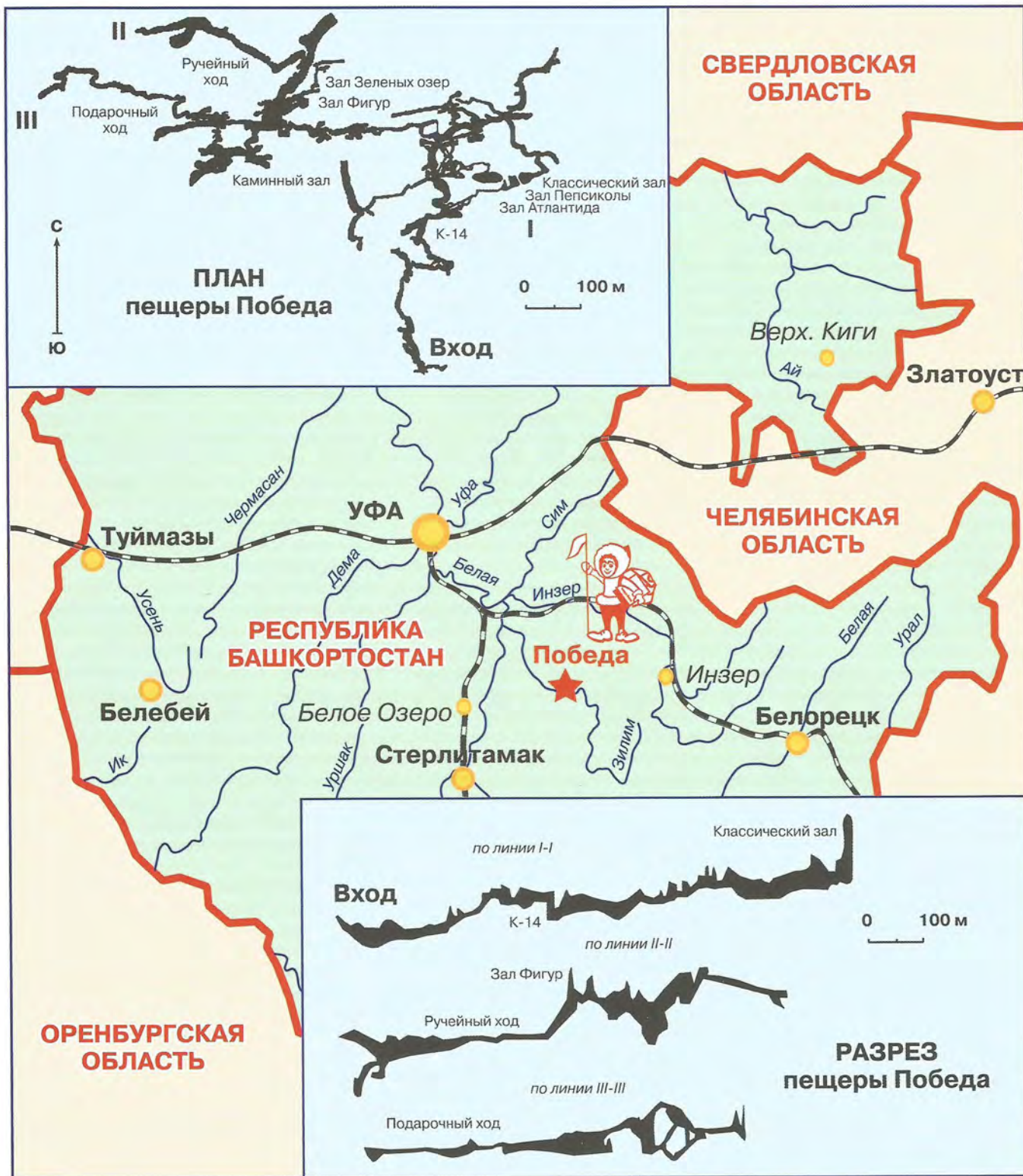
*“Двадцать недель
от начала весны...”*

Маршруты Уральского следопыта

Пещера Киндерлинская им. 30-летия Победы (или просто - Победа) находится в 5 км к востоку от д. Таш-Асты, в пределах передовых низкогорных хребтов Южного Урала. Это многоярусная система галерей, коридоров и ходов. В привходовой части находится самый протяженный в пещерах Башкирии ледник.

Об экспедиции в пещеру Победа читайте на страницах журнала

Главный редактор
Максим Фирсов

Редактор раздела
«Река времени»
Юний Горбунов
Редактор раздела «Аэлита»
Петр Родимов
«Встречный ветер»

Редактор
Александр Челноков
зам. редактора
Маша Раскольников
Художественный редактор,
верстка

Юлия Ульянова
Дизайн обложки
Андрей Бордаков
Корректор
Валентина Медведева
Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»
Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Пращевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин
Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко
чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотип и название журнала.
Рукописи не возвращаются.
Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.
По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62
Подписано к печати 15.03.2004 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ . . .
Отпечатано в типографии ГУП СО
«Сухоложская типография»

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X

следопыт

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 3'2004 (561)

РЕКА ВРЕМЕНИ

Юбилей

В. СУТЫРИН, О. ЛОБАНОВА Откуда текут реки.....	6
Колонка редактора.....	25
Тропой поиска	
И. ПЛОТНИКОВ Под чужим именем.....	25
Мир камня	
В. ВОРОНИН Селенит.....	45
Портреты	
А. МОЛЧАНОВ Феномен Гребенищикова.....	47
Мемуары	
Невольник пугачевского бунта.....	50
Я. ВИЛЬЧКОВСКИЙ Из воспоминаний старого лесничего.....	66
Краеведческая копилка	
В. СЕМИБРАТОВ Гуго под № 273.....	58
По белу свету	
Н. ЗАЙЦЕВ Кому – яд, а кому – лакомство.....	71
Легенды и были	
С. ГРЖЕБИНСКИЙ Тунгу.....	75

АЭЛИТА

Наш гость

А. БОРОВСКАЯ Очень грустная сказка.....	10
Современная проза	
Н. ИШКОВА Прощай, Жангиз (окончание).....	12
О. ВАКУЛЬСКАЯ Месяц – меч и Солнце – рана.....	59
Литературная мастерская	
А. КОРОТИНА, Н. ШАМСУТДИНОВ Стихи.....	22
Фантастика	
Ф. АДРА Контурсы зла.....	29
Юмор	
М. ГРЯЗНОВ Брег.....	38
Дебют	
В. ГАЛКИН Розовые розы.....	39
Е. ДРУГОВА Рассказы.....	41
Шутливые истории	
О. МИНАЕВА Подарок.....	72

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Экспедиции

М. РАСКОЛЬНИКОВА Флаг «Следопыта» в руках альпинистов.....	2
Путешествия	
В. ШУМКОВ Пещера Победа.....	3
Советы специалиста	
ПИТАНИЕ В ЛЫЖНОМ ПОХОДЕ.....	34
Человек и природа	
Э. РУМЯНЦЕВ Край Земли.....	36
Колонка редактора.....	54
Невыдуманные истории	
А. ПОДКОРЬТОВ Таганайский дебют.....	54
Охота и рыбалка	
Д. ЕЛИН Путеводитель по Ваграну.....	62
Проекты «Уральского следопыта»	
М. РАСКОЛЬНИКОВА Майский Экстрим.....	65
Леса Уральской горной страны	
Е. САВЕНКО Мугоджары.....	3 полоса обложки

Маша РАСКОЛЬНИКОВА

Флат «Следопыта» В руках альпинистов

Член Наблюдательного совета журнала «Уральский Следопыт», известный альпинист Евгений Виноградский, удостоенный титула «Снежный барс» за покорение всех семитысячников бывшего СССР, 25 февраля в составе группы из двадцати человек (в том числе четыре екатеринбуржца) вылетел в Катманду для того, чтобы совершить восхождение на высочайшую гору планеты Эверест по северной стене. Этот штурм не удавался ещё никому в мире, он требует высочайшего мастерства и мужества. Команды из разных стран ставили перед собой эту задачу, но в результате или отступали, или пользовались обходными путями. Евгений Виноградский рассказал нам, что российские альпинисты очень высоко оценивают свои шансы на покорение неприступной северной стены. В мае 2002 года руководители команды провели первую разведку маршрута — они подошли к основанию северной стены, наметив линию подъёма к вершине. Весной 2003 года второй группе разведки удалось подняться по центру стены до высоты 6800 метров. С учётом проведённых разведок, опытейшие аль-

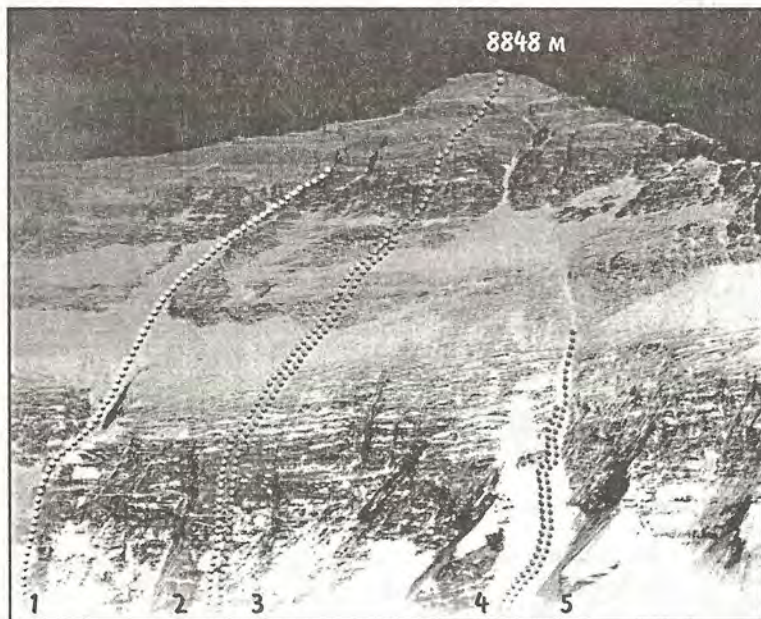

Е.М. Виноградский

пинисты страны дают заключение: подняться к вершине Эвереста по центру северной стены — задача сложная, но решаемая.

Незадолго до своего отъезда в Гималаи, Евгений Михайлович проводил отпуск на Кавказе, где в планах альпиниста значился подъём на Эльбрус для тренировки перед пятым покорением Эвереста. Однако, подняться на кавказский пик Виноградскому не удалось, поскольку, по его словам, дул сильный порывистый ветер и мешали постоянные метели. Спортсмен особо подчёркивает, что альпинизм — сам по себе экстремальный вид спорта, поэтому люди, идущие в горы, не должны бессмысленно рисковать жизнью. Тем ни менее, пусть не в предполагаемом объёме, но Евгений Виноградский всё же смог потренироваться на разнообразном рельефе Кавказа.

Рано утром 19 февраля Евгений Виноградский вместе ещё с двумя екатеринбургскими альпинистами и врачом команды отбыл в Москву. В столице Евгения Михайловича и его спутников ожидали ещё шестнадцать лучших альпинистов России. Стоя на перроне екатеринбургского железнодорожного вокзала, Евгений Виноградский рассказал мне о том, что самое главное для всей команды не только подняться на вершину по самому опасному и долгое время считавшемуся неприступным маршруту, но и вернуться домой тем же составом, которым отбывали. Группа увезла с собой в Гималаи вымпел «Уральского Следопыта», чтобы поднять его на тех вершинах, через которые будет лежать путь. Редакция будет информировать читателей об этапах экспедиции.

Эверест. Северная стена.

- 1 - путь, пройденный американской экспедицией весной 1982 г.
- 2 - путь, пройденный швейцарской экспедицией осенью 1983 г.
- 3 - путь, намеченный российской экспедиции по центру Северной стены весной 2004 г.
- 4 - путь, пройденный английской экспедицией весной 1984 г.
- 5 - путь, пройденный японской экспедицией зимой 1983-84 г.

Валерий ШУМКОВ

Пещера Победа

Время — последняя декада октября 2003 г. Место — западный склон Южного Урала, долина р. Зилим, в 5 км западнее пос. Таш-Асты.

Объект — пещера Киндерлинская имени 30-летия Победы (или просто Победа).

Пещера издавна известна людям (использовалась местными охотниками для хранения мяса). Исследование пещеры началось в 1974 году, когда охотник А. Каранаев показал ее Андрееву А.С. — руководителю спелеологической секции г. Стерлитамака. Пещера была изучена на протяжении 2443 м. В 1975-1977 годах для изучения пещеры как экскурсионного объекта были организованы экспедиции Башкирской областной спелеосекции под руководством Геннадия Иванова, которые исследовали пещеру до 5600 м.

В 1978-1980 годах изучением пещеры занималась уфимская городская спелеосекция турклуба «Орион» под руководством Рафаила Низамутдинова. В результате было открыто около 1000 м новых ходов. Дальнейшие исследова-

ния уфимских спелеологов Р. Низамутдинова, И. Счастливого, И. Гаевского и других, а также подводные прохождения П. Миненкова довели общую протяженность пещеры почти до 8 км.

Общие морфометрические данные: длина 7900 м, амплитуда 215 м, площадь пола 39400 м², объем 229900 м³, средняя ширина ходов 5,4 м, средняя высота — 7,1 м (по материалам Интернет).

Однажды, ненастным осенним вечером мы с напарником Алексеем стартовали с ж/д вокзала Екатеринбурга в сторону башкирской Победы. В 9 утра следующего дня наш поезд прибыл в Уфу.

До ближайшей электрички в нужную нам сторону оставалось несколько часов. Чтобы с пользой провести это время, мы посетили центр города, и даже проникли в местный геологический музей, хотя вообще-то он был закрыт по поводу ремонта.

Подходы к пещере им. 30-летия Победы (если добираться электричками) несколько «продолговаты». Знающие люди (в лице руководителя детского спелеоклуба г. Первоуральска А. Залесского) рекомендовали забрасываться в круговую через станцию Белое Озеро, таким крюком с южной стороны. Нам же показалось более удобным и правильным выйти раньше, на станции Тазларово и двигать оттуда в район пещеры прямо на восток с пересечением главной башкирской реки Белой по отмеченному в туристском атласе «Башкортостан» автомобильному мосту. Выйдя к Белой в означенном месте, обнаружили — моста нет. Как потом выяснилось — снесло однажды, лет 40 назад.

Заночевали. Потом (верное решение) — ушли обратно на станцию. На той же самой электричке (только на сутки позже) поехали круговым вариантом, как и надо было. Сменив 4 транспортных средства, а также неплохо пройдя пешком, к ночи добрались до деревни Карагаево, где и встали лагерем на краю футбольного поля.

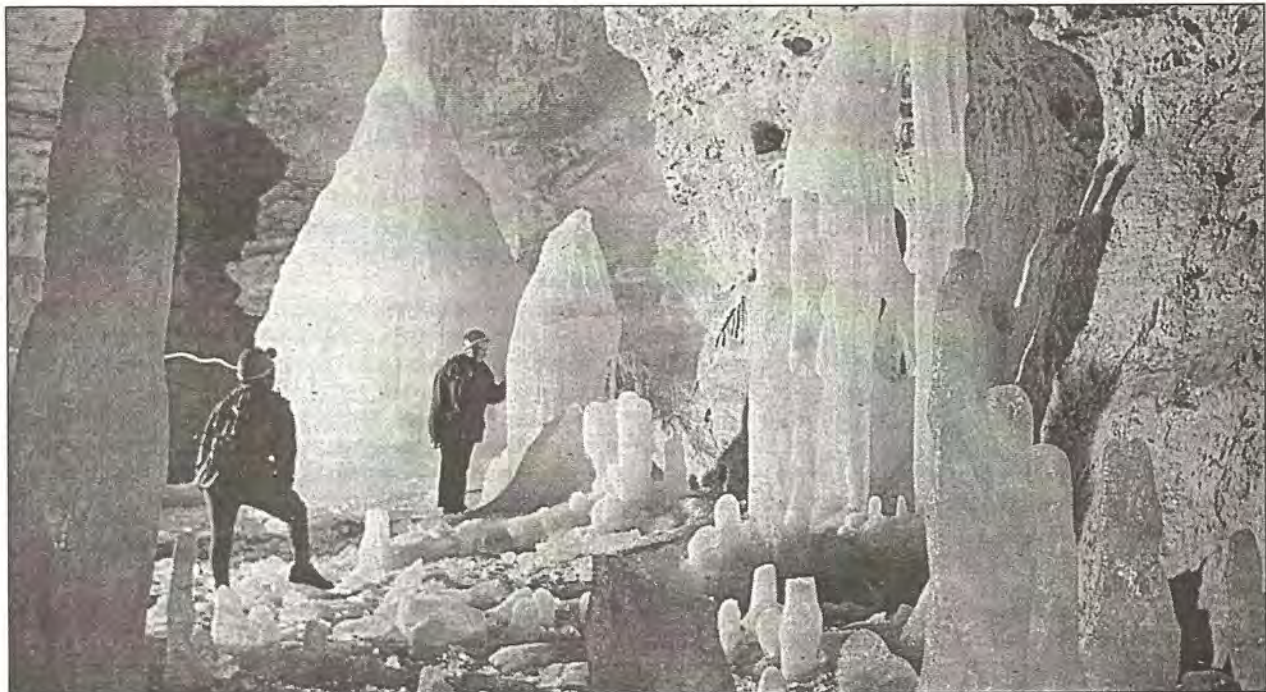
Утром Алексей (занедуживший накануне), решил сойти с маршрута и вскоре мы расстались с ним на остановке прямого автобуса до Уфы. До дома он добрался благополучно.

Таким образом, я остался один. Отнесся я к этому достаточно нейтрально, поскольку до пещеры оставалось 2-3 часа пешего хода по местности, знакомой по майскому сплаву 2001 г.

В 15 часов оказался у входа. В лесу в это время шел мокрый снег, а под каменным сводом лежали наметенные ветром желтые дубовые листья. После неспешного перекуса, переодевания и прочей подготовки углубился в подземелье. Привходовая часть пещеры интересна самым протяженным среди башкирских пещер ледником со спуском «катушкой» и объемной подледной полостью (т.н. грот «Летучий голландец»).

Ниже «катушки», где галерея выполаживается, в прежние

года обильно громоздились эффектные ледовые фигуры. К нынешнему времени этого изобилия в «гроте Снежной королевы» сильно поубавилось. Прохожу мимо 1-2 хилых натеков в окружении кучек битого льда. Через полгода (т.е. к лету) льда должно прибавиться (в зависимости от крепости зимних морозов). Но в целом фигуры, конечно, деградируют. В чем причина деградации подземных льдин — потепление климата или большое количество посетителей пещеры, согревающих ее своим теплом? Наверное, и то и другое.

На полу привходовой части встречаются останки ископаемых животных, большей частью — в виде костной щепы. Конечно, случались и более интересные находки.

В конце просторной привходовой галереи стоит мощный ступенчатый сталагмит «Пагода». Высота его порядка 2 метров. Ему не страшны перемены климата. Отломать и унести его с собой сложно. Поэтому он хорошо сохранился.

В 20 метрах за «Пагодой» располагаюсь на ночевку в уютном гротике. Поставил палатку, чтобы не капало с потолка на спальник и, как говорят, на морду лица. Только погасил свечи и залез в мешок — слышались звуки шагов, скрип ступенек расположенной неподалеку деревянной лестницы и т.д. Высунул из палатки голову, прислушался — тишина. Кроме звуков падающих капель, ничего нет. А поначалу жутковато было. Видимо, переутомился за день.

Проснулся с ощущением предстоящего подвига. На сегодня у меня запланирован поход вглубь пещеры. Она большая, но технически (по крайней мере — основная часть) не очень сложная. Ползать на животе не надо, почти все идет «в рост». На основном маршруте путь осложняет (но также

и сдерживает разрушительный напор толп экскурсантов) 14-метровый колодец. Взял с собой два фонаря (один — про запас), веревку для колодца, пуховку и пенку, чтобы при необходимости отсидеться до прихода людей. Ну, и прочее по мелочи.

Очень помогла схема пещеры, ксерокопированная по случаю перед самым отъездом из книги «Карст Башкортостана» вышедшей в Уфе в 2002 г.

Ниже колодца в мае 2001 все было затоплено. Одно озеро мы тогда обошли, второе — не смогли, повернули обратно. Сейчас — благодать, и намека нет на какую-то воду. Пол, конечно, неровный. Нагромождения глыб. Приходится по ним лазить, где-то — искать путь. Но в целом все просто — держись магистральной галереи, и придешь, куда надо.

Ухожу по ней все дальше. Периодически складываю турики, чтобы легче было выйти обратно. Начался выраженный спуск. Нахожу это место на схеме-разрезе. Сообщаю, что нахожусь уже где-то в конце основной части, вблизи «Классического» зала. После участка спуска галерея слегка идет на подъем. Пол у нее замечательно ровный, как дно пересохшего ручья, с мелкими камушками. За очередным поворотом открывается знаменитый «Ход атлантов». Ровные, почти параллельные стены уходят на десятки метров вверх.

Напоминает какие-то декорации на тему древней истории, и, конечно, очень впечатляет.

Путь преграждает гладкая стенка-ступенька. За ней, по схеме, высокий «Классический» зал. Идти в одиночку эту стенку не рискнул. Девиз сегодняшнего дня — ходить там, где просто, без лишних приключений.

Пошел обратно. Долго искал развилку в сторону Ручей-

ного хода. За этой развилкой — еще несколько километров ходов. Не нашел. Иду в сторону колодца. Вдруг слышу звуки голосов, а потом и свет налобных фонарей.

Это оказалась молодежная группа из Татарстана, г. Набережные Челны. Примерно 2/3 группы — школьники, оказавшиеся в пещере впервые в жизни. Остальные — инструкторский состав, в том числе руководитель Александр Шапошников лет 30-ти. Хорошо знают пещеру.

Разговорились. Спрашиваю, не пойдут ли они в сторону Ручейного? Пойдут, но после «Классики».

Опять иду в «Классику», но другим вариантом, через так называемую «Хлеборезку». Стены ходов в зоне «Хлеборезки» сложены слоистой породой. Вода растворила горизонтально залегающие темные и светлые пласты неравномерно, образовались горизонтально торчащие пластины — «лезвия». Очень экзотично.

Дойдя до «Атлантов», все начинают ахать, светить вверх и фотографировать. Тем временем Сашины помощники проходят стенку-ступеньку, после чего начинают поочередно вытаскивать народ веревкой снизу вверх, просто, как груз. Лично для меня оказаться в роли такого груза было бы слишком безобразно, поэтому, покорячившись, пролез сбоку.

Через 15-20 м пришел в «Классический зал» высотой 46 и диаметром 25 — 30 метров. Похож на внутренность половинки гигантского полого огурца. На дальней стене красивые натёки типа ребер, «пагод» и прочего. В центре — возвышение «Бегемот», тоже с натёками. На полу, в центре зала, лежат обломки некогда упавших с потолка гигантских сталактитов диаметром, где-то 0,75 метра, сверху уже покрытые кальцитовою корой.

Возвращаемся до развилки в сторону Ручейного хода. Короткий вертикальный лаз выводит в просторную галерею, с прекрасным ровным дном, также по тилу высохшего ручья. Ходить по таким — одно удовольствие. Через 50-100 м начинается крутоватый спуск в яму огромных размеров под таковым же сводом. Объемы просто фантастические. Никогда такого не видел. Называется Октябрьский зал. Оказавшись на дне первым, долго сидел и любовался верени-

цей фонариков, движущейся сверху вниз по удаленному от меня протяженному крутому склону.

Заглянули в грот «Глиняных фигур», где на стенах, невысоком потолке, а также на полу расположены разнообразнейшие фигурки и надписи, выполненные посетителями из дешевой темно-коричневой глины.

Потом пошли по галереям, образованным гигантскими разломами, спускались на их дно, поднимались (на коротких участках) по стенам, пересекали разломы по каменным мостам... Объемы здесь, конечно, уникальные.

В итоге прибыли в зал «Зеленых озер», к воде, ручейкам, симпатичным гурам и пристенным натёкам, по которым вода, можно сказать, ручьем лилась. Собрались готовить перекус, но тут выяснилось, что рюкзаки с едой забыты и оставлены где-то по дороге...

Ушли обратно до колодца. Пока группа вылезала по углу в обход стены, инструктора в уютном гроте над обрывом зажгли штук 30 свечей, согрели воду на газу и приготовили бутербродики для небольшого фуршета. Это было очень в тему — завершить прогулку по одной из лучших пещер Урала таким вот образом, с рюмкой чая и бутербродом в зубах.

Ребята (чудесные люди!) предложили мне доехать с ними до Уфы на их автобусе. Как раз этого мне не хватало до полного счастья. Проводив их до выхода, (а было где-то 11 вечера) пошел закруглять свои дела, собирать лагерь, выносить барахло в сторону леса. Ложиться не рискнул, чтобы не проспать. Так всю ночь и проковырялся, не сомкнув глаз.

В условленное время (к 9 утра) пришел к ним в лагерь. Шел где-то 1,5 часа. Еще через пару часов, после завтрака, загрузились в ПАЗик и поехали вдоль р. Зилим, а также поперек ее и даже по дну вдоль реки. Это напоминало сплав по реке на автобусе. Прихлынувшая речная вода залила ступеньки на выходе и плескалась внутри салона. Народ ринулся к ступенькам мыть руки в этой воде...

Так, весело и непринужденно, под бодрящую фонограмму, наша теплая компания покидала горы гостеприимной Башкирии, направляясь к ее столице — городу Уфе. Практически всю дорогу я спал мертвецким сном на единственном в салоне спальном месте.

Спасибо вам, ребята! Встреча с вами превратила мою подземную одиссею в подобие нечаянной сказки. Как мне повезло встретить вас.

Владимир СУТЫРИН, Ольга ЛОБАНОВА

ОТКУДА ТЕКУТ РЕКИ

145 лет назад родился наш великий земляк Александр Попов. К этой круглой дате приурочена новая книга о нем писателя Владимира Сутырина и музейного работника Ольги Лобановой. Книга вышла в издательстве «Банк культурной информации», а мы предлагаем нашим читателям ее фрагмент — странички из раннего детства великого ученого.

Факт рождения будущего изобретателя радиосвязи именно 4 (16 по новому стилю) марта 1859 г. в селении Турьинские Рудники Богословского горного округа, что в Верхотурском уезде Пермской губернии, зафиксирован в метрической книге приходского храма св. Максимилиана на следующий же день, то есть 5 (17) марта, когда и произошло крещение младенца. Из той же записи известно, что обряд крещения проводил священник Василий Конюхов, а восприемниками были тоже священник Александр Кубасов и жена горного инженера Надежда Кларк. Нарекли новорожденного младенца Александром.

А.С. Попов в год поступления в университет.

Возникает вопрос: почему именно так? В старых святцах день 4(16) марта посвящен преподобному Герасиму, мученику Павлу, святому Григорию — Александра нет. Смотрим 5(17) марта, день крещения нашего героя, — персоналия иная: мученик Конон Исаврийский, преподобный Марк, а искомого — снова не находим... Может, Александром был кто-то из ближайших предков будущего изобретателя радио? И это не так: отец Стефан Петрович, мать Анна Стефановна, дедовья — Петр Николаевич и Стефан Иванович... Как же это понимать: святцы для прихожан, а у служителей амвона — своя рука владыка?..

Есть у авторов догадка, на которой они не настаивают, но предлагают в качестве гипотезы. Имя Александр носил крестный новорожденного — священник А.Кубасов. Известно, что за двенадцать лет до этого события, а именно: 31 декабря 1846 г. (12 января 1847 г. по новому стилю), в день преподобной Мелании Римляныни и мученика Петра, у горного офицера П.М. Карпинского родился наследник, который при крещении также получил имя Александр. И крестным у него был все тот же А.Кубасов. Сдается нам, что упомянутые младенцы обрели оное имечко единственно потому, что таковое носил их восприемник... Как бы то ни было, но оба эти Александра (с греческого — «победители») впоследствии достигли в науке невиданных высот. А что если в этом не последняя заслуга скромного «номинатора» из Турьинских Рудников?..

Храм (типовой проект в русско-византийском стиле) стоял на одноименной Максимовской улице, которая считалась в поселке главной. А его настоятель, протоиерей Стефан Попов с семейством, проживал на параллельной, тянувшейся, как и все селение, с востока на запад, Катушечной улице. Название это весьма симптоматично: на Урале ребята и до сих пор раскатанные до блеска ледяные дорожки называют катушками от слова «катиться».

Каким был дом Поповых, мы сегодня знаем лишь благодаря фотографии, сделанной нашим героем в конце XX века. Угловой, довольно просторный — семь окон на Катушечную. От дома была видна и сама церковь — место службы главы семейства.

Вообще Александр Степанович Попов, пожалуй, редчайший, если не единственный в русской науке человек, носивший «говорящую» фамилию. К примеру, ученый-почвовед Д.Н. Прянишников был далек от пекарского ремесла, геолог В.А. Обручев не имел отношения к бондарям, а биолог И.И. Мечников — к оружейникам. А вот А.С. Попов был воистину сыном попа. Более того, и отец его Стефан Петрович Попов был также сыном священника Петра Николаевича Попова, который, в свою очередь, унаследовал судьбу своего отца Николая Петровича, служившего в храме уральского города Кунгура. Но и этого мало: Н.П. Попов, прадед

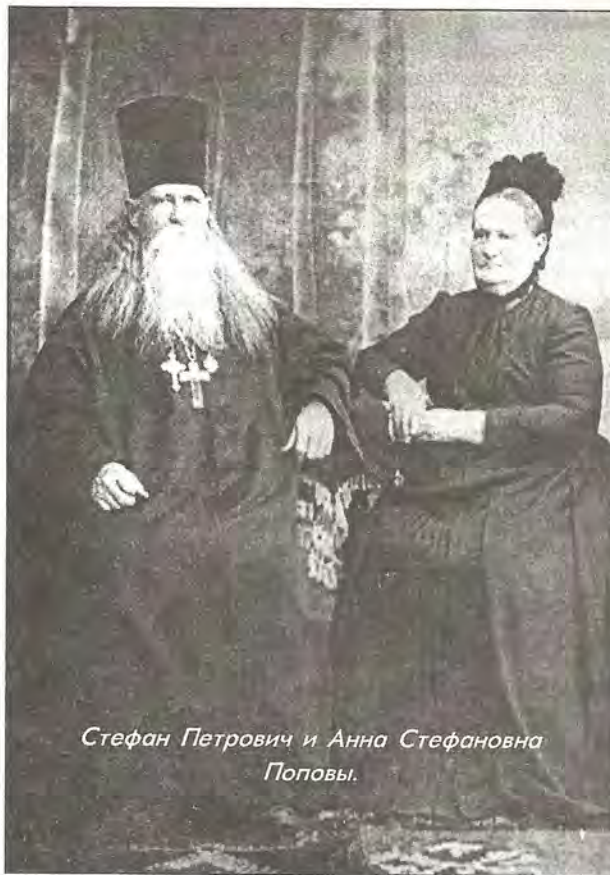
изобретателя, также имел предком священника Петра Попова, жившего в XVIII веке. Переходя на шуточный язык, можно сказать, что наш герой — Попов в 9-й или 10-й степени... Но это — лишь родословная по линии отца. Какого же происхождения мать изобретателя радио? Читаем: Анна Стефановна, по фамилии... Пономарева. И ее отец в действительности служил в церкви, хотя был лишь дьячком, но при этом также сыном священника!

Таким образом, происхождение физика и, следовательно, материалиста Александра Степановича Попова насквозь «идеалистическое» в том смысле, что первые сведения о мироустройстве будущий ученый-физик получил из уст родителей наверняка в божественном, библейском объяснении, а так называемое среднее — в церковных учебных заведениях — духовном училище и семинарии, где, как мы полагаем, идеалистический взгляд на мироустройство должен был быть непререкаемым. И вдруг — Санкт-Петербургский императорский университет, физмат?..

Что это — решительный разрыв с родовыми догмами, революция сознания или что-то иное?..

Попы случаются разные. Бывает, начав в одной семинарии, одни затем становятся архиепископами, а вторые — святыми... Но бывали и третьи, и четвертые, которые покорно служили в отдаленных приходах, не возвышаясь ни в добродетели, ни в чинах. Отец Стефан (получивший свое имя, возможно, в честь особо чтимого в уральских краях просветителя и катехизатора Стефана Пермского) был из пятых — тех, кто, ни в коем случае не отвергая пользы проповедей с амвона, стремился по возможности воздействовать на пороки и убогость жизни посредством знаний, полученных не из семинарийских учебников. Прибыв на север губернии, в один из самых крайних приходов, он привез с собой много книг — об этом есть свидетельства тех, кто это помнил. Кроме того, он выписывал светские газеты, и значит, его жизненный кругозор не ограничивался сугубо церковным мировосприятием.

Рядовое селение Турьинские Рудники, как это бывало на промышленном Урале, по своему реальному, жизненному значению превосходило административный центр горного округа — селение Богословский Завод. На рудодобывающем производстве сосредоточилось больше, чем на медеплавильном заводе, и инженерно-технических работников, и самих мастеровых. Согласно статистике, в описываемое время в самих Турьинских Рудниках было свыше 1000 дворов, в которых жило более 10000 человек. Это втрое больше, чем в Богословском Заводе, и раза в полтора — чем в уездном г. Верхотурье. Соответственно здесь было свое «общество» — круг лиц, которые общались в свободное от службы время, и отец Стефан, в силу положения, а также по причине открытого характера и молодости, был в нем своим человеком. В доме священника на «вечерних беседах» бывал и сам управляющий рудниками Николай Осипович Куксинский. И хотя в середине XIX века в селении не было сколько-нибудь достойных учебных заведений, именно Турьинские Рудники выдвинули в российскую науку целый ряд своих уроженцев, ставших выдающимися деятелями в различных ее областях. Кроме А.С. Попова, это сын геолога Богословского округа и сам геолог А.П. Карпинский, сын

*Стефан Петрович и Анна Стефановна
Поповы.*

заводского врача профессор зоологии Н.П. Вагнер, известный, кроме того, и в литературном мире как сказочник Кот-Мурлыка, а также сын врача и сам известный медик-офтальмолог Н.А. Миславский...

Здесь еще в 1808 г. механиком И. Меджером была установлена паровая машина («огненная машина») для откачки воды из шахты; позже — в 1834 г. на золотом прииске на р. Сухойойке впервые для промывки песка применили специальные решета — «круглые грохоты»; а в 1838-м на медном руднике внедрили новый способ обогащения руды, открывший вторичное использование отходов, прежде уходивших в отвал. Автором этого новшества явился литейщик П.Н. Швецов, соратник знаменитого металлурга П.П. Аносова.

И все же вряд ли настоятель Максимовской церкви прочил своему младшему сыну инженерную карьеру. Прежде всего ему хотелось, чтобы Александр вырос образованным человеком, и потому он не препятствовал присутствию сына на «вечерних беседах» взрослых. Эти «беседы» были для мальчика, не умеющего еще читать, по сути единственным источником информации о новинках в окружающем мире (в самом широком смысле). Затем маленького поповича в компании друзей стали замечать в механических мастерских ближайшего рудника, где работали всамделишные механизмы. Наконец, настырный мальчик решил смастерить нечто подобное сам. Вот позднейшее свидетельство

друга его детства А.П. Дерябина: «Любимым его занятием, в котором и я принимал участие в качестве ассистента, была постройка разного рода двигателей, устроенных большей частью при помощи текущей воды. Нами сооружались на ручьях мельницы с двигающимися колесами, «толчеи» — ряд прыгающих столбиков, подъемные машины, ведерками вытаскивающие землю из «шахт», вырытых иногда на два-три аршина в глубину. Сооружались штанги — длинные горизонтальные двигающиеся брусья по образцу заводских и т.д. К такого рода сооружениям у него была большая склонность, и велико было для нас удовольствие, если дело удавалось и «машина» хорошо работала. И во всем этом «машиностроительстве» он был большой искусник».

Дальше — больше. Освоив «горную механику» и «гидротехнику», мальчик стал присматриваться к электричеству.

Утверждают, что впервые электрические приборы юный Алексаша-попович увидел на квартире управляющего Н.О. Куксинского и решил сам сделать электрический звонок. С сегодняшней точки зрения, плевое дело — батарея, два провода и замыкатель контактов. Но тогда готовых батарей не продавали, их нужно было смастерить самому. На помощь пришел все тот же Куксинский. И вот уже дом оглашает резким «нездешним» звуком предвестник грядущей научно-технической революции... Затем звонок соединили с ходиками, что висели на стене. Роль одного контакта выполняла гиря, а другого — проводок, выходящий из самодельной батареи, укрепленный на линейке, которая была размечена делениями времени. По утрам в нужный час

звонок исправно будил детскую половину семьи Поповых.

Напомним читателю, что речь идет еще не о юноше и даже не об отроке — о мальчике дошкольного возраста. Хотя, впрочем, к этому времени будущему изобретателю могло уже стукнуть лет 7-8, и если письменной грамоты он все еще не знал, то в числах определенно разбирался.

Следующим этапом постижения наук и ремесел стало для Сашуры знакомство с Василием Петровичем Словцовым — помощником настоятеля Максимовской церкви и будущим мужем его старшей сестры Екатерины. Словцов поселился в доме напротив, где устроил домашнюю мастерскую. Мастер на все руки, он покорила будущего шурина своим умением, преподав ему навыки столярного, слесарного и токарного ремесла. По сведениям М.В. Гуляевой (внучки Василия Петровича и Екатерины Стефановны), женившись, отец Василий получил место священника в Николае-Павдинском Заводе и выехал с женой туда. Молодая жена, привыкшая к жизни в большой шумной семье, очень скучала на новом месте и просила родителей отпустить к ним погостить нашего героя. Не связанный школьными занятиями, Сашура подолгу гостил в Павде, продолжая постигать практические уроки В.П.Словцова. Будто бы чувствовал, что все это пригодится ему в дальнейшей жизни.

У читателя может сложиться впечатление, что Сашура-попович в детстве вел довольно свободный, или, как говорят сегодня, «отвязанный» образ жизни. Судя по свидетельствам современников, так оно и было. Иначе как понимать такой факт из биографии будущего ученого — в течение не одно-

Дом, в котором родился А. С. Попов (справа). Фоторепродукции Владимира Шура.

го года в доме Поповых работает частная бесплатная «девическая» школа, в которой трудятся и отец, и мать, и даже брат с сестрами, а Александр, по воспоминаниям того же В.П. Словоцова, чуть не до 11 лет оставался... неграмотным? Проявляя самостоятельный интерес к реальным техническим чудесам, он был равнодушен к сухим непонятым значкам, именуемым буквами. И не то чтобы он уродился глупее заводских девчонок — просто ему было неинтересно. Живые механизмы и мертвые буквы — есть разница?..

Зато когда пришло время, этот «переросток» овладел грамотой буквально в одночасье — за полтора месяца... А когда оно пришло, это время? Мы полагаем, где-то в 1867-1868 гг. — как только у отца Стефана созрело решение определить младшего сына на обучение в духовное училище.

Обучение тогда было раздельным. Девочек-поповен обучали учительскому ремеслу в епархиальных училищах, мальчикам давали начальное образование — в духовных. После духовного училища, имея приличную успеваемость, выпускник мог продолжить учебу в семинарии. А после семинарии успешно закончившим открывалась дорога в Духовную академию. Таким образом, не платя ни копейки, сын священника в царское время мог получить высшее богословское образование!..

Трудно сказать, желал ли скромный провинциальный труженик отец Стефан такой яркой судьбы для своих сыновей. Но то, что на начальном этапе этого процесса его замысел оказался верным, — это правда. Старший сын Рафаил окончил Екатеринбургское духовное училище, а затем — Пермскую семинарию по 1-му разряду, то есть, выражаясь светским языком, с отличием, перед ним выстелилась прямая дорожка в Академию, но он выбрал преподавание латыни в духовном училище, что дозволялось только «первообразным» выпускникам семинарии.

А вот как быть с Сашурой? Нам видится, что место учебы Александра было выбрано главой семейства все-таки исходя из того, где Рафаил получит должность. Если в Екатеринбурге — то ехать Сашуре в тамошнее училище, если в Перми — то туда. Вышло совсем иначе: Рафаил был назначен в зауральский город Далматов, широко известный своим старинным и крупным монастырем.

К моменту нашего рассказа словом «бурса» по старинке неофициально именовали всю систему образования в учебных заведениях духовного ведомства — как училища, так и семинарии.

Слава в народе об этих учебных заведениях, надо сказать, была недоброй. Дело в том, что до реформ 1861 г. учащиеся в бурсы набирали в принудительном порядке. Заботясь о том, чтобы низшие служители церкви (дьячки, звонари, сторожа) имели хоть какие-то приличествующие взрослому человеку знания, церковные власти насильно рекрутировали их в духовные училища. Здесь же по доброй воле обучались и мальчишки — дети священнослужителей. Вот откуда возникла возрастная пересортица в классе. Принуждение и зубрежка бесконечных церковных текстов (псалмов, кантов, молитв) сформировали в бурсацкой среде тягостную атмосферу отбывания повинности, которая в одинаковой степени уродовала и преподавателей, и учеников.

После 1861 г. бурсацкая рекрутчина была отменена, и возрастной состав учащихся более-менее выравнивался. Однако это никак не повлияло на укоренившиеся в бурсе нравы.

Четырьмя годами раньше Александра Попова тронулись в путь братья Мамины в сопровождении отца — Наркиса Матвеевича. Старшему Николаю было 14, Мите (будущему писателю Д.Н. Мамину-Сибиряку) — 12. Путь их лежал из Висимо-Шайтанского Завода через Нижний Тагил в Екатеринбург. Здесь по результатам приемных испытаний оба мальчика были приняты на высшее отделение местного духовного училища (всего курс обучения длился четыре года, первые два года — это низшее отделение, а вторые два — высшее. Зачисление на то или иное отделение производилось в зависимости от подготовленности «абитуриентов»). Казалось бы, все в порядке. А дальше вот что получилось...

Цитируем повесть уральского писателя В. Старикова о Мамине-Сибиряке:

«Первые учебные дни, первое знакомство с бурсацкими порядками, товарищами потрясли Митю. Все было, как в книгах и рассказах о бурсе. Но одно дело услышать веселые рассказы дьякона отца Николая или прочитать, а другое — увидеть своими глазами, испытать на своей спине. Старшие шестнадцатилетние верзила сразу устроили новичкам свои «экзамены». Дергали за уши, за нос, волосы. Грубость и сила — вот что было самым главным в отношении к младшим. Жестокость одних рождала ответную у других. Жестокость бессмысленную, ничем не оправданную. Просто из желания увидеть на лице жертвы выражение страха, ужаса, насладиться минутой своей власти и силы.

Появились самодеятельные расправы, может быть, потому, что учебное начальство практиковало жестокие наказания розгами, от предчувствия которых терялись, бледнели даже сильные и отчаянные бурсаки.

В ходу было такое выражение: «Кожа наша, воля ваша: розги казенные, люди наемные — дерите, сколько хотите...»

Митя выглядел слабеньким; бледным лицом он выделялся среди других. Ему первому из троих пришлось испытать, что такое «смазь» ладонью по лицу, «вывертка», когда выкручивают кожу на руке, попал он и в «темную». Он теперь ежеминутно ожидал какой-нибудь обиды, насмешки, нападения любого соседа, поэтому в классе слушал невнимательно, с трудом понимал учителей. Привыкший к домашней тишине вечерами, он не мог сколько-нибудь прилежно заниматься в общей шумной комнате.

Потянулись страшные для него дни...».

Итак, дебют Мити Мамина в качестве ученика духовного училища оказался малоудачным. А ведь ему было уже двенадцать — тинейджер! Сашуре же Попову пришлось начать «карьеру» бурсака в девять. Теперь, зная условия, в которых предстояло обучаться нашему герою, мы можем наверняка понять его родителей, подгадавших вступление младшего сына в бурсацкую науку к занятию старшим сыном должности преподавателя Далматовского духовного училища — и научит, и досмотрит, и защитит.

Анна БОРОВСКАЯ

Очень грустная сказка (для подростков)

1

Это случилось давным-давно, когда на свете ещё не было железных машин, и люди передвигались по земле пешком или на лошадях. На окраине большого старого города жила бедная семья. Третьим ребёнком был мальчик по имени Карло. В его маленькой детской груди билось большое, доброе сердце. Карло рос обыкновенным ребёнком: шалил как все дети, помогал в доме. Вот только ростом выдался он немного выше стула. Сначала родители расстраивались по этому поводу, но вскоре смирились и воспитывали его, как и остальных детей. Младшие братья и сестры любили Карло и играли с ним, пока не подрастали. А, подрастая — замечали, что он не такой как все и начинали тихо ненавидеть его. Одна только сестричка Софи жалела Карло и любила всем сердцем. А надо сказать, что кроме Карло и Софи в семье было ещё семеро детей.

Эта семья всегда бедствовала. Случались дни, когда кушать было совсем нечего. Тогда мать делила на всех последнюю лепёшку и давала её детям. Самый озорной и проказливый мальчик отламывал от краюхи карлика кусок и, давая ему, говорил: — «Тебе и этого хватит, ты же у нас маленький!» Конечно, такие слова доводили Карло до слез. Кроме того, старшие дети так же часто обижали его. И, однажды, прижавшись к матери, горько плача он сказал, что готов уехать хоть на край света.

2

Вскоре через их город проезжал цирк, самый большой и знаменитый в то время. В его обозе ехали артисты разных возрастов и народов: чернокожие негры, таинственные индусы, китайцы и даже австралийцы. На самых больших повозках размещались непонятные, загадочные механизмы и приспособления. В деревянных клетках перевозили львов и тигров уставших от долгого переезда. Следом вели слонов, медведей и таких диких животных, которых до этого горожане видели только на картинках.

Когда цирк въезжал в город, огромная толпа любопытных собралась приветствовать его. Карло вместе с братьями и сестрами тоже побежал смотреть. Дети протискивались между взрослыми в первые ряды. Карло был так мал, что попросил своего отца посадить его на шею, чтобы увидеть великолепную процессию своими глазами.

В самом дорогом экипаже ехал хозяин цирка, полный и

крупный человек. Ему нравилось, как его встречают и он, не скрывая, радовался этому. Но вот в толпе он увидел нашего карлика. Меткий глаз хозяина сразу выделил его. Он позвал своего помощника, написал записку и велел передать её отцу мальчика. О чём в ней говорилось, я думаю, вы догадываетесь: хозяин цирка давно собирал карликов по всему свету для своего особого карликового театра и поэтому предложил родителям продать мальчика.

Когда вся семья собралась у очага, и помощник зачитал письмо, в доме воцарилось молчание. Несколько минут было так тихо, — а для Карло так тревожно, — пока кто-то не всхлипнул в углу комнаты. Это заплакала Софи. Младшие дети почти ничего не поняли. Почувствовав беду, они обступили своего братца и захныкали. У старших детей засверкали глаза, и тот самый злой брат подошёл к Карло, хлопнул его по плечу и сказал: — «А я и не знал, что ты так дорого стоишь!» Одна из сестёр тут же прошептала: — «Нам так нужны эти деньги... за всю жизнь нам столько не заработать!» Другой брат добавил, что на эти деньги можно было бы купить лошадь или хорошую одежду... И все сразу же забыли о карлике и стали мечтать о новых сюртуках и платьях, о разных сладостях и ещё много о чём...

А бедный Карло уже ничего не слышал. Он понял: произошло что-то непоправимое и, глотая слезы, ели сдерживался, чтобы не разрыдаться. Тогда встала Софи, она сложила свои маленькие ручки на груди и стала умолять семью пожалеть брата. Опомившись, дети притихли и опустили головы.

На следующий день родители передали отказ хозяину цирка. Но в тот же вечер хозяин сам приехал к ним в дом и рассказал как ему, карлику, будет хорошо в его театре. Его прилично оденут, сытно накормят, и будут обращаться с ним как с господином. Мальчик объездит весь мир, многое узнает и увидит своими глазами. И к тому же, он сможет же-

ниться на какой-нибудь карлице из его же театра. Хозяин так хорошо говорил, что родители стали сомневаться - правильно ли они поступили, отказавшись от предложения.

Тем временем наверху дети слышали весь этот разговор, и старшие братья начали уговаривать Карло уехать с цирком. «Ты сможешь кого-нибудь полюбить!» — говорили они. «Ты будешь спать на мягкой чистой постели и есть самые сладкие пирожные!»

Они всё говорили, говорили и не понимали, что для Карло самым большим горем было бы расстаться со своими родными и домом, в котором он родился. У него отняли самое дорогое, самое любимое, что было на сердце. Ведь он никогда не собирался покидать дом — в отличие от других детей. Какая тоска вселилась в него в тот вечер — этого никому не понять!

3

Прошло несколько дней... Карло ни с кем не разговаривал. От тяжёлых переживаний он даже не мог играть с Софи. Он видел, как зло косятся на него старшие дети — как будто их счастье зависело только от него. Мать и отец прятали глаза при встрече с Карло. Бедняга стал чувствовать себя виноватым. Придя к матери, он бросился к ней на грудь и зарыдал: «Что же мне делать, мамочка? Как жить дальше? Братья и сестры не дадут мне покоя, если я останусь! Но и уйти я не могу!» Мать обняла его и тоже заплакала. Она

утешала его, говорила, что любит его не меньше, чем других своих детей. И ещё то, что он должен благодарить судьбу за представившийся случай.

Мальчик пошёл спать. Его судьба была решена. На следующее утро он собрал вещи, нежно поцеловал спящую Софи и младших детей, попрощался с родителями и ушёл. Скоро в дом принесли деньги. К этому часу дети уже проснулись. Семья зажила так, словно Карло никогда и не было с ними. Только бедняжка Софи с того времени тяжело заболела и, спустя неделю, умерла. Но Карло об этом никогда не узнает, потому что не вернётся домой.

И... почти счастливый конец!

Душа Софи долго летала по свету в поисках своего брата. А когда нашла — всюду следовала за ним, оберегая его от разных бед. Она давно уже решила стать первым ребёнком Карло и только ждала подходящего случая. И вот настал день.

Карло влюбился в такую же карлицу как и он сам. Они поженились, у них родилась девочка. И, когда Карло взял первый раз её на руки, и назвал дорогим сердцу именем Софи, малышка тотчас улыбнулась и, похоже, подмигнула ему — в знак согласия. С той поры он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете! А если и вы чувствуете себя счастливыми — знайте; рядом с вами душа, любящая вас бесконечно!

Художник Светлана Краскова.

Наталья ИШКОВА

Прощай, Жангиз

Не понимаю, почему это было все еще так важно? Скоро начнут взрывать ракетные комплексы, стоящие миллионы. Очень немногие из дивизионного начальства, снявшие с помощью солдат комплекующие из цветного металла, успеют по дешевке продать этот металл заинтересованным в легкой наживе казахам. Потом казахи начнут сами разыскивать и вырывать из земли с помощью мощных тракторов электрокабели, содержащие цветной металл. В обесточенный таким образом район пусковой установки, если вовремя дойдет информация, будет срочно вылетать вертолет с начальником нашего ОМОНа Славой Пестовым. Слава со вкусом будет стрелять из пистолета и из автомата, по всем имеющимся в наличии колесам автотехники казахов, а затем забирать, угрожая оружием, кого-нибудь из казахов в заложники. Плата по таксе: один заложник — два барана. По поводу вырытого электрокабеля дивизионное начальство будет договариваться с казахами отдельно.

Скоро полуразрушенный жилой фонд городка отдадут Казахстану. Нищий Казахстан попытается устроить там колонию для зеков. Начнут с вырубki вишневой аллеи — гордости нашего городка. Вишни мутировали в странный кустарник, но цвели и пахли, как настоящие.

Ну а пока Сергей целыми днями, а часто и ночами выполняет idiotские приказы, сочиняя массу бумажек, дабы эта отчетность стала доказательством безупречного служения Родине сержантской школы. Как всегда, он замкнулся на своих проблемах, не обращая на меня и сына никакого внимания. Иногда я думала: «Если сейчас мне бросить мужа, то умрет он с голоду или нет?»

Мне было 33 года. Я хотела счастья и любви. Я ненавидела свое одиночество, убогость существования и мужа, который затащил меня в этот ад. На службе приходилось заниматься омерзительной работой: обслуживать солдатскую столовую. Нас, женщин-военнослужащих, разбили на команды. Эти команды по очереди мыли, в прямом смысле заплыванный, солдатами пол, очищали от дурно пахнущих объедков тарелки, чистили картошку и другие овощи. Все это приходилось делать в неотапливаемом помещении и в холодной воде. Согласно воинскому Уставу, меня, как прапорщика, не имели права заставлять это делать, но я не сопротивлялась. Солдаты не могли обслуживать свою столовую сами. Они ночевали в холодных казармах, а днем делали самую грязную

работу по восстановлению вышедшей из строя котельной. У них уже несколько месяцев не было нормальной бани, и у большинства появились вши. Это были грязные, вялые и озлобленные, часто больные пацаны, в основном казахи, которые ненавидели нас, как ненавидят оккупантов. Иногда кто-нибудь из солдат дезертировал, отогревался и отъедался у родных в каком-нибудь дальнем ауле. Обычно выдерживал срок в месяц или два, а потом, по указанному в личном деле солдата адресу, за беглецом посылали офицера. Как правило, родственники безропотно выдавали служивого, ведь без документов, оставшихся в войсковой части, он не мог устроиться на работу и становился днями их обузой.

Наша работа в столовой называлась нарядом и поощрялась отгулами. И вот после очередного такого наряда я бегу домой. Вся одежда и волосы пропахли мерзким запахом помоев. Скорее бы нагреть кипятивником воды и помыться! А завтра... Завтра я, назло всем врагам, устрою себе праздник души! Преодолеваю встречный ветер перебежками от подъезда к подъезду. В Жангизе зимой дует ветер сильный и очень сильный, который мы называем «бабай» — это когда захочешь упасть на землю против ветра, и не сможешь. Если же ветер в спину, то нужно откидываться назад, а ногами упираться в землю, как будто вовсе не хочешь идти вперед, только тогда тебя не понесет со страшной скоростью до ближайшего препятствия. Заборы из сетки-рапицы облеплены мусором и газетами, вырванными ветром из мусорных бачков. Примерно на 1-2 дня в неделю ветер стихает. Раньше, в былые счастливые времена, центральная аллея заполнялась в это время гуляющими с колясками мамочками. ярко светило зимнее солнце в насыщенном голубизной куполе неба, щебетали птички. Прогуливаясь расслабленной походкой, не закрывая лицо от обжигающего, сдирающего кожу с лица, ветра, замечали забавные подробности. С одной стороны дома видна обнаженная промерзшая земля, а с другой, подветренной — сугробы до второго этажа — плоская местность превращалась в холмистую.

Следующим вечером дует небольшой бабайчик. Вот я и у нужного мне дома. С бьющимся сердцем бегу по темной неосвещенной лестнице. Дверь, как и договаривались, не заперта, в прихожей горит свет. Поворот закрывающегося изнутри замка — все, я во временном убежище, как зверек, забившийся в норку от преследователь. Прочь заботы, прочь страх за сына, за себя, за такого далекого и такого близкого мне мужа! Здесь от меня, наконец-то ничего не требуют. Юра прижимается лицом к

(Окончание. Начало в № 2, 2004.)

моей влажной от снега шубке, щекоча усами, нежно целует мои ладони. В коридоре и на кухне холодно, примерно градусов шесть, но, отворив дверь в комнату, я оказываюсь в относительном тепле, приблизительно пятнадцать градусов. Комната обогревается и освещается спиралью самодельного «козла». Свет потушен, а окна зашторены от незваных гостей, практически ежедневно заглядывающих к Юре на огонек. У кого-то из своих многочисленных знакомых он достал буржуйский шоколад «Альпен Гольд». С вином сложнее — удалось достать только водку. У меня сегодня не так много времени, поэтому для достижения слабой степени опьянения, пьем горячий крепкий чай, слегка разбавленный водкой (десертная ложка водки на чашку чая). Сидя на диване, я выплескиваю эмоции, рассказывая о времени, проведенном без любимого. Иногда Юра комментирует мой рассказ замечаниями, окрашенными легким юмором... Он присаживается на корточки, нежно поглаживая икры моих ног. Я наклоняю к нему лицо для поцелуя, вначале в нос, потом подставляю глаза...

Мы молча сидим на диване, прижавшись друг к другу и придвинувшись к единственному в комнате источнику тепла и света. Я ощущаю себя пещерной женщиной рядом со своим защитником-мужчиной. Я согреваюсь в теплых волнах его любви. Пройдет немало лет, но снова, когда мне будет холодно от одиночества, я закрою глаза и почувствую тепло его рук и услышу нежный голос: «Я люблю тебя».

Пора домой. Как не хочется в промозглую темноту на колючий ветер! Ветер не столь сильный, поэтому из моих соображений конспирации, Юра с газовым пистолетом в кармане провожает меня, чуть приотстав. В моем подъезде неожиданно темные окна, видимо, опять проблемы с электричеством. Я останавливаюсь на лестнице. А вот и Юра, маленьким фонариком освещает ступени. У дверей моей квартиры молча кладет его мне в карман шубы. Прижимает меня к себе, шепчет, целует и щекоча усами: «Я люблю тебя».

У себя дома я зажигаю керосиновую лампу. Мужа, конечно же, еще нет. Я не понимаю его жизни. В самом деле, какой долг и какие обязательства могут быть у нас, забытых и брошенных на выживание? Иногда поздно ночью я звоню мужу на работу, а иногда даже слышу его ответное «Алло». Иногда я остервенело кричу в трубку: «Ты собираешься сегодня домой, ты знаешь, что мы уже 10 часов без электричества?!» Но сего дня я не хочу слышать его голос.

Приученный мной к жесткой дисциплине, сын уже спит, закрывшись с головой одеялом, несмотря на сравнительно еще раннее время. Покормив его ужином, я ушла, не зная, что отключится электроэнергия. Чтобы не замерзнуть, Саня залез под одеяло и уснул. Отворачиваю край одеяла и трогаю носик ребенка: холодный или нет? Неровное пламя керосиновой лампы освещает такое родное личико. Какая же все-таки я плохая мать! Бедный сыночек, сколько же ты просидел один в страшной темноте? Пока в комнате еще не очень холодно, но к утру, температура значительно упадет. Я одеваю на сонного ребенка толстые

носки и спортивный костюм. Укладываю Саню рядом с собой на диван, прижимаюсь к самому родному для меня существу, остро нуждающемуся в моей защите. Натягиваю к подбородку два одеяла. Хорошо, что ветер дует не в наши окна.

И все-таки, несмотря на всю убогость обстановки, я желанная женщина. Засыпая, я вспоминаю слова: «Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю...»

Не знаю, когда вернулся Сергей. Он давно уже спит в соседней комнате, чтобы не беспокоить меня своими поздними приходами. Утром мы с ним в растерянности решаем, как обойтись за завтраком холодной некипяченой водой. Хорошо хоть, что дома есть колбаса. Ее мне привезла соседка из города Усть-Каменогорска, что километрах в ста восьмидесяти от нас. Когда мне подвернется такая возможность, я тоже что-нибудь привезу соседке. В принципе, для меня не проблема отпроситься у начальства, чтобы съездить к празднику за подарками и продуктами в Новосибирск — до которого 18 часов езды на поезде. Саня уже с Нового года не ходит в школу, закрытую из-за аварии на котельной. Он получает строгий наказ не вылезать из-под одеяла. Я собираюсь сходить на развод в свою часть и вернуться домой. Муж уходит на свою службу с ненормированным рабочим днем. Кстати, Сергей, по моему мнению, мог бы часть документации оформлять и дома. Проблема лишь в том, что его не тянет домой.

На разводе все стараются повернуться спиной к ветру. Я, как говорится, прихожу с миллиметровым ззором. Большинство уже в строю. Юра заботливо застегивает тугой крючок под подбородком на моей афганке, поднимает мне негнувшийся воротник, загораживает собой от ветра. Все давно уже привыкли, что он меня опекает. Строй выглядит так, как будто подана уже команда «Разойдись!», а идти некуда. В полголоса обсуждаются житейские проблемы, не теряющие отлагательства. Мы с Юрой договариваемся, что если у меня сегодня так и не появится электричество, то я смогу приготовить обед у него, дай вообще, могу свободно воспользоваться его квартирой, чтобы переждать это время с сыном в относительном тепле. Ничего такого в этом нет, сейчас многие помогают друг другу, предоставляя свое жилье. Но я понимаю, что он думает о том, что произошло в восьмой группе. Молодой перспективный командир группы отбил жену у своего заместителя. Бывшие друзья, а в настоящем соперники, стали выяснять отношения кулаками, причем законному супругу досталось намного больше. Молодой командир группы не внял воспитательным воздействиям начальства и по сей день продолжает жить с женой своего зама, оставаясь в тоже время в законном браке со своей женой, уехавшей с ребенком на Родину. Когда Юра начинает в очередной раз об этом разговор, я отшучиваюсь: «У тебя явно мусульманские корни: две жены, четыре ребенка — зачем тебе так много?»

Перед строем наши отцы-командиры решают совсем другие проблемы. Ночью в дивизии опять было совершено нападение на караул. Что делать со вшами, одолевшими давно не мытый замерзающий личный состав? В

завершение перед строем выводят замызганного понурого беглеца. Судя по внешнему виду, ему так и не удалось отогреться, отъестся и отмыться. Говорят, что у него это уже не первый побег. Подполковник Ибрагимов истерично орет, затем собственноручно бьет его по лицу. «Мапет-шоу», — критически замечают в строю. Не понятно, почему столько эмоций по поводу столь заурядного дела?

Наконец развод закончен. Основная масса военнослужащих женщин отпущена домой, за исключением штабных. Количество отчетной документации несколько не уменьшилось в связи с отсутствием отопления.

Дома (о счастье!) горит свет. Я включаю два обогревателя и две маломощные электроплитки. Хочется поскорее согреть помещение и приготовить что-нибудь поесть. Саня, укутанный одеялом, смотрит телевизор. Тут же от перегрузки срабатывает предохранитель на лестничной площадке. У нас сравнительно новый дом и, наверное, поэтому до сих пор сохранились в целости лестничные электрощитки, хоть как-то защищающие электрокабель, также менее изношенный, чем кабели в старых домах. Я выключаю один обогреватель, одну электроплитку и телевизор. Не дай бог полетит кабель! Впереди обычный день, заполненный домашними заботами. Кстати, дни все длиннее, скоро весна.

В марте стихнут ветра, дни будут исключительно солнечными. В апреле за две недели окончательно растают когда-то огромные сугробы. Все дороги в городке превратятся в бурлящие речушки. В мае уже наступит настоящее лето.

Глава 6. Весна

Наступил март. Уже в феврале постепенно стихли ветра. Каждый дань в ярко-голубом, без единого облачка небе светит ослепительное солнце. Воздух, с утра еще морозный, к обеду становится зримо струящимся от интенсивно тающего и нестерпимо блестящего снега. Приходится сочетать зимнюю шапку с солнцезащитными очками. После безжизненного завывания зимнего ветра радостные трели птичек оглушают. В воскресенье всей семьей: Сергей, я и Саня, — идем в сопки. С подветренной стороны снег значительно подтаял. Древние каменные пласты коричневого цвета покрыты белыми ажурными узорами из тончайших пластинок льдистого снега. Кое-где уже пробиваются слабые и бледные желто-зеленые росточки.

Саня снова учится. Отопления в школе, как и везде в городке, до сих пор нет. Занятия проводятся в классах, обогреваемых щедрым солнцем через огромные окна и электроприборами, захламляющими все свободное пространство пола. С утра ученики на занятиях сидят в верхней зимней одежде и варежках. К полудню в классе теплеет, и часть одежды снимается. Уроки длятся от двадцати до тридцати минут. Детям только дают ориентир на самостоятельную работу дома, в относительном тепле.

Всю зиму Саня скрашивал свое однообразное и хо-

лодное существование запойным чтением и решением алгебраических задач. Его не останавливала серая непродолжительность светового дня, и часто он продолжал заниматься при керосиновой лампе. В десять лет мой сын уже прочитал толстенный учебник истории для ВУЗов. В дальнейшем у него всегда будут складываться нежнейшие отношения с преподавателями, имеющими какое-то отношение к исторической науке. Думаю, что интерес Саши к самостоятельному обучению развила его первая учительница, которую я с благодарностью вспоминаю до сих пор.

Я боялась, что природная сообразительность и живость моего сына будут подавлены тоталитарной системой нашего совкового обучения. Руки лежат на парте и движутся, как у Буратино, параллельно и перпендикулярно. Спина прямая, будто деревянная. Глаза с подобострастным вниманием неподвижно уставились на учителя. Именно так меня пытались учить в первом классе. Затем, попав в элитную школу, куда учителей отбирали по конкурсу, я неожиданно для себя превратилась из серой троечницы в отличницу. Хорошие преподаватели развили во мне любознательность. Поэтому, когда подошло время отдавать в школу Саню, я постаралась познакомиться с нашими учителями поближе, чтобы понять, кому из них стоит его доверить.

Галина Федоровна была необычной женщиной и талантливой учительницей. Ее внешность поразила меня отсутствием стремления соответствовать правилам и стереотипам. Впервые я увидела ее летом девяностого года. Зеленая кримпленовая юбка семидесятых годов, от старости вся покрытая затяжками, и новая аляповатая яркосиняя кофта с люрексом. По-детски непосредственное стремление ко всему яркому довершалось желтой прической, выжженной перекисью и завивкой, в стиле «собачья дрожь»... Темные глаза и смуглые, выдающиеся скулы указывали на принадлежность к северной народности. Стиль обучения Галины Федоровны был еще более необычным, чем внешность. Однако и здесь просматривалось стремление ко всему яркому, выходящему за рамки серых стандартов. Она позволяла шестилеткам-первоклассникам без разрешения вставать и даже тихо переговариваться во время урока, чтобы обменяться письменными принадлежностями или выйти в туалет. Отношения с детьми строила на взаимном доверии и с самого начала внушала всем мысль об их неординарности: у них единственный в школе класс, где учатся с шести, а не с семи лет! У них самый веселый (другие говорили «недисциплинированный») и умный класс. В общем, они самые-самые! Обучение строилось по системе: объяснение нового материала, затем закрепление пройденного самостоятельной работой по карточкам.

Ученик, выполнивший наибольшее количество заданий-карточек, становился героем урока. Галина Федоровна не скупилась на похвалы, так как не имела права ставить первоклассникам официальные отметки. Она также не имела права давать им домашние задания, но настоятельно рекомендовала переписывать дома тексты из учебника в тетрадь. Кто переписал больше всех, тот опять

самый лучший. Это приводило к тому, что почерк ребенка формировался безобразным, зато грамотность становилась автоматической. Некоторые дети не выдерживали постоянной конкурентной гонки, тогда родители переводили их к другим учителям, и они начинали первый класс снова, но уже с семи лет. Переступивших же порог ее второго класса, Галина Федоровна активно спланировала выезды на прозрачные и соленые местные озера, выпусками фотогазет и прочим. Для этого ей необходима была помощь родителей, и она эту помощь требовала. Отказать было практически невозможно. Ее тон был беспелляционным, а контраргумент любому возражению звучал примерно так:

«Это нужно вашим детям!» А если Галина Федоровна была в чем-то уверена, то только абсолютно.

В мае девяносто четвертого Галина Федоровна, как и обещала, выпустила самый сильный в начальной школе класс. И это несмотря на то, что дети пропустили более трех месяцев занятий. Родители ломали голову, где взять традиционный подарок для учителя при полном отсутствии магазинов в ближайших окрестностях. Наша скромная непонятливость была развеяна уверенным заявлением самой Галины Федоровны, сделанным на родительском собрании по поводу выпускного вечера для детей. Ее как всегда непосредственное выступление звучало примерно так: «Я знаю, как вы мне благодарны и поэтому, чтобы вы не мучались, сообщаю денежную сумму в рублях, которая мне понадобится, чтобы купить пылесос, а где его купить — это уже мои проблемы». Кстати, Галина Федоровна никогда не жаловалась на низкую учительскую зарплату, как это у нас принято. Она понимала, что всегда можно найти альтернативное решение, а если нет — то просто уйти. Между тем, ситуация в школе была несправедливой и просто нелогичной. Мы, военнослужащие, получали огромную, по казахстанским меркам зарплату в рублях, так как считались россиянами. Школа же, в которой учились наши дети, почему-то относилась к Казахстану. Уровень учительской зарплаты измерялся в тенге, что в переводе на российские рубли составляло примерно десятую часть моей зарплаты прапорщика Российской Армии. Очень многие учителя уволились, а оставшиеся действительно были энтузиастами своего дела. Образовавшиеся вакансии заполнялись малообразованными казашками или солдатами, отчисленными в свое время из ВУЗа. Я посчитала, что родители нашего класса дешево отделались, заплатив за год самоотверженной работы учителя российским пылесосом.

В эту зиму неопределенности и ожиданий в нашем городке в пьяном угаре нелепо погибли трое офицеров. Одна женщина умерла от аппендицита. Наш госпиталь не был готов принять ее, а до районного центра довести не успели. И вот нонсенс — мамаша, прогуливающаяся с детской коляской по залитой весенним солнцем аллее. Практически все встречные, особенно мужчины, уважительно и с улыбками поздравляют ее. Я считаю ее героиней. Я знакома с мужем этой женщины, Игорем. Когда мы вместе служили в Ивановской области, где у нас была намного более спокойная жизнь, чем здесь. Я до-

вольно близко общалась с его первой женой, Ольгой. Она скучала от вяло протекающей, скучной провинциальной жизни. Ее муж, «тюлень», как она его называла, не был способен на поступки, хоть как-то разбавляющие однообразие этой болотной жизни. Ольга боролась со скукой по-своему: в пьяных компаниях и следующих за этим домашних разборках. Игорь, когда ему все это надоело, перевелся в Жангиз. К этому времени они уже были в разводе. Видимо, после исчезновения Игоря, жизнь у Ольги стала еще скучней, и она вместе с дочкой стала периодически навещать бывшего мужа в Жангизе. К этому времени он уже ходил к другой женщине, но всегда принимал у себя бывшую жену, объясняя это любовью к дочери. И вот, эта женщина из нашего городка подарила Игорю сына. Причем родила его здесь и сейчас, не уезжая на Большую землю. Она заранее договорилась с госпиталем, и для нее специально была приготовлена палата, горячая вода и прочее. Роды прошли успешно. Мать и сын были здоровы. Счастливый отец заранее запасся детским питанием. Жизнь продолжалась, и в ней было многое, но напрочь отсутствовала скука.

Примерно к середине апреля земля освободилась от снега, умылась бурлящими ручьями и подохла под щедрым солнцем, блестя слезинками лужиц. Сергей сказал, что появились подснежники. Мы снова всей семьей идем гулять в сопки. Не знаю, «как классифицируются цветы, которые мы называем здесь подснежниками. Это цветы на коротких стеблях, с бутонами в форме тюльпанов и с чуть заостренными лепестками. Гамма цветов небольшая: от голубовато-серых или розовато-серых до более редких, бледно-желтых. В поисках желтых мы поднимаемся на ближайшую сопку. Я присаживаюсь на теплый камень, покрытый вековым древним мхом, настолько коротким, что его трудно нащупать пальцами. Подношу к глазам небольшой осколок древнего камня и разглядываю разноцветный чешуйчатый мох. Чешуйки маленькие и совершенно разные по цвету: ярко-зеленые и бурозеленые, желтые, терракотовые и коричневые. Отныне этот камень будет всегда лежать у нас на письменном столе. Высоко, в восхищающей меня глубокой голубизне неба, поет жаворонок. Он плещется в восходящих от земли струях, повиснув на одном месте. Иногда опускается немного вниз, лоя новую струю воздуха, и тогда становится видно, как суматошно быстро машет он крылышками. Это великий солист степей и полупустынь. Его виртуозное пение можно слушать часами, и в это время все остальные птицы молчат.

В начале мая кое-где в городке восстановили подачу горячей воды. Сергей повел меня в одно из воинских подразделений нашей дивизии в душ. Душ примыкает к традиционной сауне, построенной в еще былые времена в угоду проверяющим и просто начальникам. Пусть завидуют мне те, кто не знает, что такое не мыться по нормальному всю холодную зиму! Они никогда не поймут, какой это кайф — настоящий душ, бьющий сильной струей: горячей, теплой, холодной, какой захочешь. Как здорово с силой растирать длинной намыленной мочалкой все тело: и щеки, и ложбинку между лопатками, и даже

порозовевшие пятки. Если вы действительно хотите настоящего ощущение этот кайф — не пользуйтесь горячей водой хотя бы один зимний месяц.

Наверное, я очень долго мылась. Когда вышла из душа, муж улыбочиво поинтересовался, не отросли ли у меня за это время ласты. Домой вернулась прозревшей к творчеству Маяковского:

Нам, грязным, что может казаться привольнее
сплошную ванную туча, и вы в ней.

В холодных прозрачайших пахнущих молнией
Купайтесь в душах душистейших ливней.

А может быть, это в жизни будет, ...

В конце мая стало известно, что принято решение о свертывании ракетных полков. Правда, нет инструкций, разъясняющих как проводить эту грандиозную и опасную работу, но главное, что наверху разродились хотя бы самой идеей, а остальное наши мужчины додумают сами.

Глава 7. Людмила

С ней я познакомилась в восемьдесят девятом году, когда пришла работать в контрольно-измерительную лабораторию. Людмила встретила меня хоть и вежливо, но с неприятным ожиданием опасной конкуренции и готовностью меня нейтрализовать. Я чувствовала себя неуверенно и, поэтому, суетливо искала подход к сослуживице. Однако ее ответные эмоции стабильно оставались на нуле. Я рассказывала о себе, она вежливо слушала, иногда кивала, дожидаясь паузы и выходила из помещения. Я бралась за радиоприбор, проверку параметров которого, как мне казалось, уже давно освоила еще на старом месте службы. Она сухо замечала, что я все делаю неверно. Я теряла терпение и горячо начинала доказывать, что различия в наших методах проверки не принципиальны. Она безапелляционно заявляла, что здесь это нужно делать только так, а не иначе. Примерно через неделю вяло текущей подпольной борьбы я «достала» сослуживицу, наконец, доведя всплеск ее спокойных, но ехидных и высокомерных замечаний до критической отметки «истерика». Это был прорыв. После недельного обоюдного бойкота мы расставили акценты. Договорились, что я признаю ее превосходство и опыт в работе, а она признает меня, как личность, во всем остальном. Для Людмилы было очень важно ощущать свою значимость в различных областях знаний: на службе, в литературе и так далее. Она постоянно копалась в энциклопедиях и справочниках. Я же всегда считала, что количество приобретенных знаний никогда не заменит врожденного качества ума. Хотя, ум, как и любую драгоценность, необходимо шлифовать. Мы выяснили, что наши точки самутверждения не пересекаются, после чего повод для конфликтов исчез. Вскоре мы уже дружно сдавали армейскую проверку, на которой горой стояли друг за друга. Обе старались скрыть свои и чужие ошибки в ведении документации, но моя сослуживица, как более опытная, вралась более натурально и поэтому основной огонь взяла на себя.

Людмила вела жизнь одинокой гарнизонной дамы, не имеющей законного защитника в лице мужа. Ей постоянно приходилось что-то придумывать, чтобы пользоваться хотя бы относительным покровительством своих неофициальных защитников, и это выработало своеобразный стиль ее жизни. В кругу малознакомых людей, особенно женщин, Люда держалась скромно и не вызывающе, но когда хотела приблизить к себе кого-нибудь из мужчин, становилась откровенной и раскованной. Она редко сама переходила границу пошлости, но поощряла это в других. Пошлить рядом с ней не было стыдно. Про Людмилу поговаривали, что она спит со всеми своими начальниками. Иначе как было объяснить их покровительственное и снисходительное к ней отношение? Но это было бы слишком просто. Мужчины считали Люду слишком умной и частенько побаивались, поэтому часто она их просто подкупала. Одному тайно от его жены подкидывала деньги взаимы, другого, уставшего от затянувшейся холостяцкой жизни, подкармливала домашней стряпней и так далее.

Почти в любое время к Людмиле можно было заглянуть в гости без приглашения. Главным украшением ее уютной квартирки считались кактусы, разведенные в таком разнообразии и количестве, что когда не приди, какой-нибудь из них обязательно цвел. Кактусы росли не просто так, не в отдельных горшках, а были со вкусом составлены в композиции. Буквально за несколько минут гостеприимная хозяйка приготавливала что-нибудь к чаю. Чай или кофе, несмотря на извечный тогда дефицит, всегда были хороших сортов.

Людмила могла поддержать любую беседу, в зависимости от настроения: от светской, про новомодную телепередачу или книгу, до банального обсуждения костюма соседки или толкования очередной скандальной сплетни. Частенько в дверь звонил кто-нибудь еще, но комбинации из гостей в этом доме составлялись по тому же принципу, что и композиции из кактусов. Если приходил кто-нибудь, кто мог легко и гармонично дополнить уже сложившуюся компанию, то его гостеприимно приглашали пройти, а если пришедший мог внести какую-нибудь неловкость — ему вежливо предлагали прийти в другой раз.

О сексе Людмила говорила просто, как об одном из видов удовольствия. Периодически я подозревала ее в интимной связи с кем-нибудь из офицеров городка. Однако сама она никогда об этом не говорила, а на прямой вопрос всегда давала отрицательный ответ.

Вокруг Людмилы постоянно крутились интересные и не очень интересные мужчины, хотя ни в ее внешности, ни в манере одеваться не было ничего примечательного. В то время трудно было приобрести вещи хорошего качества, Люда научилась шить по модному журналу и приобрела вязальную машину. Ее одежда не отличалась экстравагантностью кроя и яркостью расцветок, зато всегда была добротной и элегантной. У нее, как говорится, были «золотые» руки, хоть и подпорченные артритом. Людмила умела делать недостатки своей внешности милыми или даже превращать их в достоинства. Она

любила узкие юбки и джинсы, подчеркивающие тонкую талию и женственные бедра, была близорука и носила очки со слегка затемненными стеклами, скрывающими морщинки вокруг глаз. Всегда чистые и пышные волосы красила в золотисто-каштановый цвет смесью из хны, какао, яичного желтка и чего-то еще. Больные, измененные артритом, пальцы никогда не украшала кольцами, но всегда следила за тем, чтобы ногти покрывал лак, по цвету соответствующий стилю одежды. На ее лице всегда был макияж, а волосы приятно пахли духами. Однако, главным, на мой взгляд талантом Людмилы бала ее хамелеоновская способность принимать взгляды и чувства понравившихся ей людей, как свои собственные.

Иногда в нашем городке случались события, ненадолго изменяющие чью-то устоявшуюся жизнь, как острый перец изменяет вкус пресного блюда. Тогда неделю или даже больше городок обсуждал новость, типа, как жена и любовница прилюдно оттаскали друг друга за волосы на центральной аллее. С осторожной Людмилой этого уже произойти не могло, но когда-то и в ее жизни были приключения. Ее бывший муж, как и большинство выпускников харьковского военного училища, по распределению был направлен в Жангиз. Здесь Людмила призвалась в контрольно-измерительную лабораторию на прапорщичью должность. В начале каждого лета муж с сыном уезжал в отпуск на Украину, к родителям, а в конце каждого лета Люда во время своего отпуска забирала сына обратно. В городке так поступало большинство. За лето дети вдоволь наедались фруктов, а родители отдыхали друг от друга и от детей. Однажды в июле в лаборатории появился только что выпустившийся, но уже женатый молодой лейтенант. Людмиле исполнилось тридцать два года. В ее семье давно уже было много лжи и мало тепла. Место героя-любовника в сердце пустовало. Завязался бурный роман, о котором скоро узнали слишком многие. Это были восьмидесятые годы. Политика коммунистической партии не предполагала безразличия к безнравственности в семьях, этих ячейках общества. В личной драме двух семей сладострастно копалось все замполитовское начальство дивизии, как будто в семьях у этого начальства никогда не было своих проблем. Вскоре, достигли результата: семья лейтенанта распалась, муж Людмилы и ее любовник были переведены к разным местам службы. Люда осталась в Жангизе одна. Ее двенадцатилетний сын после летнего отдыха у бабушки не захотел возвращаться обратно к матери, предавшей, по его мнению, семью. Уже бывшая, жена лейтенанта вернулась к своим родителям. Об этой истории вспоминали в Жангизе несколько лет. Все обвиняли Людмилу. Действительно, не мог же красивый и молодой лейтенант сам влюбиться в такую «немолодую и невзрачную» женщину, которая не выдерживала никакого сравнения с его красавицей женой? Ясное дело, что все это произошло только благодаря «коварству и подлости» Людмилы!

Я не совсем понимала, почему зимой девяносто четвертого года Люда не уехала к родителям в Харьков. Может быть, не хотела терять самостоятельность и слушать упреки в неудавшейся личной жизни? Может быть, боя-

лась экономического обвала на Украине и мечтала перебраться жить в Россию? Так или иначе, но она осталась, и ей было невыносимо тяжело без мужской поддержки, когда приходилось продукты первой необходимости запасать мешками, а вечером опасно было одной выйти из дома. Она пережила эту зиму, открыто сожительствова с офицером, отправившим семью на Большую землю. Он долго пытался перевестись в Россию и, наконец, в начале марта, ему удалось это сделать. Людмила рассказывала, что их отношения изначально строились на принципах взаимопомощи, но после его отъезда она, как бы, потухла изнутри. Думаю, что тяжелая зима сильно их спаяла и, расставаясь, они отрывали частицу себя.

В апреле началась изнурительная подготовка к московской проверке. Нас задержали каждодневными утренними «тревогами». Об учебной тревоге посыльный должен оповестить определенное количество военнослужащих, а оповещенные должны вовремя прибыть в часть. Норма времени закреплена в инструкции. Москвичей не будет интересоваться, почему обессиленные и озлобленные трудной зимой солдаты казахской национальности не хотят бегать и оповещать русских военных «окупантов» о начинающихся учениях. Чаще всего солдат добредал до последнего пункта назначения, когда в части уже звучал «отбой» учебной тревоге. В конце концов, порешили, что время внезапной тревоги будет доведено до нас заранее, и мы самостоятельно прибудем в часть. Посыльные будут перемещаться дня отвода глаз. Строевые смотры и тренировки стали повторяться почти также часто, как и тревоги. Рабочий день иногда выглядел примерно так:

— в 6 утра тревога с полной выкладкой, то есть пробежать в часть к 6.45 с химзащитой, противогазом и укомплектованным по инструкции вещмешком,

— в 8.30 ФИЗО, то есть занимаемся в спортзале бегом, силовыми и вольными упражнениями,

— в 10.00 строевой смотр с осмотром внешнего вида, прохождением торжественным маршем и прохождением с песней (с химзащитой, противогазом и вещмешком за спиной),

— с 11.30 по рабочему распорядку,

— в 16.00 повторный строевой смотр с устраненными замечаниями, сделанными утром.

Об омерзительном и вонючем наряде по солдатской столовой, нам женщинам, приходилось только мечтать — рабочая бригада освобождалась от всех перечисленных выше, мероприятий, кроме тревоги. На службе физическая нагрузка на мужчин и женщин распределялась поровну, однако дома женщин ждала дополнительная работа по приготовлению обедов и ужинов, уходу за детьми, стирке белья и прочего. По-прежнему не было горячей воды, не работали газовые плиты, отсутствовали магазины, в госпиталь можно было обратиться только в случае острой необходимости. За этот месяц я на пять килограммов сбросила свой и без того небольшой вес. Теперь у меня выпирали не только ключицы, но и тазобедренные кости. Не понадобились никакие индивидуальные тесты и диеты! И все равно, у

начальства, напуганного предстоящей проверкой, военнотружущие женщины вызвали бессильную ярость. Командир дивизии забыл, как совсем еще недавно уговаривал нас не бросать в беде своих мужчин. Теперь он постоянно напоминал нашим командирам, что пора избавляться от нерадивых женщин военнотружущих. Действительно, привыкнув ходить на каблуках, мы никак не могли понять как надо «печатать полный шаг» в одном строю с мужчинами и как можно держать прямо спину, оттягиваемую назад тяжелой военной амуницией. Высшее начальство тупо орало, а наши непосредственные командиры безразлично игнорировали их призывы. Все понимали, что на индивидуальную подготовку женщин нет ни времени, ни сил, ни желания, что все равно дальше Жангиза не пошлют, а раньше времени отсюда не выпустят.

Людмила, по ее выражению, «легла на дно и ждала, когда стихнет буря». В холодную зиму у нее обострились боли не только в руках, но и в спине и в ногах. Учебные тревоги и строевые занятия вызывали у нее физические страдания. После тяжелого дня Люда запиралась дома и никому не открывала дверь. Она лежала на диване, общаясь только с книгой или телевизором, старалась ограничить себя даже в еде, чтобы не расходовать драгоценные силы на приготовление и переваривание пищи. Иногда желание общения просыпалось. Людмила «всплывала на поверхность» и рассказывала нам о своих приключениях во сне и наяву. На мой взгляд, наиболее точно ее переживания отразились в одном сне: назначен дивизионный строевой смотр, но от этой экзекуции Людмилу освободил непосредственный командир. Радостная, она бежит домой, но около пропускного пункта видит красные лампасы, спрягавшегося за кустами, командира дивизии. Тогда, лихо приложив руку к козырьку своей форменной кепки, четко печатая шаг, она строевым направляется прямо к засаде: «Товарищ генерал, разрешите сдать!»

Наконец проверка сдана. Дивизии поставлена положительная оценка, и принято официальное решение о расформировании нашего соединения — «Финита ля комедия!» На майские праздники, я, как обычно, заглянула к Людмиле на огонек и неожиданно обнаружила проживающего там ее сослуживца Толика. Толик был потомственным офицером ни в одном поколении и прекрасным специалистом на службе. Он умудрялся совмещать несовместимое: пьянство и невероятную чистоплотность, материальную и моральную. Про него говорили, что стрелками на его брюках можно порезаться. Он был в разводе, но постоянно, по просьбе дочери, проживающей с матерью, ходил мирить свою бывшую жену с ее новым мужем. Свободное время проводил за бутылкой и чтением философских книг. С Людмилой они были давними приятелями, но я никак не могла понять, как ее, после девяти лет свободной незамужней жизни, угораздило опять наступить на те же грабли, ведь бывший муж, по словам Люды, был пьяницей и именно это послужило причиной их разрыва. Мне объяснили, что Люда и Толик всего лишь заключили деловое соглашение.

Зимой Толик уезжал в Питер на похороны отца. Когда он вернулся, дверь его квартиры была выбита, все вещи вынесены, окна разбиты, на полу валялись затоптанные фотографии. Выглянула соседка, облаченная в его банный халат. Толика никто здесь не ждал... Какое-то время он болтался по холостяцким квартирам, но природная брезгливость не давала ему покоя. Он не мог спать в тех постелях и сидеть на тех стульях. Он не понимал, откуда в нашем городке появляются эти чужие и грязные женщины. Толик жаждал уюта и покоя, чтобы хорошенько выспаться после расслабляющего алкоголя, а потом насладиться любимым чтивом. Все это он нашел в чистой квартирке у Людмилы. Взамен этого Толик предложил ей возможность уехать вместе с ним в Россию. Люда долго не думала: «Хуже, чем сейчас уже не будет, а станет ли лучше — время покажет».

Забегаю вперед, скажу, что Толика переведут служить в Саратовскую область. Бюрократические обстоятельства заставят их там пожениться, и, неожиданно для многих, они станут гармоничной супружеской парой. Надеюсь, на всю оставшуюся жизнь. Толик постарается не пить, а Люда — не курить. Они будут трогательно заботиться о здоровье друг друга и дарить друг другу любимые книги. Потом они вернутся на родину Людмилы, в Харьков, и Люда наладит отношения с сыном. Все будет хорошо.

А сейчас за окнами тополиной листвой шумит май. Втроем мы курим у Люды на кухне. Обращаясь ко мне, Толик поднимает крышку сковороды и восхищается: «Ты видела, чтобы обыкновенные макароны готовили с таким огромным количеством овощей!» Мы посылаем его на пропускной пункт за пивом. После ухода Толика Людмила рассказывает мне забавные подробности их совместного проживания: «Сего дня ночью зашли на кухню на пять минут покурить. Голые проболтали больше часа, пока совсем не замерзли!» Я думаю о том, что впервые на моих глазах между мужчиной и женщиной зарождаются отношения, замешанные не на любви и не на страсти, а на перенесенных вместе невзгодах.

Глава 8. Прощай, Жангиз!

Прошел год с того времени, как руководством было принято решение о расформировании жангизовской дивизии. Зимой девяносто пятого мы пережили, можно сказать, спокойно. Горячая вода подавалась бесперебойно, хотя, замороженную прошлой зимой отопительную систему полностью восстановить не удалось. В нашей квартире батареи нагревались до температуры около тридцати или тридцати пяти градусов и всего в двух помещениях из пяти, но после того, как мы перезимовали в совершенно неотапливаемой квартире, нам и этого было довольно. За лето заменили и закопали все вышедшие ранее из строя электрокабели. Разграбленные мародерами здания магазинов и поликлиники восстанавливать не стали. Нас обслуживал выстоявший госпиталь с восстановленными коммуникациями. Достаточно дешевые

продукты к пропускному пункту стабильно, по субботам, подвозили заинтересованные в российской валюте местные жители. Отпала необходимость ездить в Новосибирск за буржуйскими лакомствами. Теперь «сникерсами», «марсами», заморскими ликерами и прочим товаром сомнительного качества официально торговали в клубе. Гуманитарную акцию осуществляло замполитовское начальство из Новосибирска, еще неотвыкшее нагревать руки на дефиците. Сانه повезло, он перешел в пятый класс с укомплектованным педагогическим составом, в отличие от других, где часто некому было преподавать или преподавали солдаты, имеющие самое отдаленное представление об учебном предмете.

Городок все больше заполнялся новыми людьми с окрестностей. В основном это были одинокие женщины, устраивающиеся на непрестижную работу, например, посудомоек. Многие местные мужчины имели то или иное отношение к торговле спиртным и периодически нелегально проживали у своих знакомых или родственников, имеющих нашу прописку. Количество мужчин, которые из близлежащих окрестностей официально призывались на должности контрактников, также постоянно увеличивалось. Можно сказать, что лицо городка все больше обретало азиатские черты. Наш ОМОН периодически совершал зачистки нелегалов на явочных квартирах, но вечерами ходить по городку стало намного безопасней. Как-то я наблюдала, как пьяную разборку между европейской и азиатской группами мужчин в два счета, посредством тумаков, ликвидировали две молодые, прилично одетые казашки. Нейтрализовав своих пьяненьких мужчин подзатыльниками, они быстро увели их за пропускной пункт, причем одна направляла шествие, а другая замыкала. Все это действо сопровождалось активными воспитательными интонациями на повышенных тонах. Наша европейская дама выглядела в этой ситуации достаточно бледно. Ее еще в начале драки мужчины смахнули на землю, и теперь она потирала ушибленные места, и отряхивалась от грязи. Неожиданно я увидела, что несмотря на демонстративное уважительное отношение к мужчине, часто азиатская женщина в семье имеет больший вес, чем европейская.

К этому времени мы с моей бывшей сослуживицей Людмилой уже давно не служили вместе и не имели никакого отношения к контрольно-измерительной лаборатории. В условиях острой нехватки кадров в дивизии, образовавшиеся вакантные дыры командирских должностей среднего звена иной раз занимали рвущиеся к власти, а ранее совсем неперспективные офицеры, хотя случалось и наоборот, когда на незанятую должность рекомендовали наиболее инициативных. Так в одном нашем дивизионном полку старыми подполковниками лихо командовал очень способный молодой капитан, поставленный на должность заместителя командира полка.

На майорскую же должность начальника КИЛа был рекомендован Славик Аминов. Незаметный ранее тихушник, не имевший друзей, он пытался поднять свой авторитет тем, что жаждал унижения тех, кто раньше в упор

его не замечал, а теперь оказался у него в подчинении. Конечно, сразу же обнаружились прихлебатели, но они были в меньшинстве. Аминов не только не умел организовать работу лаборатории, но и слабо разбирался в специфике этой работы. Когда-то он учился в сельскохозяйственном институте и, наверное, что-то понимал в тракторах, но не в радиоизмерительной аппаратуре. Этот факт вызвал у Славика неуверенность и подозрительность, а у его подчиненных насмешки.

У Людмилы подошло время подписывать с начальством контракт на дальнейшее прохождение службы. К этому времени она в общей сложности проработала в КИЛе уже более десяти лет и имела достаточный опыт и уверенность в собственной значимости. Это повергало нашего начальника КИЛа, не чувствовавшего себя столь же компетентным, в уныние. На ее конкретные вопросы по существу он глубокомысленно и загадочно молчал, ожидая рабелепных поклонов, придающих ему большую значимость в собственных глазах и демонстрирующих лояльность подчиненной. Людмила не поняла всей важности ожидаемых от нее манипуляций и контракт подписала с другим начальником, который был одним из многочисленных ее приятелей. Таким образом она и оказалась на другой работе.

У меня сложилась другая ситуация. Славика раздражали чересчур дружеские, на его взгляд, мои отношения с Юрой. Вычитав где-то фразу «разделяя, властвуй», он наивно пытался настроить нас друг против друга, выставляя то Юру, то меня в невыгодном свете. На нас это не производило никакого впечатления, и тогда Славик стал перед всем строем делать мне скабрзные замечания. Однажды, получив в очередной раз в свой адрес порцию двусмысленностей, я почувствовала, что запас моего терпения исчерпан, а переполнявшие меня эмоции рвутся наружу. Юра был в отпуске, и останавливать меня было некому. Согласно Уставу я не имела права пререкаться в строю со своим командиром, и мое слабое словесное сопротивление хамству было задавлено объявлением мне очередного взыскания. Тогда, дождавшись окончания рабочего дня, я вломилась в квартиру Славика в гражданской одежде и без погон. Там, в неофициальной обстановке, смазала своему командиру по физиономии, прямо при его жене, и уточнив предварительно, что он не имеет никаких шансов стать моим любовником. В ответ майор Аминов, с трудом подыскивая падежи, составил жалобу вышестоящему начальству. В ней он поведал, что я «ворвалась», «угрожала ему, жене и его детям», и вообще, «опорочила свое звание военнослужащего». Над этим произведением эпистолярного искусства хихикала вся дивизия, но, согласно Уставу, меня вызвали на проработку, угрожая увольнением. Мне не оставалось ничего другого, как сочинить ответное произведение, где я жаловалась на систематические оскорбления в свой адрес со стороны начальника КИЛа. Под этим подписалось большинство офицеров контрольно-измерительной лаборатории уставших от комплексов мыльного пузыря со стороны Славика. История приобретала неожиданно скан-

дальний оттенок, и, чтобы не нагнетать обстановку, меня перевели в другое подразделение на офицерскую должность, так как прапорщических вакансий в уже сокращаемой дивизии не было. По иронии судьбы, моя новая должность напрямую была связана с воспитанием личного состава.

К лету девятого года разрешилась, наконец, проблема перевода моего мужа к новому месту службы. Перевод нам достался с большим трудом. Вначале Сергей, находясь в отпуске у себя на родине, выпросил отношение, предлагавшее командиру жангизовской дивизии перевести его на другую должность в Пермскую область. В Жангизе это предложение игнорировали, так как дивизия была не укомплектована офицерским составом на сорок процентов. Пришлось мне пойти к комдиву на прием и взывать там к его человеколюбию и совести, демонстрируя покрытого коростами сына. Саню необходимо было срочно обследовать, потому что его подавленный агрессивной окружающей экологической средой иммунитет уже не справлялся с неизвестной мне болезнью. Рядом с жилой зоной нашего городка постоянно проставляли составы со слитым токсичным топливом или снятыми ядерными боеголовками.

Свертывание нашей ракетной дивизии проводилось в рекордно короткие сроки. Офицеры не щадили себя, так как все хотели домой в Россию. Технология снятия с боевого дежурства, разукрупнения и уничтожения ракетных полков разрабатывалась по ходу работ самостоятельно. За эту опасную и вредную для здоровья работу офицерам ничего дополнительно не платили, да они ничего и не ждали, давно привыкнув ощущать себя брошенными на произвол судьбы заложниками политики государства.

Когда, наконец, теоретически решился вопрос о переводе мужа, я впервые на два месяца оставила сына одного у родственников в Перми. Неизвестно было, как мы будем преодолевать различные препятствия, связанные с предстоящим переездом, и в этой ситуации ребенок становился дополнительной проблемой. Так, не понятно было, где мы будем доставать контейнер для отправки домашних вещей. Местная казахская станция не хотела предоставлять бесплатные контейнеры, положенные нам по российским законам. Офицеры горько иронизировали, что в создавшейся ситуации целесообразнее будет просто порубить домашний скарб топором, чем платить бешеные деньги за его перевозку, которых хватит, чтобы купить все заново. Ходили упорные слухи, что наши контейнеры на железной дороге вскрывают сверху, как консервные банки, а затем достают из них ценные вещи. Продавать же имущество казахам было очень невыгодно. Что добротные и ценные вещи, что абсолютный хлам они покупали по одинаково низкой цене. На наше счастье, нашлись предприимчивые люди, которые смогли и сами заработать, и помочь нам. Это были водители рефрижераторов. Мы грузили вещи в машину и отправлялись вместе с ними за двести километров, в город Усть-Каменогорск. Там, по непонятной для нас причине, не было никаких проблем с железно-

дорожными контейнерами, предоставляемыми по воинским требованиям на бесплатную перевозку. Проблема была лишь в том, что было неизвестно, когда подвезет такой рефрижератор, ведь этот вид услуг был нелегальным. Времени на ожидание подходящего случая часто не предоставлялось. Начальство то всячески препятствовало переводу офицера, а то неожиданно предписывало ему в кратчайший срок прибыть к новому месту службы, и поэтому приходилось месяцами жить буквально на чемоданах.

Это было необычное и странное лето. Когда-то, при первом знакомстве, Жангиз неприятно поразил меня полчищами саранчи. Насекомые были похожи на очень крупных серых кузнечиков с пестрыми крылышками, как у бабочек и толстыми, как у гусениц, брюшками. Выжженная солнцем убогая растительность полупустыни под корень пожиралась мерзкими тварями, а в городке листья на деревьях становились похожими на сито. Каждый шаг сопровождался треском взлетающей саранчи, часто неуклюже шмякавшейся в лицо и другие части тела. Через два года саранча исчезла, но все равно к июлю зелень вокруг городка превращалась в выжженную солнцем серую полупустыню. Протекавшая неподалеку речка с талой и прозрачной водой пунктиром умирала в мелко-сопочнике. Последнее же лето было необычайно мягким и дождливым. Сопки зеленели до самой осени, а речка так и не пересохла.

Покупая продукты только у местных жителей, я пристрастилась к кумысу и молодой баранине. Хорошая баранина на вкус сладковатая и сочная, а ядреный кумыс не только слегка пьянит, но и тонизирует. Теперь, на мой взгляд, вялое пиво не шло ни в какое сравнение с кумысом, бьющим в нос и вызывающим жар в крови. Пиво стало для меня лишь дополнением к хорошей рыбе, которая в изобилии водилась в окрестных, чистых и соленых озерах.

Это было лето прощаний. Почти все ракетные полки уже были свернуты и уничтожены, и офицерам постепенно стали давать разрешение на увольнение или перевод. Армейское руководство было заинтересовано географически оставлять офицеров в пределах этой же армии, то есть только перекидывать их через российско-казахстанскую границу и оставлять служить в такой же глуши и почти в таком же климате. Офицеры же не хотели менять шило на мыло, а стремились перебраться поближе к большим городам с более мягким климатом. Военнослужащим нашей дивизии, не имеющим российского гражданства, вообще отказывали в переводе в Россию. Однако все чаще на центральной аллее я встречала знакомых мне офицеров с блестящими от счастья глазами. Их желание со всеми поделиться своей радостью, всех обнять и расцеловать говорили сами за себя: перевод будет в нужное место. Иногда мы прямо у пропускного пункта, за рыбой и пивом обсуждали их победу: в какое место перевод, сколько и кому пришлось заплатить или же обошлось одними связями. Были и счастливицы, типа моего мужа, которым повезло абсолютно бесплатно.

В первый и последний раз дивизия готовилась отметить свой день рождения — двадцать девять лет. Городок вычистили, привели в порядок, на сколько это было возможно, и покрасили. Ждали приезда почетных гостей, которые когда-то создавали разрушенные уже полки и строили обветшавшие теперь жилье и казармы. Это вызывало ассоциацию торжества на похоронах.

Для себя я хотела максимально эстетического прощания с Жангизом, и поэтому запланировала его в несколько этапов. Во-первых, с самыми близкими мне друзьями я хотела проститься цивилизованно насколько это было возможно, то есть в уютной домашней обстановке, а не на ящиках с упакованными вещами. Значит, прощальный вечер должен был состояться заранее. Однажды, когда муж был на дежурстве, я пригласила к себе гостей. Я прибрала квартиру, расставила милые безделушки, украсила стол свечами и цветами, зашторила окна, создавая спокойную и уютную обстановку. Имея, в свое время, опыт посещения модных тематических дискотек комсомольского актива восьмидесятых годов, я просмотрела свои домашние аудиозаписи и составила примерный музыкальный сценарий ностальгического вечера. Приглашены были немногие мои бывшие сослуживцы из КИЛа, потому что с ними мне было что вспомнить. Не килевцем был лишь Толик, который давно уже гармонично влился в нашу компанию. Ко мне в гости приходили традиционно, как я любила: без подарка, который невозможно было найти в наших условиях, но с выпивкой и закуской. Я всех предупредила, что хочу торжественный вечер и ожидала гостей с приличествующим случаю вином и в «парадной форме одежды». Людмила с Толиком пришли с моим любимым сухим и красным, фруктами и соком. Офицеры из КИЛа принесли, все-таки, водку, но зато все были при галстуках и расстрогали меня подарком — серебряным кошельком с алмазной обработкой. Не представляю, где они умудрились его приобрести! Я встретила гостей на каблуках и в вечернем платье цвета бирюзы, которое все, кроме Людмилы, видели на мне впервые. К ужину было приготовлено мое коронное блюдо — молодая баранина, тушенная в овощах. Вечер прошел очень мило, с сентиментальной грустноватой ноткой предстоящего прощания. Уходя, Толик мне размягчено промурлыкал, что никогда в Жангизе у него не было такого романтического вечера, Юра предложил остаться, чтобы о чем-то серьезно поговорить, но я не захотела. Любой разговор ничего бы уже не изменил, а только развеял бы мою светлую грусть.

Потом я упаковывала и продавала вещи. Муж метался в поисках решения организационных вопросов переезда. Отправляя вещи через Усть-Каменогорск, он на двое суток пропал из виду, спал под открытым небом на ящиках с вещами, а я в это время сходила с ума от неизвестности.

Потом был день рождения дивизии. Приехавшие старые командиры с уважением говорили о проделанной в тяжелейших условиях огромной работе. Офицеры гордились собой и с надеждой смотрели в будущее. И никто

еще не знал, что когда мы вернемся в Россию, то услышим: «Понаехали тут всякие!» Плановый концерт на сцене клуба незаметно превратился в спонтанный и переместился на площадь. Каждый кто хотел подходил к микрофону и пел. Талантливые музыканты из контрактников-казачих на лету подхватывали мелодию.

Я сама выбрала свой дальнейший путь, но сердце не слушалось разума. Оно болело, как кровоточащая рана, и я уже не могла спать на левом боку. Толик, проникновенно заглядывая мне в глаза, внушал: «Ты все делаешь правильно». Люда вторила ему: «Главное для тебя сейчас поднять сына, а иначе ты сама себе создашь ад». Я же чувствовала, что еще немного, и я могу сорваться.

Все-таки наступил тот день, когда я сказала Юре, что завтра уезжаю. У него нашлось дома вино и немного мяса. Мы пошли в сопки делать шашлык. Вот и наступил мой последний этап прощания с Жангизом. Был ранний вечер. Я никогда раньше не видела такого необыкновенного, яркого и агрессивного неба. Мягко синеющий фон пересекали огромные сиреневые и красно-фиолетовые перья облаков. С этой стороны приближалась гроза. С другой стороны безмятежно-солнечного, светло-голубого неба повисла радуга. Глядя на нее, я загадала желание: «Пусть в Юриной дальнейшей жизни без меня будет все отлично! Пусть у него будет хорошая работа, уютный дом, любящая женщина и здоровые дети». — «Может, мы все-таки останемся вместе, ведь мы созданы друг для друга!» — вырвалось у него. Я смотрела в прекрасные, любимые глаза и думала о том, что опять должна быть самой сильной и ответственность решения брать только на себя. Когда же я смогу себе позволить быть слабой? Следуя доводам разума, я выбрала свой путь, но часто, в часы отчаяния и одиночества буду вспоминать его любящие глаза и горячую руку настоящего друга. Эти воспоминания всегда согревают меня, но я верю, что поступила правильно.

Пройдет несколько лет, и Людмила напишет мне, что Юра перевелся служить в Саратовскую область, где с большим трудом выбил для своей семьи квартиру. Потом он ушел от жены, оставив все имущество ей и детям. Сейчас он живет с другой женщиной и служит снова в другом месте, подальше от жены. Люда пишет, что он не забывает опекать своих детей.

Прошли годы, но на мои глаза все еще наворачиваются слезы, когда я слушаю песню Игоря Талькова:

— У каждого из нас на свете есть места, куда приходим мы на миг объединиться, где память, как строка почтового листа нам сердце исцелит, когда оно томится.

Я знаю, что никогда не смогу вернуться в Жангиз, но у меня есть видеозаписи о нем.

— У каждого из нас на свете есть места,
Что нам за далью лет все ближе, все дороже.
Там дышится легко, там мира чистота
Нас делают на миг счастливей и моложе.

ПРОЩАЙ, ЖАНГИЗ!

Анна КОРОТИНА

* * *

Знаю, там, за поворотом, сразу после старой липы,
Ты распахиваешь крылья, разлучая с тротуаром свои маленькие ступни.
Ведь не мог же наш создатель сотворить тебя такую, чтоб земли касалась долго,
Чтобы ездила в трамваях в толкотне привычной смертным.

Тонким пальчиком прозрачным поправляя рыжий локон,
Ты летишь так деловито. Смотришь с нежностью на землю и с утра спасаешь город.
А под вечер?... А под вечер ты звонишь в мою квартиру. Мы на кухне чай пьем долго.
Говорим о самом разном. Ты мне плачешься в жилетку.

Даже не подозреваешь, кто ты есть, на самом деле,
Но в тебе уже нет силы продолжать так жить и дальше, если в городе нет бога.
Но под утро понимаешь, что не все на свете просто, кто-то должен быть крылатым,
Чтоб могли другие верить, и опять глядишь на небо.

* * *

Двадцать недель от начала весны.
Тучи без просвета виснут над городом.
Город замучили мокрые сны.
Страшно ему, одиноко и холодно.

Город мечтал, как уйдут холода,
Как мы пойдем любоваться аллеями...
Только все льет ледяная вода.
Мокнут мечты, что под снегом взлелеяны.

Город, что истинно свят и един,
В горьком расстройстве присядет на корточки.
Что ж это мы по квартирам сидим?
Что ж мы глядим на него через форточки?

Город устал от сплошной темноты.
Город рыдает, да кто бы тут выдержал.
Ну существуют же в мире зонты,
Что же обычаем гулять так не выдержан?

* * *

Представьте: Вечер. Пригород Берлина.
Рояль играл Бетховена в кустах.
На съемной даче за бутылкой джина
Сидели Авиннариус и Мах.

Им скучно, все друг другу доказали,
И спорить не с кем, но на их беду
Хэрр Йоток, слесарь, шел к соседу Влади
Чинить водопровод в его саду.

«Послушай-ка, любезный, неужели,
Ты веришь будто этот мир таков,
Каким его мы видим с колыбели?»
-Хэрр Йоток офигел от этих слов.

- «Вот ты сейчас сидишь в желудке рыбы.
От смрада у тебя в мозгу брожение.
И по-другому мы сказать могли бы -
Весь этот мир – игра воображенья».

С испугу слесарь сел, да прям на кошку -
Зверь перешел в закрытую реальность,
А Авенариус взял за основу ложку
И ну толкать про транссубъектуальность.

От непоняток слесарь свирепеет,
Но держится, ни как он – хэрр культурный,
И даже если сильно кто нагреет,
Так, разве что, засунет мордой в урну.

А Авенариус не унимался,
Мах разошелся, что ты делать будешь.
Кричали: «Ты, вообще, нам показался!
Ты субъективен! Ты не существуешь!»

Тут слесарь впал в свирепость да такую,
Что три узла связались на кишке.
«Ну щась я докажу, что существую».
И ТРАХ! Обоих лавкой по башке.

.....
И по утру в палате лазарета
Очнулись Авенариус и Мах:
«Да как же нам привиделось все это?
Бывают же брожения в умах».

А слесарь наш пошел к соседу Влади
Сосед – свой парень, даром эмигрант.
Дать книжку обещал досуга ради.
Красивая такая. Автор – Кант.

* * *

Ты слышишь, как росток идет из семечка,
Как голос у земли сменился, чувствуешь.
С корзинкой на плече, смеющаяся девочка,
Мне кажется, что ты царицей шествуешь.

Я знаю из чего куется золото,
И как вода в кагор не превращается.
Мой мир стоит на том, чтоб не погибнуть в холоде.
И без него мне мир не представляется.

Чтоб сердце растравить мне сон является,
Что мы душа в душе идем по городу.
Как яблонева ветвь к нам небо наклоняется,
Но ты в моих руках дрожишь от холода.

Вот так вот и живем как рыба с птицею.
По милости судьбы способны видаться
И через грань воды соприкоснуться липама,
Но тут же поспешить обратно вырваться.

Николай ШАМСУТДИНОВ

В ПАРИЖЕ

Вечер... Туча ползет, накрывая нас, от Пасси...
Зарываешься в шарф, и обочь семенит, опора
Благоденствия, такса, струясь,
По стеклу такси
Проплывает, расплывшись, студёный подтек собора.
Сену рвет помешавшийся ветер, и по воде
Нетерпенье и ненависть мечут ненастный бисер.
Человек мостовой, застигая себя в дожде,
Вызволяется из облетающих, пылких писем.
В час, когда безразличнее сумерки,
Аноним,
Примелькавшийся и в зеркалах,
и в насадных блицах,
Сколько ни лжесвидетельствуй о переменах грим,-
Отложения дня все отчетливей в скупных лицах
Пробегающих женщин...
Убогий фонарь, скрипя
На бессильном кронштейне, свое доживает, в окнах
Виртуальные страсти, и, в грохоте, вне себя
От себя же, вода одержимее в водостоках...

Психология, спрятана в мрамор либо гранит,
Неизменно мутирует...
Впрочем, архитектура,
Репетитор пространства, воспитывая, хранит
Исторический ракурс. Язвимая им, культура
Эолийских корней обливает лепной фронтон
Пьяной пляскою фавнов,
и память, радея, рада
Прикарманить фонтан, либо льва, в толчее колонн,
Заносящего лапу, в затрещинах листопада,

Над гранитную сферой...
Тракуемые средой
Как никчемность, к тому с репутацией иностранца,
В романтическом замке не встанете на постой,
Но преданья, потворствуя, пестуют постояльца
В человеке предместья...
И, до черноты в глазах,
Не присущей вам, поползновенья вечности глубже
Даже в хрупких вещах, в их пустом переходе в прах,
Будь то снег, либо листья, глазающие из лужи...

Города избалованы музами, и Париж,
К слову, не исключенье из правил — любой погоде
Он обязан великолепием...
Словно фиш
В инородной среде, человек уязвим — в природе
Мегаполиса.
Только вакханка по седоку
Судит о полновесных достоинствах жизни... Сена,
Обираема эпиком, держит свой путь в строку,
И окраску эпитетов определяет пена
Под огнями мостов.
Рефлектируя, абсолют -
ная неврастения, растущая поэтапно,
Человек — только то, что, по счастью, не додают
Злоключения вам, застигающие внезапно,
Словно оползень...
Тонко позевывающий сноб
Чистит ногти, зане приближается час «камелий»,
Их душистая близость, исчадьё бульжных снов,
И аскета, в смятении, выгонит из постели.

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА

УСТЬ-УТКА ЖДЕТ ЗАЩИТЫ

В русле благотворительной программы «Не дать свече погаснуть» редакция нашего журнала, Содружество павленковских библиотек, Управление федеральной почтовой связи (УФПС) совершили поездку в глубинную деревню Свердловской области — Усть-Утку, для которой было собрано около тысячи книг-дарений.

В этой деревне почти сто лет назад, осенью 1907 года, по инициативе и на средства русского издателя-мецената Павленкова и Верхотурского уездного земства была устроена первая бесплатная народная библиотека, носившая до революции имя Павленкова. В ту пору деревня мало чем отличалась от нынешней Усть-Утки. Словарь Верхотурского уезда И.Я. Кривошекова сообщает нам, что в 68 ее дворах обитало 380 крестьян, подзаводских рабочих и бурлаков, сплавлявших редкие суда по Чусовой. Никаких производств в самой деревне не было.

Старейшее на Урале село, которое помнит еще первых Строгановых и Демидовых, находясь на самой границе их владений, к тому времени сыграло уже свою роль в истории уральской промышленности. Когда не было железных дорог и практически весь уральский металл шел к потребителю водной дорогой, со знаменитой Усть-Уткинской судовой верфи и начинался тот водный путь для продукции Висимо-Уткинского, Черноисточинского, Нижнетагильского, Шайтанского и других заводов. В одном только 1860-м с этой пристани ушло 90 судов с железом, медью, рельсами, снарядами, изделиями из камня и медной монетой. Отсюда плыл по Чусовой и Мамин-Сибиряк, описавший свое путешествие в тоже знаменитом очерке «Бойцы».

Словом сказать, уже в пору Павленкова деревня была скорее селом-памятником, нежели экономически перспективной единицей. Но Верхотурское земство наряду с двумя десятками других читален, пожелало открыть библиотеку именно здесь, в перспективном, но живом селении.

И что же мы увидели сегодня? Историко-культурный памятник — павленковская библиотека — которому через 3,5 года следует отметить вековой юбилей, ютится в холодной, как морг, без стекол в рамах, неухоженной комнате тоже нежилого и холодного клуба. Отсутствует какая-либо мебель, книги уцелевшего фонда покрыты плесенью; здание нуждается в капитальном ремонте. Что же это, спрашивается, за реформа у нас такая, что стала для живого селения и трех сотен его обитателей страшнее войны? Поставить крест на старейшем селении конечно легко и просто, но как бы нам при этом и всю сельскую Россию не превратить в погост.

Наш призыв к современным Павленковым — уверены, что таковые есть — ко всем организациям и частным лицам: поможем селу-ветерану!

Контактный телефон редакции (343) 257-45-01.

Юний Горбунов

Иван ПЛОТНИКОВ

Под чужим именем

(П.П. Бажов в годы Гражданской войны)

Красный редактор

С изгнанием из района Семипалатинска — Усть-Каменогорска войск А.В. Колчака и вступлением в последний из них с боями 15 декабря партизан, для П.П. Бажова начинается новый этап деятельности. Его вводят в состав уездного революционного комитета (ревкома), призванного, возродить общественно-политические организации и прежде всего партийную — РКП(б). Бажов — опытный газетчик — стал ценной «находкой» для ревкома. Ему поручили организовать выпуск уездной газеты. Конфискуется типография Горлова, не пожелавшего работать на большевистскую власть. В принятом на этот счет 31 декабря 1919 года постановлении ревкома говорилось: «Ввиду того, что владельцем типографии в период... деятельности правительства Колчака было проявлено много энергии в контрреволюционном направлении, уревком находит дальнейшее владение типографией Горловым опасным в отношении саботажа и намеренной порчи имущества и постановляет: типографию и все запасы бумаги и канцелярских принадлежностей подвергнуть немедленной конфискации».

Газета, редактируемая Бажовым, в начале называлась — «Вестник», а затем — «Известия Усть-Каменогорского уездного ревкома». Редактор по-прежнему фигурирует под именем Бахеева, как и при белых. В связи с недостатком грамотных людей он сам пишет многие материалы, засиживается в редакции до ночи. Поскольку в партизанской армии Е.М. Мамонтова, до подхода регулярных войск Красной армии, в ее 4-ом крестьянском корпусе М.В. Козыря, занимавшего район Усть-Каменогорска, все явственнее проявлялась тенденция ограничения большевистских карательных мер в отношении кре-

(Окончание. Начало в № 1, 2 2004).

стьянского населения, то Бажову приходилось тщательно взвешивать характер публикаций. Но, тем не менее, большевистский ревком, его печатный орган проводит-таки жесткую линию, то есть, в сущности антикрестьянскую.

Местные крестьяне, среди которых значительный слой составляли казаки, были в массе относительно зажиточными. Они все активнее сопротивлялись большевистскому произволу. Между штабом партизанского корпуса Козыря и Усть-Каменогорским ревкомом усиливались распри. Дело дошло до ареста ревкома. В том числе и Бажова, отказавшегося подписать в набор воззвание Козыря к населению.

Газета была закрыта. Лишь после вмешательства Семипалатинска, где находились основные красноармейские силы губернской власти, приславшей новый состав ревкома, Бажов и другие были освобождены. Н.И. Анов (настоящая фамилия Иванов), работавший некоторое время в Усть-Каменогорске вместе с Бажовым, отмечал, что Бажов сыграл значительную роль в борьбе с Козырем и его сторонниками. Организовал митинг, на котором «разоблачил» Козыря как авантюриста, прибегая к гибкой тактике. Это повлияло на настроение партизан: многие вступили в Красную армию и были отправлены на фронт.

«Известия» возобновили выход, но в середине марта 1920 года вновь были закрыты из-за бумажного кризиса.

П.П. Бажов в это время выполнял другие поручения. Его избрали председателем уездного комитета РКП(б). С марта по май 1920 года он сосредотачивается на партийной, профсоюзной, но преимущественно на работе в области народного образования. В марте его назначают заведующим отделом народного образования.

С мая 1920 года Бажов вновь в основном на редакторской работе. Воссозданная газета была названа «Советская власть». В постановлении ревкома о назначении ее редактором Бажова (Бахеева) сказано: «Одновременно вменить в обязанность П.П. Бахееву сохранить общее наблюдение за работой отдела народного образования».

Сохранившаяся переписка отдела со школами и уез-

дными организациями показывают, в каких трудных условиях приходилось работать школам уезда, ибо не хватало средств, учебников, бумаги да и учителейских кадров. Бажов многократно выезжал в села, селения и аулы. Подбирал национальные кадры для казахских школ и культурно-просветительской работы в селениях. 28 июля 1920 года из уездного центра в казахские волости было отправлено 87 учителей-казахов. А в далеком горном селе Катон-Карагай было образовано национальное женское училище, выпускницы которого затем пополняли школы уездов. В Усть-Каменогорске в те же дни была создана национальная драматическая группа из 23 участников.

Противостояние

В августе, на уездной конференции, Бажова избрали председателем уездного комитета РКП(б). С его участием, а также предуревкома Н.Г. Калашникова, был подготовлен и проведен 10 августа 1920 года 1-й уездный съезд Советов. В уезде восстанавливались Советы во главе с исполкомами. Бажову приходилось решать вопросы, лежащие далеко за пределами печати, образования и культуры.

Горный Алтай, Прииртышье, Семиречье на длительное время оставались очагами гражданской войны. Антибольшевистские волнения и восстания вспыхивали то в одном, то в другом районе. Особую активность проявляло казачье население. Бажов в своих записях называет такие вспышки «переменами казачества». Казаков было много. К селу Верхняя пристань, к самому Усть-Каменогорску, вплотную примыкала казачья станица — Усть-Каменогорская. Да и крестьянское население в Прииртышье, на Алтае в целом было более зажиточным, нежели в большинстве других районов страны. «Крестьянство здесь, — читаем у Бажова, — много зажиточнее не только против средней русской полосы, но и против остальной Сибири». Но и эти категории населения испытывали ост-

Дом в Усть-Каменогорске, в котором в 1919-1920 гг жил с семьей П.П.Бажов (Бахеев).

Улица в Усть-Каменогорске, названная именем П.П.Бажова.

Войсковой старшина Б.В. Аненков.

рый недостаток товаров первой необходимости и намеревались получить их за свой хлеб. Однако большевистская власть требовала: отдай его даром, лишись достатка или жизни... И многие брались за оружие, которого было в избытке у казаков. Властям поступали сообщения о захвате повстанцами то одних станиц, сел, то других. Даже Змеиногорск, не столь отдаленный и освобожденный было от белых, оказался в их руках.

Выкачивание хлеба, мясопродуктов сопровождалось кровавыми столкновениями. И Бажов во всем этом был задействован.

Читаем документ: «Усть-Каменогорский уревком. 21 октября 1920 г.

Мандат

Дан сей Бахееву П.П. в том, что он назначается, согласно постановлению упрощения, от 19-го сего октября 1920 г. особоуполномоченным упрощения на Усть-Каменогорский район, волости: Георгиевская, Мариинская, Колбинская, Троицкая, Чарская, Сулжаринская.

Ему вменяется в обязанность... немедленно, в порядке боевого приказа, приступить к усиленной ссыпке причитающегося к сдаче из района по разверстке хлеба; принять экстренные меры по обмолоту хлеба и, в случае необходимости, произвести для этой цели мобилизацию как местного населения, так и тягловой силы;

— привлечь к работе всех партийных и ответственных работников данного района, независимо от занимаемой должности;

— производить аресты и смещения должностных лиц и сельских Советов и отдельных граждан;

— у лиц, не подчиняющихся распоряжению по выполнению разверстки и укрывающих хлеб, производить конфискацию имущества и хлеба, каковые поступают в фонд государства;

— назначать на места арестованных членов волостных и сельских ревкомов по своему усмотрению».

Каково было ему, бывшему уездному крестьянскому идеологу и политику 17-го года? Наверное, не очень просто. Но он уже твердо встал на партийные коммунистические позиции, был активным функционером РКП(б), устроенной ею системы власти.

Участвовал Павел Петрович и в организации борьбы с вооруженными выступлениями собственно «белых» — на Алтае, в Прииртышье, Семиречье, с периодически вторгавшимися туда из Китая остатками войск генералов Б.В. Аненкова и А.И. Дутова, в самих операциях. Жена Бажова — Валентина Александровна вспоминала: «В необычайно трудных условиях устанавливалась Советская власть на Алтае. Сказывалась близость границы, за которой скрывались остатки разбитых белогвардейских войск. В районах действовали банды опирающиеся на кулачество. Павел Петрович часто уезжал в командировки и, возвращаясь, рассказывал, какими непроходимыми тропами приходилось ему пробираться, как встречали его казаки с Бухтармы.

Вся наша семья жила при упрощенбюро, напротив помещался комитет партии. Часто к нам заходили ответственные работники, чтобы отдохнуть, наскоро перекусить и отправиться на ночные дежурства. Около Усть-Каменогорска то и дело проходили банды белых. Город усиленно приходилось охранять.

Распределялись посты, кому куда направляться: кому поручалась охрана моста, кому — дороги и разъезды, кому склады с продовольствием и т.д. Усталые озабоченные, люди брали винтовки и уходили до утра. Уходил с ними и Павел Петрович. Часто бывало, что после дежурства кто-нибудь не возвращался... Эти тревожные страшные ночи я проводила без сна, сидя на подоконнике, прислушиваясь к тревожной тишине, к беспокойному лаю собак, к разрывам снарядов где-то далеко в горах. Сидела и ждала: вернется ли? Жив ли?»

С началом выхода газеты «Советская власть», о чем уже говорилось, Бажов вновь большое внимание уделяет ей, но продолжает работу в деле народного просвещения — работу сложную, многоцелевую, многогранную.

В эту пору, летом 1920 года, в Усть-Каменогорске с ним произошел такой примечательный эпизод. На одном из пароходов имелось пианино. Его национализировали для передачи клубу речников, но инструмент решил присвоить коммерческий агент пароходства. Когда он узнал, что за пианино придут, он передал его директору городского училища. Явились и туда, и пианино отобрали. Но теперь уже директор непременно хотел угодить супруге — вернуть пианино во что бы то ни стало. Он отправился в отдел народного образования, пожаловался Бахееву. Но тот разъяснил, что пианино нужнее клубу,

чем жене директора. Последний не смирился и пошел с жалобой в редакцию «Советской власти». Там его встретил тот же Бахеев и теми же словами. Директор заявил, что найдет-таки управу и направился в уездкомпрофбюро. Каково же было его удивление, когда и там он увидел Бахеева — председателя профсоюза.

По свидетельствам современников, в отличие от большинства коммунистов-функционеров, выдвиненцев из низов, чаще с низшим образованием, — Бажов был всегда тактичен, от него исходила и простота выходца из рабочих, и интеллигентность человека с обширными знаниями, с детства обретенной культурой поведения.

С избранием на пост председателя уездного комитета РКП(б) основной у Бажова стала работа партийная. Но не забывал Бажов и о деле народного образования. При его поддержке был открыт Алтайский крестьянский университет, создано литературное объединение «Звено Алтая».

Семипалатинск

К началу 1921 года П.П. Бажов (Бахеев) становится видным партийным работником, можно сказать — деятелем всей Семипалатинской губернии. На губернской конференции его избирают в состав губкома РКП(б), а губком принимает решение о его переводе на работу в Семипалатинск. 31 января 1921 года состоялось общее собрание коммунистов Усть-Каменогорска, на котором Бажов сделал последний свой доклад на тему: «Очередные задачи коммунистической партии в профессиональном движении». 11 февраля его освободили от всех общественных постов в уезде. Подсчитано, что с декабря 1919 года по 4 января 1921-го (не считая еще месяца работы) он присутствовал на 180 партийных,

С.Е. Чуцкаев

профсоюзных, хозяйственных и других собраниях и заседаниях.

К началу марта 1921 года Бажов с семьей переезжает в Семипалатинск. С этим городом он был уже хорошо знаком. Партийный работник тех дней в Семипалатинске Н.С. Рахвалов, выдававший Бажову удостоверение члена губкома РКП(б), вспоминал: «В эти годы, в крае свирепствовала малярия. Она прихватила и Бахеева. Был он худ, бледен, в глазах гнездилась тоска. Только большой «марсианский» череп парил над его недужной фигурой и внушал мысли о человеческой красоте. Своими исхудалыми руками он взял у меня приготовленное для него удостоверение, взглянул на него и печально улыбнулся».

Основной его работой здесь было руководство профсоюзами, которые были призваны мобилизовать массы на ликвидацию последствий войны, на повышение производительности труда. Не избежал Бажов работы и карательного характера — был членом выездной сессии Губревтрибунала.

Но в Семипалатинске он пробыл недолго. Болел все сильнее, тосковал по родному Уралу. 29 апреля 1921 года Бажов делегируется на IV Всероссийский съезд профсоюзов. В выданном ему командировочном удостоверении значилось: «Губпрофсовет просит все гражданские и военные учреждения оказать тов. Бахееву... всяческое содействие к скорейшему его продвижению по пути следования до Москвы и обратно...» В удостоверении указывалось также, что при нем следует жена и трое детей, вся семья.

Он все больше страдал от болезни, был истощен и утомлен. К тому же заболел брюшным тифом, а затем еще и воспалением легких.

В Москву Бажов не попал, вернулся в Семипалатинск. Видимо, о своем состоянии он дал знать камышловским властям, а те — екатеринбургским, уральским.

Еще в мае 1920-го, узнав о том, что Бажов жив и находится в Усть-Каменогорске, Камышловский исполком Совета телеграфировал: «... просим немедленно откомандировать старого камышловского Бажова, члена исполкома 18-го года, которого считали выбывшим из строя. Задержка откомандирования недопустима. Противном случае обратимся высшим партийным инстанциям. Бажову предназначается высший советский пост. Ответ телеграфируйте 1619. Поручению исполкома Виноградов».

Но усть-каменогорские власти Бажова не отпустили. На депеше проставлено. «Телеграфировать в Сиббюро, что за отсутствием работников просим Бажова оставить в Усть-Каменогорске».

Только через год, тяжело больного (уже и врачи рекомендовали переменить климат), решением Сиббюро ЦК РКП(б) по настоянию С.Е. Чуцкаева Бажова освобождают от работы в Семипалатинске. В мае 1921 года он возвращается на Урал, в Камышлов. Родной воздух, климат спасли его от возможной смерти.

На этом закончился для Бажова период партийной, советской и профсоюзной, в общем политической, деятельности уездного губернского масштаба.

Фред АДРА

Контуры зла

В дверь номера робко постучали. Генрих встать не собирался. Вот если бы стучали решительно, он бы открыл. А так — наверно, не обязательно. Он никого не желал видеть. Больше хотелось валяться на кровати, мысленно греша с горничной Люси.

Словно услышав его мысли, человек за дверью постучал снова — на этот раз громче и уверенней. Генрих тяжело вздохнул, нехотя встал и подошел к двери.

— Кто вы, и что вам нужно? — недружелюбно спросил он.

— Это... Бат...

— Кто-кто? Не знаю никакого Бата!

— Лифтер...

Генрих вздрогнул. Надо было притвориться, что его нету в номере. Поздно теперь... Черт! Он открыл дверь, но впускать незваного гостя не торопился.

— Я вас слушаю.

Стоящий перед ним молодой человек в форме лифтера ничего не ответил. Он пристально смотрел на Генриха, и от этого взгляда становилось не по себе. Да еще и безобразный шрам, уродующий лицо Бата... т оже вызывал беспокойство.

— Вы пришли помолчать? Или в гляделки поиграть? — за раздраженным тоном Генрих пытался скрыть страх.

— Вы позволите войти? — отозвался лифтер. — У меня к вам разговор.

— Знаете, я немного тороплюсь...

Лифтер растянул губы в улыбке, которая даже не пыталась походиться на искреннюю.

— Я вас не задержу... — тихо произнес он. Генрих нехотя отступил, позволяя гостю войти.

— Перейду сразу к делу, — сказал лифтер, присаживаясь на стул.

— Да, да, и будьте добры, покороче.

— Почему вы не пользуетесь лифтом? Генрих изобразил на лице удивление.

— Простите?

— Почему вы не пользуетесь лифтом?

— Но... какое вам, собственно, дело?!

— Просто ответьте на вопрос.

— С какой стати я должен отвечать на ваши вопросы!

— Вы не должны. Но разве это сложный вопрос?

— Нет, но все-таки... Ну, хорошо, я не пользуюсь лифтом, потому что предпочитаю ходить пешком.

— На седьмой этаж?

— Ну и что, что на седьмой? Полезно для здоровья, и мой врач настоятельно это рекомендовал.

— Но один раз вы поднялись на лифте. Когда только приехали... А потом перестали.

— Тогда у меня был с собой чемодан. А вообще, я хожу по лестнице. Лифтер сузил глаза и слегка наклонился вперед.

— А почему вы вспоминаете о своем здоровье только в мою смену?

— Что?!

— Когда работают другие лифтеры, вы пользуетесь лифтом.

Генрих почувствовал, что ему все труднее сдерживать переполняющие его чувства страха и злости.

— А вы откуда знаете? — возмущенно спросил он. — Вы что, следите за мной?

— Да, — не задумываясь ответил лифтер.

От такой прямоты Генрих немного растерялся. Он думал, что своим вопросом заставит лифтера оправдываться, но тот даже не собирался этого делать.

— Ну знаете! — воскликнул Генрих. — Извольте объяснить, что все это значит! Бат снова откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Думаю, это вы должны объяснить, почему так старательно меня избегаете.

— Я?! Да с чего вы взяли! Я вас вообще не знаю!

— Я вам противен, да?

Бат внезапно вскочил, схватил Генриха за плечо и закричал ему в лицо:

— Противен! Я знаю! Я всем противен! Из-за этого проклятого шрама! Но только вы выказываете свое отвращение так демонстративно!

С огромным трудом Генриху удалось усадить обезумевшего лифтера обратно на стул.

— Послушайте меня, — сказал он как можно спокойней. — Все, что вы говорите, это плод вашего разыгравшегося воображения. Ну, посудите сами, даже если бы я испытывал отвращение к вам из-за этого шрама — что вовсе не так, — неужели это заставило бы меня отказаться от пользования лифтом? Абсурд, нонсенс! Просто дурацкое стечение обстоятельств. Мне действительно время от времени хочется подниматься в номер пешком, только зачем делать из этого такие странные выводы?

Но Бат продолжал смотреть на Генриха налитыми кровью глазами. Казалось, он сейчас взорвется от ярости.

— Я вам не верю, — процедил он сквозь зубы. — Я верю тому, что вижу. Это мой шрам вызывает у вас чувство брезгливости. Вы мне за все заплатите.

Генрих почувствовал, что сумасшедший лифтер готов снова на него накинуться, и быстро заговорил:

— Нет-нет, уверяю вас! Я понимаю, вам кажется, что этот шрам отпугивает людей, но все совсем не так! Вот, смотрите, у меня есть похожая проблема. Видите? Вот, на руке. Это след от ожога. Видите, какой он большой и уродливый? Иногда мне тоже кажется, что все на него смотрят и морщатся от отвращения. Но на самом деле это только плод воображения. Понимаете? Вот и вам только кажется, что вас избегают...

Лифтер некоторое время с недоумением смотрел на демонстрируемый Генрихом след от ожога, потихоньку приходя в себя.

— Но тогда почему же вы не пользуетесь лифтом именно в мою смену? — спросил он, но в его голосе уже не было прежней убежденности в своей правоте.

— Да с чего вы взяли, что я им не пользуюсь! — воскликнул Генрих, с трудом изображая фальшивую радость от того, что вот-вот все прояснится. — Ну, прошелся я пару раз по лестнице, так что с того?!

— То есть... это не из-за меня? — казалось, Бат не мог решить, нравится ему такая мысль или нет.

— Ну, конечно же, нет! Завтра мы встретимся с вами в лифте и вместе посмеемся над этим недоразумением! — заверил его Генрих.

Лифтер встал.

— Да... — произнес он виноватым тоном. — Наверное, вы правы... я действительно излишне мнителен. Пойду, пожалуй. Извините...

— Все нормально. С кем не бывает...

Генрих проводил лифтера до двери. Прежде, чем выйти, тот обернулся и неуверенно произнес:

— Значит, завтра в лифте?

— Безусловно! — Генрих улыбнулся и энергично кивнул. Бат, ничего не ответив, вышел из номера.

Как только за лифтером захлопнулась дверь, Генрих обесилено сполз на пол. Его всего трясло. От ужаса...

Зачем нужны лифтеры? Что это за работа такая — нажимать на кнопки? Почему отель, представляющий себя уважаемым, считает своим долгом брать на работу этих дармоедов? Катается здоровый молодой мужик в лифте, жмет на кнопки, и проблема у него только одна — не помереть со скуки. Определенно, самая ненужная профессия на свете!

С такими мыслями Генрих покинул свой номер на следующее утро. Ночь была кошмарной. Надолго уснуть так и не удалось. Никогда прежде он не предполагал, что страх может быть таким... Ему, конечно, приходилось в жизни бояться, даже нередко. В частности, когда он впервые увидел Бата и его жуткий шрам. Всю дорогу от первого до седьмого этажа он ждал, что произойдет нечто ужасное. Лифт упадет... или возгорится что-нибудь... на отель рухнет самолет... космический корабль... врежется поезд... подводная лодка... Было очень страшно, и когда он вышел на своем седьмом, а лифтер продолжил вознесение к верхним этажам, Генрих даже испытал легкое разочарование, что ничего не случилось. Но тот страх не шел ни в какое сравнение с состоянием, которое он испытал от вторжения Бата в его номер. Это удивительно, что он не умер от ужаса.

Генрих даже начал подумывать о смене отеля. Но тогда ему пришлось бы признаться самому себе, что он трус и паникер. К такому самоопределению Генрих готов не был. Да и начальству будет тяжело объяснить, зачем ему это понадобилось. Не поймет начальство... Нет, он соберет волю в кулак и будет терпеть! В конце концов, ему осталось провести здесь еще только три дня.

Ни о какой встрече в лифте не могло быть и речи. И не в лифте тоже. С этого момента Генрих будет вдвое осторож-

ней, чем прежде. Еще одну встречу с Батом можно не пережить...

Какой идиот проектировал этот отель?! Зачем нужно было делать лифт прозрачным?! Если бы не этот дурацкий дизайн, ему было бы гораздо проще избегать лифтера. Каждый раз, поднимаясь или спускаясь по лестнице, Генрих чувствовал на себе полный ненависти взгляд Бата. Даже не будучи уверенным, что тот его видит.

Так прошел один день. Ночью Генрих долго не мог уснуть, он напряженно вслушивался в тишину, ожидая, что вот-вот раздастся стук в дверь — это жуткий лифтер пришел забрать его душу. Он нервно теребил одеяло, пытался думать о чем-нибудь приятном, но сознание было полностью заполнено лицом Бата. Лицом со шрамом. Шрамом, похожим на молнию. «Тоже мне, Гарри Поттер выискался!» — пытался шутить Генрих, но оценить шутку не мог — чувство юмора затерялось где-то на нижних ярусах сознания.

Оружие! Почему он до сих пор не вооружился! Не иначе как паника не дает соображать. Генрих вскочил с кровати, раскрыл чемодан и вытащил маленький пистолет. Забрался под одеяло, прижал черного друга к груди и снова стал вслушиваться в ночь.

Мешал стук сердца. Бум-бум-бум! Да в таком грохоте к нему кто угодно может подкрасться незамеченным! Генрих сжал одеяло зубами и заплакал...

Утром он чувствовал себя вконец измученным. Страх притупился, на него просто уже не было сил. Спускаясь по лестнице, Генрих думал о том, что, возможно, лифтер и правда прекратил следить за ним.

Но Генрих ошибался... Когда он уже выходил из отеля, его догнал вопль:

— Ты мерзавец! Слышишь, ты, ублюдок! Лживая скотина! Я доберусь до тебя! Доберусь, подонок!

Генрих втянул голову в плечи, сделал вид, что крик лифтера адресован не ему, а кому-то совсем другому, и быстро вышел на улицу. Плохо... все очень плохо. Надо бежать! Или предпринять что-нибудь для своей защиты.

А поздно вечером к нему в номер пришел инспектор.

— Вы позволите задать вам несколько вопросов? — вежливым тоном обратился он к Генриху, демонстрируя свое удостоверение.

— Да, конечно... проходите, — Генрих впустил инспектора в номер, мысленно выругавшись. Только вежливых полицейских ему не хватало... — «Позвольте задать вопрос...», как будто можно не позволить.

Инспектор пристроился на стуле, на котором позавчера сидел лифтер, Генрих — напротив.

— Скажите, в каких вы отношениях с Батлером Ги?

— Простите, с кем? — не понял Генрих.

— Это лифтер, — объяснил инспектор.

Генриху показалось, что волосы у него на голове зашевелились.

— Ни в каких, — ответил он как можно беспечней.

— Но ведь вы с ним знакомы, не так ли?

— Не назвал бы это знакомством. Сталкивались в лифте, вот и все.

— А у меня есть сведения, что в его смены вы лифтом не пользовались. Так... надо менять тактику.

— Видите ли, мне врач порекомендовал как можно больше ходить пешком. Вот я и...

Инспектор смотрел на Генриха с легкой иронией. В кино инспектора таким образом демонстрируют, что знают о вас много больше, чем говорят. И, видимо, в жизни тоже.

— Позвольте, а в чем, собственно, дело? — наконец сообразил поинтересоваться Генрих.

— А разве вы не знаете? — брови инспектора поползли вверх. Это означало, что он удивлен.

— Нет, — Генрих растеряно развел руками. Он тоже умел изображать удивление.

— Весь отель об этом говорит, — заметил инспектор.

— Да? А я ничего не слышал...

— Батлер Ги умер.

Душа Генриха подскочила, совершила сальто и вернулась на место.

— От чего? — спросил он.

— От падения с крыши отеля.

— Зачем... То есть, как это случилось?

— Мы рассматриваем две версии. Первая — самоубийство. Предсмертной записки, правда, не найдено. Но известно, что покойный был весьма неуравновешенной личностью. А вторая — ему кто-то помог.

— Ужасная история. А я тут при чем?

Инспектор откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди. Любому стало бы понятно, что беседа короткой не будет.

— Расскажите о вашем конфликте с лифтером.

— А с чего вы взяли... — попытался было возразить Генрих, но был остановлен властным жестом инспектора.

— Сегодня утром многие были свидетелями того, как Батлер Ги выкрикивал вам в спину угрозы. Ведь не делал же он это просто так, верно?

Отпираться бесполезно. Генрих и сам мог сообразить, что инспектор в курсе утреннего инцидента.

— Я действительно не конфликтовал с ним. Это он почему-то вбил себе в голову, что я его избегаю... что он мне противен из-за его шрама. Вломился ко мне в номер позавчера, обвинял, угрожал. Я даже хотел на него пожаловаться администрации отеля, но потом пожалел беднягу. У него просто расстроена психика. Да-да, расстроена психика!

— Есть свидетели, утверждающие, что вы пообещали ему отныне не избегать поездок на лифте, но не выполнили своего обещания. Об этом Батлер Ги сам им рассказал. Скажите, почему вы обманули лифтера?

Черт! Генрих начал мучительно соображать, что ответить. Ему никогда не удавалось легко соображать на ходу.

— Буду с вами откровенен, — начал он, готовясь сказать, что угодно, только не правду. — Меня возмутило поведение лифтера. Врывается, кричит, требует... У меня тоже характер тяжелый, знаете ли. Я пошел на принцип. Решил не позволить давить на меня, заставлять делать то, что я не хочу. Вот и не стал ничего менять. Ребячество, конечно... Все мы в чем-то дети, — Генрих смущенно улыбнулся.

— М-да... — протянул в ответ инспектор. — Если принять за рабочую версию самоубийство, то не исключено, что именно вы подтолкнули к нему покойного.

— Я?! — пораженно воскликнул Генрих.

— Сами посудите. Батлер Ги страдает психическим расстройством, вызванным разного рода комплексами и ужасным шрамом на лице. Появляетесь вы и делаете все — пусть и не специально, — для того, чтобы бедняга окончательно утвердился во мнении, что вызывает у окружающих чувство брезгливости. Добавьте сюда также и проблемы по работе... Вы знаете, что после его публичных проклятий в ваш адрес, администрация отеля приняла решение о его увольнении? А ведь получить место лифтера в фешенебельной гостинице Батлеру Ги удалось с огромным трудом. Опять-таки из-за его шрама. Вот несчастный и решился на самоубийство.

— Это... это ужасно... поверьте, мне очень жаль. Если бы я знал, что это на него так подействует... — залепетал Генрих.

Инспектор, казалось, даже не слушал его.

— Но это все может быть верно лишь в том случае, если имело место самоубийство, — продолжал он. — Я же склоняюсь ко второй версии...

— Вы полагаете, что его убили? — удивился Генрих. — Но кому это могло понадобиться? Инспектор проигнорировал его вопрос.

— Скажите, куда вы направлялись сегодня около семи вечера?

— Я? Никуда.

— Вы вышли из номера, дошли до лестницы и отправились наверх, а не вниз. С какой целью? — настаивал инспектор.

— Я нигде не ходил! С чего вы взяли?!

— Горничная видела, как вы поднимались по лестнице.

— Какая еще горничная?! — выкрикнул Генрих, заметно нервничая.

— Та, что убирает на вашем этаже. Ее зовут Люси.

— Что за бред! Она не могла меня видеть! Я нигде не поднимался!

— Она утверждает обратное.

— Она врёт!

— Зачем? Какой ей резон врать?

На это Генрих не нашел, что ответить.

— Батлер Ги разбился в девятнадцать двадцать три. Около восемнадцати пятидесяти пяти вы поднимались по лестнице. Куда? На крышу?

— Что вы хотите этим сказать?! Что это я сбросил его вниз?! — голос Генриха уже срывался на крик.

— Я просто задаю вопросы, — спокойно отозвался инспектор.

— Ничего себе просто! Я что, не вижу, куда вы клоните?! Это же бред! Зачем мне убивать лифтера! Это он мне угрожал, а не я ему!

— Так зачем же вы поднимались на крышу? — спросил инспектор, не обращая внимания на крики.

— Я не поднимался!!! У вас есть доказательства, что я убил лифтера?! У вас есть мотив?! Предъявите!

— У меня нет доказательств, — признал инспектор.

— Ага! Видите! — торжествуя воскликнул Генрих.

— А вот мотив... — добавил инспектор.

— Что? Что мотив?!

— Давайте, я подожду, пока вы успокоитесь, — предложил инспектор. — У нас с вами серьезный разговор. Серьезней,

чем просто разговор об убийстве или самоубийстве. Мне нужно ваше содействие, а не сопротивление. Налить вам воды? Генрих попытался взять себя в руки.

— Не надо... Я уже спокоен. Что вы там говорили про мотив?

— Мне попадалось немало дел, подобных этому, — заметил инспектор.

— Я вас не понимаю.

— Я хочу сказать, что схема, по которой развивались события, мне встречалась уже многократно. В той или иной форме...

— О чем вы, инспектор? — искренне удивился Генрих.

— Скажите, вас сильно пугал шрам на лице лифтера? — внезапно спросил инспектор.

Генрих похолодел. Почему полицейский спрашивает про шрам? О чем он может догадываться?

— Ну... шрам, конечно, не украшал его лицо, — осторожно ответил Генрих. — Но пугал? Нет, с какой стати...

— А витрину вы зачем разбили?

Вот тут Генриху стало по-настоящему не по себе.

— Какую витрину? — хрипло спросил он, уже прекрасно зная, каким будет ответ.

— Разве не помните? Девять лет назад вы камнем разбили витрину обувного магазина.

— Откуда вам это известно?

— Ну, вы же понимаете, что, направляясь к вам, я навел кое-какие справки. При современных средствах связи это совсем несложно. Узнал о вас много интересного. В частности, про витрину. Вас тогда задержали. Дело удалось спустить на тормозах, и вы отделались штрафом. Но запись в базе данных осталась. Так зачем же вы разбили витрину?

Генрих почувствовал, что ему не хватает воздуха. Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, вытащил из кармана платок и вытер пот со лба и с шеи.

— Почему вы об этом спрашиваете сейчас? Какое отношение это имеет к вашему нынешнему расследованию?

— Владелец магазина заявил, что витрина уже была треснута раньше.

— Ну и что?!

— Вашего отца убила молния?

Генрих вскочил со стула и отпрянул от инспектора.

— Кто вы такой?! Что вам от меня нужно?! Убирайтесь! Оставьте меня в покое!!! — завопил он.

— Пожалуйста, успокойтесь. Я не желаю вам зла. Правда...

Генрих заставил себя снова сесть на стул. Ему было холодно. Так холодно, что он даже дрожал.

— Что вы хотите? — выдавил он из себя.

— Докопаться до истины, — ответил инспектор.

— Какой? Какой истины?

— Хотите, я скажу, почему вы разбили витрину? — предложил инспектор.

— Не хочу.

— А я все равно скажу. Вы увидели трещину, испугались, потеряли контроль над собой, подняли с земли камень и бросили в витрину. А контур этой трещины один в один совпадал с контуром молнии, убившей вашего отца. Так?

— Так... — прошептал Генрих.

— И с контуром шрама на лице Батлера Ги. Верно?

— Да...

— На протяжении всей вашей жизни, когда происходило что-нибудь плохое, вам неизменно попадался на глаза этот знак, этот вестник несчастья. Похожий на молнию...

Генрих не нашел в себе сил ответить.

— Поэтому вы разбили витрину. Поэтому вы смертельно испугались, встретив Батлера Ги. Вы впервые видели человека, несущего на собственном теле роковую отметину. Вы попытались избежать его, но он вам не позволил... А когда он стал вам угрожать, вы окончательно потеряли разум. И убили его.

— Нет... — прохрипел Генрих. — Я его не убивал...

— Ну, значит, довели до самоубийства. Это не так важно. Главное, что в результате вашей встречи Ги погиб.

— Откуда? Откуда вам известно про знак?

— Я же говорю, у меня в практике было множество таких случаев. Достаточно было увидеть шрам, услышать, что вы избегали встреч с лифтером, и — все. Ясно как дважды два.

— Множество? — переспросил шокированный Генрих. — Множество таких случаев?

— Да, — подтвердил инспектор. — Странные немотивированные убийства. Незнакомые люди становятся смертельными врагами в одночасье. В результате один из них погибает. Я далеко не сразу понял, что объединяет все эти дела.

— Что?

— Они все повторяют вашу историю. Только знаки беды у всех разные. А схема такая же. С раннего детства несчастья обрушиваются на человека, и всегда им сопутствует знак. Потом появляется другой человек — носитель дьявольской отметины, а следовательно, и угрозы, и наступает кульминация. Страх и паника доводят дело до смертельных исходов.

— Инспектор... пожалуйста, скажите... что все это значит? Почему так происходит?

— Я и сам мечтаю узнать ответ на этот вопрос, — сказал инспектор. — Пока же могу только предполагать.

— Что же? Что?

— Я не фаталист, и не собираюсь винить судьбу или рок. Нет, за всем этим мне видится чья-то злая воля. вспомните, сами ли вы связали беды с молнией. Или вам кто-то подсказал?

Генрих задумался, лихорадочно роаясь в детских воспоминаниях.

— Да... мне было четыре, или пять. Шел дождь. Я стоял под навесом вместе с отцом. Подошел какой-то человек, тоже укрылся под навесом. Посмотрел на меня, засмеялся и сказал: «Что, парнишка, дождя боишься? Зря... дождь тебе не страшен. Но опасайся молнии». И при этом начертил в воздухе контур. Тот самый... И сразу ушел. Как же я мог забыть об этом!

— А что было потом? — спросил внимательно слушающий инспектор.

— Потом? Ничего...

— Ничего? Вы уверены? Разве не было снов? Генрих вздрогнул.

— Были! Были сны! Несколько ночей, сразу после этого случая, мне снились кошмары — одни и те же!

— Что было в тех кошмарах? — быстро спросил инспектор.

— Я не помню... какие-то чудовища.
 — Как они выглядели?
 — Не помню... помню только, что... чудовища. Инспектор стукнул себя по колену.
 — Одно и то же у всех! В раннем детстве на мгновение появляется некто, предостерегающий от знаков беды, — а на самом деле о них извещающий, — затем несколько ночей ребенку снятся чудовища, а потом все проходит. В сознании остается только символ, означающий несчастье. Ни о какой судьбе и речи нет! Вы понимаете? Понимаете?!

— Не очень... — признался Генрих.
 — Кто-то за всем этим стоит! Кто-то таким образом травит людей. Словно хочет, чтобы они сами уничтожали друг друга! Своими руками! С детства готовит их к конфликту, исходом которого должна стать смерть.
 — Но кто? И зачем???

— Я не знаю. Могу только догадываться.
 — Продолжайте. Пожалуйста..
 — Я не верю, что людям такое под силу.
 — То есть... тогда кто же это?
 — Кто-то другой. Не люди.
 — Но если не люди, то кто?! Чудовища из снов?
 — Я не знаю... это еще предстоит выяснить.
 — Так какова же ИХ цель?!

— Опять таки могу только предположить. ОНИ хотя бы таким образом уничтожить человечество. Или существенно ослабить. Возможно, чтобы занять наше место в этом мире. Но, повторяю, это все из области догадок. Никогда бы не подумал, что могу всерьез размышлять о таких фантастических вещах... но пока у меня нет другого объяснения. Собственно говоря, и это ничем не подтверждено.

— Так что же получается? ТАКОЕ происходит со всеми людьми на свете? — воскликнул Генрих.
 — У меня нет ответа на ваш вопрос, — сказал инспектор.
 — Не буду же я подходить ко всем подряд, вопрошая — а есть ли у вас знак беды!
 — А... а вы сами? У вас есть знак?
 Инспектор пристально посмотрел на Генриха.
 — Есть, — ответил он. — Если хотите знать, вы первый, кому я все это открываю.
 — Почему именно мне?
 — Потому что я хочу видеть в вас союзника, а не врага.
 — А почему вы должны видеть во мне врага?! — в голосе Генриха вновь прорезалась паника. Из недр сознания выплыла леденящая душу догадка.
 — Хотите увидеть мой знак беды? — сказал инспектор вместо ответа.
 — Хочу!
 — Он у вас на руке...
 Целую вечность заняло у Генриха перевести взгляд на след от ожога на его левой руке. Все страхи последних дней объединились в один гигантский Страх, и этот Страх взорвался в его голове. Генрих ступил за грань... за которой есть только всепоглощающий ужас. И нет разума... Генрих медленно встал.
 — Что вы делаете? Вы с ума сошли! — вскричал инспектор и тоже поднялся.

— Не подходите ко мне, — холодным тоном предупредил Генрих.
 — Говорю же, я не желаю вам зла. Кто бы ОНИ ни были, со мной у них номер не пройдет — я не собираюсь видеть в вас врага! Наоборот, предлагаю вам присоединиться ко мне, и мы вместе будем бороться! Отдайте мне пистолет.
 — Не подходите ко мне!
 — Подумайте о том, что если вы выстрелите, вы убьете единственного человека, который догадался... который хочет ИХ остановить.
 Генрих попятился от медленно наступающего на него инспектора.
 — Не стреляйте. Не выполняйте ИХ волю!
 — Ни шагу больше!
 — Отдайте мне пистолет! — приказал инспектор и протянул вперед руку.
 — Не-е-е-ет!!! — завизжал Генрих.
 — Ба-бах! — сказал пистолет...

...Мальчик сидел на полу и пытался сложить из кубиков домик. Получалось плохо. Не успевал мальчик пристроить второй этаж, как домик разваливался.

Горничная остановила тележку с моющими средствами и сменным бельем, и присела на корточки рядом с ребенком.

— Как тебя зовут? — с улыбкой спросила она.
 — Тим, — хмуро представился тот.
 — А меня Люси. Привет, Тим!
 — Привет, Люси, — все так же хмуро отозвался мальчик.
 — Сколько тебе лет, Тим?
 — Пять.
 — О, совсем взрослый! — изумилась горничная. — Как же так, Тим? Такой большой, а не понимаешь, что коридор не место для игр.

Мальчик в ответ пожал плечами.
 — К тому же это плохое место, — Люси понизила голос до таинственного шепота. — Смотри, вот за этой дверью недавно произошло убийство. Знаешь, что это значит?

Мальчик угрюмо кивнул. Он как раз перешел к постройке второго этажа, и эта дурацкая тетя ему мешала.

— Поэтому это место скверное, — продолжала Люси. — Здесь нельзя оставаться. Можно встретить привидение!

Тим пожал плечами.
 — Ты что, совсем не боишься? — улыбнулась Люси. Тим покачал головой.

— Вот молодец! — обрадовалась горничная.
 Домик рухнул. Мальчик тяжело вздохнул и с неодобрением посмотрел на тетю — это все она виновата!

— Слышишь, что я говорю? — сказала Люси. — Ты молодец, что не боишься привидений. А домик у тебя получится. И вообще все получится, — она наклонилась ближе к Тиму и перешла на шепот. — Только остерегайся ромбиков.

Мальчик удивился. Какая странная тетя... он хотел спросить, что такое ромбики, и почему их надо остерегаться, но Люси уже удалялась по коридору, катя перед собой тележку. Ромбики... надо будет запомнить это слово.

ПИТАНИЕ В ЛЫЖНОМ ПОХОДЕ

Лыжные походы и особенно длительные зимние путешествия с преодолением сложных и трудоемких препятствий в условиях низких температур, сильного ветра и снегопадов требуют от участников затрат большого количества энергии, которые в простом и средней сложности походе составляют 3500-4000 ккал, а в длительном и сложном возрастают до 5000-6000 ккал.

Кроме высокой калорийности рациона питания туристов-лыжников большое значение имеет правильное соотношение белков, жиров и углеводов, разнообразие питания, хорошие вкусовые качества, витаминная насыщенность, возможность употребления некоторых продуктов без варки.

Калорийность и вес рациона. Для несложного лыжного похода можно подобрать рацион из обычных продуктов, который почти полностью компенсирует все суточные энергозатраты. Правда, он будет весить 1100-1200 г на человека в день.

Для путешествия, рассчитанного на 25-30 дней, с приготовлением пищи на примусах, подобный набор продуктов окажется «неподъемным». Задача, таким образом, состоит в том, чтобы уменьшить вес рациона, но сохранить его калорийность в пределах 4000 ккал.

Это можно сделать за счет использования сублимированного мяса, сухих сливок, суповых концентратов, картофельного пюре, шоколада, халвы, а также увеличения количества высококалорийных продуктов, и уменьшения продуктов с большим количеством клетчатки.

Вот небольшой пример решения этой проблемы группой туристов (мастеров спорта) совершавших лыжный поход по Полярному Уралу.

Стремясь максимально уменьшить вес продуктов для 30-дневного похода, группа сознательно не задавалась калорийностью, которая бы полностью компенсировала все суточные затраты энергии. Расчет основывался на том, что набор питания будет покрываться за счет переработки внутренних ресурсов организма, но в пределах, которые бы не отразились на работоспособности человека.

Каждый участник за 26 дней похода в среднем потерял в весе до 4 кг. При этом работоспособность и морально-психологический настрой всех до конца похода были отменными, что свидетельствует о допустимости и такого варианта организации питания в длительном зимнем путешествии.

Создание рациона в 4500 ккал с правильно подобранным соотношением по ассортименту и химическому составу, который бы можно было употреблять длительное время без опасения вызвать нежелательные от-

клонения в организме, возможно при весе не менее 900 г продуктов.

Химический состав рациона для лыжного похода должен также обеспечить нормальную жизнедеятельность человека в течение длительного времени в условиях низких температур. Обычное соотношение белков, жиров и углеводов (1х1х4) не отвечает этому требованию: жиров явно недостаточно. Поэтому, разрабатывая питание для дальних и сверхдальних (800-1000 км и более) лыжных походов, преднамеренно увеличивают количество жиров, добиваясь соотношения белков, жиров и углеводов 1х2(3)х5. Некоторое увеличение углеводов вызывается тем, что они служат основным источником быстрого поступления в организм энергии, а это в зимних условиях, когда требуется в короткий срок поднять силы человека, имеет первостепенное значение.

Особая забота при употреблении сокращенного весового набора продуктов — изыскание специальных мер, которые бы помогли притупить постоянное желание поесть, даже если организм почти полностью получает необходимое количество калорий. Назовем среди них следующие: периодическое введение «перегрузочных» дней, когда пища готовится больше, чем обычно; отсутствие жесткого регламента в употреблении воды, которая наряду с выполнением регуляторных функций водно-солевого режима перебивает чувство голода; использование кожи сала в качестве жевательного материала во время движения. Высказываются пожелания брать с этой целью жевательную резинку. Немаловажная роль должна отводиться предположительно приучению желудка к малым объемам пищи, а также психологической подготовке.

Режим питания в лыжных походах может быть разным. Он зависит, прежде всего, от времени совершения путешествия, тактического плана дневного перехода и привычек группы.

До недавнего времени наиболее рациональным считалось двухразовое горячее питание, а в промежутках предусматривался большой (до 30 минут) привал и прием пищи в сухом виде, в лучшем случае с чаем из термосов. Такой режим мотивировался стремлением максимально использовать светлое время для движения. Недостаток его (кроме питания всухомятку) — 10-12-часовой разрыв между приемами горячей пищи и воды, что нарушает биологический ритм организма, ослабляет его работоспособность.

В настоящее время все более широкое признание получает трехразовое питание с 5-6-часовым разрывом между приемами горячей пищи, что соответствует привычному режиму питания. При хорошей организации обеденный перерыв с

приготовлением первого, второго блюда и чая занимает не более 1,5 часа, а первого и чая — до 1 часа. Как показывает практика, после такого обеда и отдыха группа легко преодолевает вторую половину дневного перехода и останавливается на бивак в состоянии, позволяющем, если потребуется, без особого переутомления пройти еще несколько километров или выполнить какую-то трудоемкую работу.

При трехразовом горячем питании распределить продукты наиболее целесообразно следующим образом: завтрак — 35%, обед — 30%, ужин — 25%, остальные 10% составят «карманное питание» (сахар, глюкоза, фрукты). Продукты, богатые клетчаткой, следует использовать в завтрак и обед, что будет способствовать более длительному ощущению сытости между приемами пищи. При путешествиях в условиях полярной ночи или в начале зимы, а также в осеннее межсезонье, когда день ограничен несколькими часами светлого или сумеречного времени, наиболее приемлемо двухразовое горячее питание.

Существуют различные методы расчета необходимого количества продуктов. Самый простой, но вполне приемлемый из них следующий:

- 1) составить меню с учетом пожеланий группы и повторяемостью, например, через 4-5 дней;
- 2) подсчитать калорийность и вес каждого дневного рациона на человека. При недостаточной калорийности или превышении запланированного веса произвести замену;
- 3) подсчитать общее количество продуктов каждого вида на весь поход;

4) определить, какие продукты взять с собой, а какие можно докупить на маршруте;

5) распределить закупку продуктов между участниками.

Кроме того, необходимо определить состав и количество продуктов на каждого участника в качестве неприкосновенного запаса. В него входят высококалорийные продукты, по весу не более суточного рациона, готовые к употреблению без варки и разогревания.

Расфасовка продуктов. В настоящее время наиболее рациональным считается «контейнерный» способ транспортировки продуктов, при котором дневная норма каждого вида упаковывается сначала в отдельные, а затем в общий мешок. Этот способ имеет ряд преимуществ: завхозу каждый раз не нужно говорить, у кого сколько и каких продуктов взять, упрощается учет расхода их.

Некоторые неудобства возникают, когда в особо напряженные дни требуется усилить питание. В этом случае приходится «разорять» рацион другого дня или иметь небольшой резерв.

Многие группы, однако, по-прежнему заранее расфасовывают только те продукты, которые трудно резать на порции в замороженном виде, а для удобства выдачи рассыпных продуктов завхоз имеет таблицу их веса (в кружке или столовой ложке).

Вместо сублимированного мяса можно взять высушенное самими нежирное говяжье мясо; оно быстро разваривается и сохраняет вкусовые качества. При необходимости его можно есть и без варки.

Эдуард РУМЯНЦЕВ

Край Земли

С раннего детства мне запомнился рисунок из какой-то книжки, где была нарисована Земля в виде каравая хлеба, который держался на трех слонах, слоны стояли на китах и т.д., уж не помню всех подробностей. Но меня больше всего занимал вопрос:

«А где же край Земли, и что там за ним?» Иногда я садился на берегу речки и пытался представить как это выглядит: «Наверное, там ничего нет, — думал я, — наверное, сразу у ног начинается черная бездна, такая же, как вода, и чем больше я себе это представлял, тем становилось страшнее, и я убежал от речки. Иногда случилось, что стою на самом краю пропасти, вдруг меня почему-то тянет в бескрайнюю серую мглу, я пытаюсь за что-то схватиться, срываюсь и падаю. С криком просыпался, судорожно хватаясь за одеяло. Не раз старшие пытались переубедить меня, что Земля круглая, и никаких краев нет. Передо мной крутили глобус, показывали на Луну, на Солнце, но я стоял на своем: «Есть край Земли!». Наконец, получив подзатыльник, со слезами уходил за дом, в укромное местечко (там у меня был сделан маленький шалашик из лопухов) и все мечтал: «Вот вырасту большой, все равно край Земли найду!». Уж так хотелось посмотреть, а что же там дальше. В поисках ответа частенько донимал старших:

- А во-о-он, за тем дальним лесом, что?
- Другой лес.
- А за другим лесом?
- Еще один лес. А за тем лесом?
- Отстань, липучка, со своими дурацкими вопросами!

Сходи, да посмотри, — и я ходил. Уходил до самого, как мне казалось, дальнего леса, но ничего особенного там не обнаруживал, останавливался и думал: «Дойду еще во-о-он до той горы, может, за ней?» Еще жила надежда: «А вдруг, где-то там?» Но, ни за горой, ни за речкой, ни за деревней края Земли все не было. Давно надо было возвращаться домой, а я все шел с верой: «Вон, наверное, за теми полями...»

Сколько раз приплетался домой за полночь, за что получал хорошую трепку, а на утро думал: «Наверное, я не в ту сторону шел. Надо же за Солнышком. Куда-то же оно прячется? Значит край Земли там!»

Мать никак не могла взять в толк, что же можно увидеть за дальним лесом? Со временем эта мечта притупилась, видимо из-за того, что начал догадываться о ее несбыточности, но появились другие, более реальные и выполнимые. Вдруг захотелось посмотреть, как начинаются речки. Прекрасно знал, что все речки начинаются с родников, из родников собираются ручьи, из ручьев речки и т.д., а вот хотелось самому посмотреть.

Ходил, ложился на живот у родника и подолгу наблюдая, как на дне бьют из земли фонтанчики воды, поднимая серые частицы песка, и думал: «А дальше как?»

В общем, меня все время куда-то тянуло. И хорошо, что было трудное время, и все лето приходилось работать, то на огороде, то дрова заготавливать и т.д., скучать было некогда. А то бы ушел...

Прошли годы. Однажды летом (мне было уже лет десять-одиннадцать) мать объявила, что сегодня религиозный праздник, и мы освобождаемся от всякой работы. Вот здорово! Не долго думая, сунул в карман кусочек хлеба и направился куда глаза глядят. Прошел по тракту километра два, не понравилось, пыльно, да и ноги на камнях колет (в детстве мы все лето ходили босые). Свернул на проселочную дорогу. По торной земляной тропинке идти стало легко и приятно. В поле ни ветерка, в небе ни облачка. Так бы и полетел, как в сказке, до самого синего моря. Кончилось поле, начался высокий хвойный лес. Решил отдохнуть. Я знал, что если затаиться, то обязательно увидишь что-нибудь интересное. Так и есть. Через минуту трава зашевелилась, и шагах в трех, деловито что-то выискивая, показался ежик. Ладонью дотронулся колючек. Недовольно «фышкнул» и дернулся спинкой вверх, пытаюсь уколоть мою руку. Я осторожно поднял на руках свернувшийся клубок, рассмотрел колючки, потом положил на землю. Полежав чуток, ежик развернулся, опасливо покосился на меня, поводит носиком, приняв к незнакомому запаху, и побежал по своим делам, мелькая задними лапками. Высокий хвойный лес обдал меня сумраком и прохладой. Дорога была в выбоинах от колес телег, наполовину заполненных водой от вчерашнего дождя. Кое-где дорогу пересекали кротовые ходы с дырками вовнутрь и горками мягкой земли. Через час ходьбы лес закончился, и по обе стороны дороги, до самого лога, раскинулось поле ржи. В логу стояла церковь, и полуразрушенная колокольня немым укором возвышалась над колышущимся полем хлебов. Подумалось: «Когда колокольня была крашена, а купол крыт золотом, какой вид был! Картину пиши!» С таким двойным чувством обошел деревню и направился вверх по течению речушки.

Дальше начинались увалы, южные склоны которых были усеяны душистой сладкой клубникой. Поел ягод, спустился в лог. У самого подножья горы находилась, будто вырытая, чаша, в поперечнике шагов восемь, и сразу из нее выбегал не ручей, а целая речушка чистой ключевой воды. Все дно кипело множеством больших и малых фонтанчиков. Я припал к воде и сделал несколько глотков. В висках заломило от холода. Вот и увидел на-

чало речки. Оказывается все так просто!

Время перевалило за полдень и пора было возвращаться. По прежней дороге идти не захотел (там все видел), а спустился вниз по речке, обошел деревню и тогда свернул в сторону дома, по старой конной дороге. Там уже начинались хвойные леса, сначала сосновые, а потом сплошной старый ельник. Слева открылась поляна с тремя почерневшими от времени домами. Вспомнил название этого места: «Белоусовские хутора». Удивился: «Неужели я так далеко ушел?» Значит до дома еще идти часа полтора. И вот какие мысли приходят в голову по дороге: «Бежал человек, по фамилии Белоусов, от нужды, от притеснений. Приглянулись ему эти места, и построил он тут домик. Примкнули к нему еще два человека, и вот уже вырос хутор. Сколько путникам он дал тепло и кров в зимнюю стужу и в осеннее ненастье за время своего существования? Уж первостроителя давным-давно нет, а память о нем осталась в названии. И это очень правильно». За размышлениями мне показалось, что где-то в стороне, сквозь густую крону леса, проплыло синее пятно. На ходу стал соображать: «Что бы это могло быть? Может, меж деревьев был просвет? Но небо же голубое? А у меня четко запечатлелось что-то синее. Если и небо, то почему низко к земле?» Остановился, вернулся обратно, но ничего не увидел. «Наверное, все же показалось, — решил я и пошел дальше. Но с каждым шагом во мне все больше и больше разгорался интерес, а может, жажда узнать: «А что же там такое?» Прошел еще, и тут не услышал, а скорее ощутил, что меня будто кто-то зовет туда, и ноги сами помимо моей воли свернули с дороги. Куда-то делась усталость, и я решительно направился в неизвестность.

Лес оказался настолько плотным и густым, что показались начались сумерки. Еловые колючие ветки хлестали

по лицу. Я продвигался едва-едва, одной рукой защищая глаза, а другой отводил ветки в сторону. Из осторожности даже наклонил голову, из-за чего видел впереди не далее двух — трех шагов. Так продирался я около получаса. Вдруг передо мной распахнулся простор. Поднял глаза и обомлел: «Я стоял на краю Земли!». Синева начиналась почти у самых ног и где-то вдали сливалась воедино с небом. Где Земля, где небо? Меня охватил страх, что вдруг я сорвусь в эту бездонную синеву! Даже показалось, что я перестал ощущать притяжение Земли и теряю равновесие. Непроизвольно сделал шаг назад. Сердце было готово выпрыгнуть из груди. Не помню сколько времени прошло, может, секунда, две, может, больше, но я медленно начал себя осознавать, огляделся по сторонам, посмотрел под ноги и только тогда обрел реальность окружающего мира. Я стоял на бугре земли, сдвинутой бульдозером под корни огромной ели, а на поле цвел прекрасный синий лен. Поле раскинулось по всему увалу, закрыв линию горизонта. Только при внимательном рассмотрении обнаружил почти незаметную границу перехода небесной голубизны в синеву льняного поля. Меня охватило чувство необычайной легкости, радости, а может, настоящего детского счастья. Казалось, дунь ветерок, и меня унесет, как пушинку в необъятные синие дали. Никогда больше в жизни я не испытывал такого необычайного наслаждения ни от пейзажей, ни от картин, ни от музыки...

Наверное, это был великий дар Всевышнего. Успокоившись, долго сидел на бугре, любясь неповторимой картиной, созданной природой до уровня великого шедевра.

Где-то в безоблачном небе заливался невидимый жаворонок, наполняя окружающий мир радостным пением. В траве, у поля, без умолку стрекотали кузнечики, а я все

смотрел и не мог насмотреться, будто попал в какую-то неизведанную сказочную страну. Впервые мне открылась простейшая истина, что в жизни может сбыться самая невероятная, самая фантастическая мечта, когда стремишься ей навстречу.

Домой я не шел, я летел на крыльях. Еще бы, я нашел! Я видел край Земли!

P.S. Прошло полвека. Много было пережито, перевидано. Куда только не заносила меня судьба, и каждый раз, когда бывает трудно, я с трепетом вспоминаю синее-синее поле, вижу себя со стороны босоногим мальчишкой, зачарованно смотрящим вдаль, и тогда теплеет на сердце, с улыбкой вспоминается наивное милое детство, и вновь просыпается желание пойти за самый дальний лес...

Михаил ГРЯЗНОВ

Бред

Пузырюсь соплями и, кашляя, умираю от гриппа. Надо мной склонилась пупырчатая морда жабы, задушившей меня однажды, когда врач предложил сделать прививку. Она растягивает зеленые губы и мокро шлепает. Из уголков рта стекает слюна, оседая испариной на моем лбу.

— Выпей лекарство, — зеленая морда сменяется садистским оскалом жены. Я слабо сопротивляюсь, и огромная ложка, кроша передние зубы, заползает в рот. Покорно слизываю распухшим до размеров рашпиля языком лекарство и снова погружаюсь в объятия жабы. Она гладит меня слизистыми лапками, выворачивая из карманов мелочь:

— Я в аптеку.

В гудящей голове шумит ветер, перезванивая зелеными бубенцами лягушек. Лягушек много. Вцепившись зубами в деревянные края бубна, они нависают гроздьями незрелого винограда и мелодично перекатывают внутри железные шарики. Два бубенчика раздулись и подхваченные ветром зелеными комочками упали на лицо. Их маленькие лапки быстро-быстро заскользили по щекам, а когти глубоко впились в носовые пазухи. Я взвизгиваю и, оторвав от лица слизистые комочки, мокро раздавливаю их между пальцами.

— Положи обратно! — это кричит жена.

Я подношу к глазам обрывки лягушек: они зеленые, завернутые в марлю и капают.

— Третья зеленая редька, она тебе нос прогреет. Клади на морду, не капризничай, — и, распевая нацистский марш топает на кухню. Топот становится громче, топает не одна жена, они маршируют вместе с дочерью и котом. Громче всех топает кот, потому что его стальные когти на манер шпор цокают по промерзшему бетону.

— А вы, Штирлиц, останьтесь, — кот разворачивается и выдергивает шнур.

— Сколько раз тебе говорить, не включай телевизор, когда отец спит, — ревет канарейка, и меня перекатывают на кровати.

— Не шевелись, будем банки ставить.

Надо мной загорается факел, и капли святащегося спирта падают на спину, загораясь веселыми вечными огоньками. Хлююп, первая банка пива присосалась под лопаткой, горячие края обожгли кожу и зашипели, прожигая до кости мясо. Запахло паленой свининой, и новое «хлююп» вжимает меня в подушку. Банки втягивают кожу, сдирают мясо с костей и заполняются до предела.

— Забыли лаврушку, — хозяйская рука жены добавляет в банки специи, насыпает соль и закатывает жестяными крышками. Баночка к баночке, ставятся на полку.

— Ты ведь любишь домашнюю свининку? Зимой под водочку, намазывая ломти мяса хреном, чесночком и с черной краешкой... а сверху горчицей...

Горчичники холодными мокрыми листьями прилипают к спине и начинают печь. Эта печь разгорается все ярче,

спина уже тлеет, обугливаясь горелым шашлыком. Каждый кусочек мяса пронзен шампуром. Мясо... кружочки лука... шампур..., мясо... кружочки лука... шампур.

— Теперь закапаем луком нос, — мозг пронзила вспышка и зашипела вольтовой дугой, а из ноздрей ударило пламя. Размахивая носом, я бегу к раковине и подставляю его под струю воды. Вода затекает в ноздри, вливается вовнутрь, гася пожар горчичников. Две ноздри:

одна для холодной воды, другая — для горячей. Правая холодная, в левой — кипяток. Во рту смеситель, — там обе струи перемешиваются и фонтаном вырываются изо рта.

— Ага, вырвало, значит, начнем сначала. Открывай рот.

Я сжимаю остатки зубов, но сквозь них просовывается жало баллончика и аэрозольная струя ударяет глубоко в горло. Откуда-то изнутри грозно рычат, это лягушки до того перекатывавшиеся внутри колокольчиками вдруг взбунтовались. Они запрыгали резиновыми мячиками, подступая к горлу и вызывая спазмы. Маленькие коготки понесли своих хозяев наружу, заскребли изнутри гортани и, оставляя глубокие царапины, стали съезжать в желудок. Там заплюхало, принимая в себя постояльцев, а потом лягушки запели про крейсера Варяга.

Я открыл глаза, в изголовье сидел кот и удивленными желтыми глазами смотрел на оголившийся из-под простыни живот. Доносившийся изнутри лягушачий хор затих, в животе последний раз булькнуло, и кот разочарованно соскочил с кровати.

— А я для тебя стишок нашла, — запрыгала вокруг кровати дочь.

— «Тятя, тятя, наши сети...», — ой, не этот. Вот, слушай:

«Таня слушает скрип-скрип, это ходит дядя Грипп».

Стишок из старой детской книжки заглушается скрипом половиц. Грипп укутан в длиннополое пальто с поднятым до самых ушей воротником. Воротник небрежно замотан болтающимся на шее шарфом, над которым нависает сопливый нос. Грипп задумчиво смотрит на меня, раскачиваясь с пятки на носок. Его нос то нависает над моим лицом, то отъезжает в сторону. Каждый раз, когда он проплывает сверху, мутная капля падает мне на лоб.

— Доктор, посмотрите, он весь в испарине, — кот заботливой мягкой лапой трет мне лицо, — а я тебе мышку принес.

— Отойди от него, — появившаяся некстати жена отталкивает кота, — мне соседка дала замечательный рецепт, ее муж не прожил после него и суток.

В глазах начинается щипать, «рецепт» разъедает мою слизистую. Он испаряется со спины и груди, обволакивает туманом мозг.

— Змеиного яда пожалела, — бурчит о соседке жена, продолжая натирать мою грудь, слышен смачный звук плевка и довольное шипение жены. А потом я умер.

Василий ГАЛКИН

Розовые розы

Семен Сидорчук, человек беззаботный и в меру пьющий, крайне редко страдал бессонницей, но в это по-весеннему теплое утро ему не спалось. Беспокойный храп Семена то и дело прерывался тяжкими вздохами и невнятным бормотанием. Наконец, хрюкнув в последний раз, Сидорчук затих. С трудом открыв глаза, он чуть не ослеп под натиском солнечных брызг, бьющих прямо в лицо. «Да чтоб тебя...», — ругнулся Семен в адрес дневного светила, нахально протянувшего щупальца к его физиономии, и, кряхтя и охая, принял вертикальное положение. Внезапно он ощутил, что его терзает какое-то неясное предчувствие, но, сколько бы Семен ни напрягал гудевшую после вчерашней пирушки голову, обнаружить его источник так и не смог. «Сон, наверное, дрянной приснился», — попытался успокоить себя Сидорчук. Не тут-то было — тревога по-прежнему зубной болью свербела где-то под ложечкой.

Неприятность не заставила себя долго ждать. Блуждающим взором окинув гостиную, Сидорчук вдруг замер: на столе, залитый ярким светом, вызывающе цвел огромный розовый букет. Грациозно держа на тонких стебельках изящные, словно выточенные из хрупкой пластмассы бутончики, розы, казалось, перекочевали в квартиру прямо с цветочной клумбы — на листьях, трепеща от легкого сквозняка, еще поблескивали капельки воды. «Сколько же их тут — раз, два, три, четыре...», — начал, было, считать Семен и тут же сбился. — Охренеть можно — целая охапка!» Сидорчук поерзал на диване: букеты жене он, конечно же, дарил — в ранней молодости, а вот сейчас... Но если не он, то кто же?

— Марья, ты где? — срывающимся фальцетом крикнул Сидорчук. — Манька!!! В коридоре послышались знакомые шаги. Сидорчук напрягся. Жена предстала пред его очами, как ни в чем не бывало: ни тени смущения на безгрешном лице, ни малейшего намека на раскаяние.

— Проснулся, голубчик! — улыбнувшись Семену, как любимому дитяти, с лаской в голосе спросила она.

«Вот зараза! — раздраженно подумал Сидорчук. — Муж не в духе, а она зубы скалит!» На

языке вертелся вопрос о злополучном букете, но он, проявив сдержанность, заговорил о пустьках:

— Ты что, оглохла? Охрипнешь весь, пока до тебя докричишься!

— Да я не расслышала — пироги на кухне пекла, — как бы не замечая его недовольного тона, ответила жена.

— Она, видите ли, пироги печет, — брюзжал Сидорчук. — Другие мужики и завтраком, и обедом накормлены, а я до сих пор не жрамши!

— Все готово, голубчик — сейчас на стол накрою, — прервала его ворчание Мария и скрылась в коридоре. С трудом переставляя непослушные ноги, Сидорчук преодолел пару погонных метров, отделявших его от обеденного места. А перед ним, как на скатерти-самобранке, уже выростали тарелки с пирожками, булочками, ватрушками. Лениво запустив зубы в стряпню, Сидорчук начал трапезу. Есть не хотелось — розовое пятно, маячившее перед глазами, напроць лишало его аппетита. Не зная, к чему придраться, Семен грохнул кулаком об стол:

— Ты где вчера шлялась, а?

— Как обычно, сначала зашла в магазин, затем отнесла в химчистку твой пиджак ... — спокойная, как стадо мамонтов, держала отчет перед мужем Мария, но Сидорчук ее не слушал. Вперившись взглядом в букет, он терялся в догадках — откуда цветочки?

«Не иначе, как Петька — он давно на Маньку глаз положил! ... Хотя, нет, не Петька — откуда у него столько деньжищ? Как и я, плотником в жэке вкальвает... Юрка! Точно, Юрка! Этот мерзавец еще в школе за Маруськой ухлестывал! Да когда ж он успел? Как сейчас помню, мы вместе вчера в гараже квасили...»

... Пьянящий аромат цветов дурманил голову. Сидорчку почудилось, что он жует не пирожок с клубникой, а приторно-сладкий розовый бутон. Поперхнувшись стряпней, Семен услышал обрывок фразы, который его весьма заинтересовал.

— Что ты сказала? Во сколько меня принес-ли домой?

— В три часа ночи, — повторила жена. — Из-

вини, голубчик, пришлось уложить тебя в костюме — ты спал как убитый.

Сидорчук осмотрел себя с ног до головы: точно, как есть, в костюме. «Значит, домой меня принесли в три. А до этого что было? В десять мы взяли еще по пузырью, поднялись на пятый этаж к Юркиной знакомой, выпили... Дальше — полный провал в памяти...» А жена все говорила и говорила: про какое-то собрание, вечеринку и ужин в ресторане.

— Постой-постой... Что ты там несешь? Какой праздник?

— Сегодня же восьмое марта, Сеня, международный женский день. «О господи! Вот олух!» — с досадой подумал Сидорчук. Порывшись в карманах, он извлек на свет мятую шоколадку и протянул ее жене:

— На вот. Маня, подарочек тебе к праздничку...

— Спасибо, милый, — с чувством сказала жена и чмокнула Семена в макушку. Лицо Сидорчука перекошило от ярости. «Если за дешевую шоколадку — поцелуй, то за букет что? — сжимая кулаки, подумал он. — Эх, поймать бы этого проходимца да руки-ноги повыдергивать! Да кто же он, черт побери? Может, врезать Маньке промеж глаз — сама признается?» Усилием воли сдержав душевный порыв — как-никак жену он любил и до рукоприкладства не доходил — Семен задал вопрос на засыпку:

— Ты там насчет ресторана намекала... Какой галстук мне надеть?

— Сеня, ты не обижайся ради бога, — помедлив, ответила Мария, — но мы решили сегодня собраться чисто женским коллективом — без мужей...

«Какой же я дурак! — осенило Семена. — Это же Манькин начальничек! Шуры—муры, служебный роман — они же все как один бабники! Кем она там работает? Вроде, учетчиком — книжки разные про учет какой-то читает... А зарплата — как у министра! То шуба новая, то гарнитур ореховый, а на Новый год — машина! Вот и от кабака меня отшила... Ах ты, господи, как же я проморгал-то?»

... Сидорчук вспомнил прошлогоднюю вечеринку в кругу манькиного трудового коллектива. Он вел себя там как настоящий мужик: пил до дна, травил неприличные анекдоты, волчком вертелся вокруг женщин, не упуская момента ущипнуть их за бок... А потом чуть было не затеял драку с одним из гостей, да неудачно размахнулся и упал на стол с закуской... Манька ударилась в слезы, а какой-то тип...

— Семен теперь не сомневался, что это и был шеф — ни на шаг от нее не отходил.

«Ну, Манька, погоди! Я тебя выведу на чистую воду!» — с азартом охотничьей собаки, взявшей след, подумал Сидорчук. Ему хотелось вскопчить, швырнуть розовый букет на пол и топтать его ногами, топтать, топтать... «Спокойно, Сеня, спокойно», — мысленно дал себе установку Сидорчук, набирая в легкие побольше воздуха, чтобы одним залпом выдать жене все, что он о ней думает. Но тут в его поясицу будто вонзили острый нож. Семен ойкнул и схватился за спину.

— Сеня, что с тобой? — забеспокоилась жена. — Может, врача вызвать?

— Да иди ты... вместе со своим врачом! — прохрипел Семен. — Водки, водки неси! Там... в мешке с сахаром... заначка...

Зубами сорвав пробку, Сидорчук в три глотка опорожнил бутылку и прикрыл глаза. Боль понемногу утихла. Перегнувшись пополам, он почти ползком добрался до дивана и осторожно нырнул в его мягкое нутро.

— Сеня, — услышал он мягкий голос жены, — я до аптеки сбегая, а ты пока поспи...

— Знаю я твою аптеку! — сквозь стиснутые зубы прошипел Сидорчук. — К хахалю, небось, побежала, стерва!

Мария молча вышла из комнаты, закрыла на ключ входную дверь и стала спускаться по лестнице.

— Сука-а-а-а, — несло ей во след.

Вырвавшись из семейного гнездышка, Мария ощутила необычайную легкость. Она вдохнула свежий мартовский воздух и улыбнулась. Хорошо-то как! Солнце, капель, весна... Прочь, тоска и унынье — жизнь продолжается!

...По шумному оживленному проспекту цоккая каблучками модных сапожек шла Мария Сидорчук, директор процветающей фирмы. Молодая, красивая, со вкусом одетая женщина не могла не привлечь внимания сильного пола, и мужчины невольно провожали ее восхищенными взглядами. И никто из них не подозревал, что такое ее законный муж, Семен Сидорчук... Давным-давно, когда Семен, красавец десантник, сделал ей предложение, Машины подружки чуть не умерли от зависти, а теперь... Ну, куда ж его, бедолагу, деть?..

А вот и цветочный магазин — благоухающий рай. И ее любимые розы. В день рождения она снова сделает себе подарок — так хочется хоть иногда почувствовать себя счастливой...

Евгения ДРУГОВА

БОЛЬШАЯ ОХОТА

Понедельник — день тяжелый, и мне так не хочется вставать. Вот уже пять минут как я валяюсь в постели, пытаюсь ухватить за хвост обрывки сновидений. Но они ускользают. Что мне снилось? Наверное, что-то хорошее, иначе я не пребывала бы в таком блаженном настроении... Странно, почему молчит будильник? Пора бы ему прозвенеть.

Я открываю глаза. О боже, на часах без четверти восемь! Меня как вихрем сдувает с кровати. В панике ношу по квартире, распахиваю шкаф — главное, не забыть надеть юбку, — на бегу подкрашиваю ресницы. Прическа в такой суматохе — это уже роскошь, завтрак тоже. Цокаю каблучками по лестнице, ныряю в транспорт. Время движется быстрее, чем битком набитый автобус. Я безнадежно опаздываю, а мой босс — только и ищет повод, чтобы устроить мне взбучку. Чтоб его «Ягуар» попал в пробку, чтоб у него мотор заглох, чтоб он сам застрял в лифте...

Не спеша вхожу в офис, будто отлучилась всего на пару минут, как ни в чем ни бывало направляюсь к столу. Лерка при виде меня делает страшные глаза и машет руками. Значит, босс уже в курсе. «Евгения Александровна, зайдите ко мне!» — кричит он из кабинета. Он что, следит за мной? Мельком гляжу на себя в зеркало — о, как я ужасно выгляжу, — и иду к нему.

Я предстаю пред его светлые очи, сердце стучит, как молот по наковальне. Босс бросает взгляд на часы. Ну вот, началось... «Вы неисправимы, мисс», — рычит босс и смотрит на меня, как на преступницу. А что я такого сделала? Подумаешь, опоздала на каких-то двадцать минут. «Так получилось... автобус сломался», — говорю я как в бреду и ловлю себя на том, что повторяюсь.

«Автобус уже ломался — в пятницу, придумайте что-нибудь новенькое», — ехидничает босс. Он подозревает меня во лжи? Да как он смеет! «У меня были сугубо личные причины», — говорю я с вызовом и гляжу на него в упор. Босс выходит из себя. «Меня не интересуют ваши ночные похождения!» «Да вы, оказывается, хам!» «А вы — вздорная распущенная девица!»

Ну, это уж слишком! Я хватаю лист бумаги, пишу заявление об увольнении — тринадцатое по счету, — и бросаю на стол. Босс рвет его на мелкие кусочки.

«Прекратите истерику, здесь не детский сад!» Я выскакиваю из кабинета, громко хлопнув дверью. Коллеги смотрят на меня с интересом. Вот уже полгода они наблюдают за тем, как я сражаюсь с боссом. Мой босс —

тиран и деспот, он просто чудовище! О, если б вы знали, как я его ненавижу!

Между прочим, Лерка тоже постоянно опаздывает, а еще она целыми днями болтает по телефону. И ничего, босс к ней снисходителен. Вот он выползает из своего логова, подходит к ее столу... Нет, вы только посмотрите на него — сама любезность! А какая у него обворожительная улыбка! Между нами говоря, Лерка просто дура набитая, но босс осыпает ее комплиментами. Вот и на меня взглянул — холодно так, надменно.

Вечером я не знаю, чем себя занять. Ложусь на тахту, включаю телевизор, смотрю какую-то голубую муь. Неужели это кому-нибудь интересно? Закрываю глаза и начинаю мечтать.

... Я вижу себя скачущей на быстром мустанге, сером в яблоках, в руках кольт. Впереди мчится всадник. Я прицеливаюсь, раздается выстрел, его иноходец падает замертво. Я соскакиваю с лошади, подбегаю к наезднику — теперь он весь в моей власти! Ба, да это же босс! Какой он жалкий и беспомощный! Волосы растрепаны, на щеке ссадина. Его глаза молят о пощаде. Как он мил... Конечно же, я хладнокровно убиваю его — не для того я гналась за ним десять тысяч миль, чтобы оставить в живых. Но перед тем как его прикончить, я веду себя будто последняя идиотка. Я еще больше начинаю ненавидеть его и себя тоже — за ту минутную слабость... Незаметно проваливаюсь в темноту. Мне снится босс...

Утром я снова не слышу звонка будильника — проснешься тут вовремя, когда видишь во сне всякую чертовщину! На мое счастье, у подъезда тормозит такси. Я вбегаю в офис вслед за боссом. Успела-таки! Надеюсь, сегодня он не будет меня третировать?

Босс какой-то не такой. За весь день он ни разу не повысил на меня голос и даже предложил чашечку кофе. «Наверное, съел что-нибудь», — тупо острит Лерка.

К сожалению, удачный день быстро заканчивается. Я выхожу из офиса и вижу его «Ягуар». Босс кого-то поджидает. Его красивый греческий профиль четко проступает на фоне заката. Вот сейчас сяду в его машину и выскажу все, что о нем думаю!

Я уже заносу ногу на проезжую часть, как передо мной тормозит иномарка. «Женька, привет! Ты домой? Садись, подвезу!» Это мой сосед Алик. Примерный семьянин, жена, двое детей. «Алик!» — радостно верещу я на всю улицу. Краем глаза замечаю, что босс пронзает меня взглядом — анфас, как у Ричарда Гира. Я прыгаю на переднее сиде-

ные иномарки и снова громко взвизгиваю: «Алик!» — так, чтобы на улице было слышно.

Открытые окна авто смотрят друг на друга. Я бросаю Алику на шею. Глаза у соседа становятся круглыми, как тарелки. «Скорее целуй меня!» — шепчу я. «Зачем?» — пугается Алик и пытается вырваться. Я больно ущипнула его за плечо: «Целуй немедленно!» Наконец, до него что-то доходит. Он стискивает меня так, что трещат ребра, и впивается в мои губы.

Со стороны все выглядит довольно натурально: двое влюбленных сливаются в страстном поцелуе. Я слышу пронзительный визг шин — это босс срывается с места. Все, представление закончено. Но сосед вошел в роль, я никак не могу освободиться от его цепких рук. «У тебя что, крыша съехала?» — кричу я Алику. «Ты же сама...» Ну и кретин!

Утром я поднимаюсь ни свет ни заря. За окном крошечная тьма. Как сомнамбула бреду на кухню, пью кофе — чашку за чашкой, выкуриваю полпачки сигарет. Наконец, прихожу в себя. В запасе еще масса времени. Не спеша укладываю волосы, делаю макияж, маникюр, надеваю свой лучший костюм.

В офисе еще никого нет. Включаю компьютер и жду. А вот и Лерка. От удивления, что я уже на месте, она чуть не падает в обморок. Затем бросается к окну, смотрит, не идет ли снег — я не часто балую коллег столь ранним появлением на работе.

Босс входит неожиданно. Он пронесится мимо, даже не удостоив меня взглядом. Через минуту слышится его звериный рев: «Евгения Александровна, ко мне!»

Я вхожу в его кабинет — деловая женщина, вся при полном параде. Босс барабанит пальцами по столу. Что вы так нервничаете, босс? «Где отчет?»

«Вчера я положила его вам на стол». Босс взвинчен. Его нервы не выдерживают, кулак обрушивается на крышку стола. «Не выкручивайтесь! Признайтесь честно, что вы забыли его составить!» «Но я...» «Не желаю слышать ваших оправданий!» «Но мне...» «Я вас больше не задерживаю!»

Его наглость переходит всяческие границы! Я больше не желаю этого терпеть! Прямо сейчас все ему выскажу — и до свидания! Я открываю рот... и лепечу не своим голосом: «Слушаюсь... сделаю... как скажете...»

Вечером все расходятся по домам, а я тружусь, как проклятая — босс просто завалил меня работой. Домой прихожу за полночь. Господи, как я устала! Я пашу на износ, а зарплата, между прочим, такая же, как у Лерки. Если бы не этот чертов босс, я могла бы прийти вовремя, как все нормальные люди сходить, к примеру, в театр, или ресторан... Мое воображение принимается за дело.

... Я сижу за столиком, кругом полумрак, играет музыка. На мне вечернее платье — глубокое декольте, сбоку разрез, обязательно черное — этот цвет мне идет. Возле стойки бара стоит мужчина. Он не сводит с меня глаз. Вот он подходит, его лицо мне хорошо знакомо... Это же босс! Он приглашает меня на танец, обнимает за талию.

Какие нежные у него руки! Он прикасается губами к моей щеке...

«Женя, Женечка... Да проснись же!» Кто это? А, это тетя. По четвергам она делает в моей квартире генеральную уборку. «Тетя, ты что так рано? Что ты сказала? Который час?» О, боже!

Тихо, как мышка, я проскальзываю на свое место. Это ж надо, явиться почти к обеду! Босс сотрет меня в порошок! Но тот как будто забыл о моем существовании. Куда это он так вырядился? Новый костюм, ботинки блестят, а галстук... Выходя из офиса, он оборачивается ко мне и ухмыляется.

День проходит серо и скучно. Босс так и не появился. Плечусь домой и заваливаю спать. Скорее бы суббота.

Утром Лерка сообщает сногшибательную новость. Вчера она видела босса, и знаете с кем? С женщиной! Не с женой — он разведен. Да и какая женщина уживется с таким монстром! Напустив на себя безразличный вид, интересуюсь его спутницей. «Так себе», — отвечает Лерка. — Фотомодель какая-то. Ноги от шеи. Вообще-то, в нашей фирме женщины тоже ничего», — и смотрит на себя в зеркало. Нашла с кем себя сравнить! У Лерки рост — полтора метра, а строит из себя бог знает кого!

Босс должен появиться с минуты на минуту. «Лерка, если что — я на девятом этаже, сообщение по факсу отправляю». У них телефон вечно занят, босс при всем желании не сможет меня проверить.

Возвращаюсь через два часа. Я истратила все до последней копейки, зато как выгляжу! На мне потрясающая блузка и модные туфли — шпилька пятнадцатые сантиметров. Лерка просто умирает от зависти. «Цвет, — говорит, — не твой, он тебя старит. А туфли? Как ты будешь в них ходить? Ты же ноги ломаешь!»

Я иду к боссу — он уже раз десять обо мне спрашивал. Захожу в его кабинет — томный взгляд, улыбка как у Джоконды... Что вы так на меня уставились, босс? Никогда красивых женщин не видели? Сажусь в кресло — юбка короткая, ноги длинные... Лерка вечно вздыхает: «Ах, Женечка, мне бы твои ножки!»

Босс старательно отводит взгляд от моих прелестей. «Я посмотрел ваш отчет, нужно кое-что подправить». «Где? Вот здесь?» — я тычу ноготком в цифру и случайно касаюсь его руки. Босс вздрагивает, как от укуса змеи.

Я грациозно встаю, иду к двери — вся такая изящная, как фотомодель, походка легкая, ат бедра. Босс смотрит мне вслед, я чувствую его взгляд затылком.

Дом у меня все валится из рук. Я не могу ни на чем сосредоточиться, потому что думаю о том, как ненавижу босса. Я ненавижу его небрежно зачесанные волосы цвета мокрого асфальта, его зеленые как у хищника глаза, его голос, который, наверное, так нежен, когда он шепчет слова любви, его красиво очерченные губы, которые будто созданы для того, чтобы... Стоп, Евгения, ты забываешься.

На чем я остановилась? Ах, да... Я ненавижу его руки, ноги и даже уши. О, боже, как я устала за эти последние полгода! Но завтра суббота. Я тебе припомню все!

Не люблю, когда в субботу идет дождь. Но сегодня

небо чистое, это радует. Я тащусь на автобусе через весь город, затем иду через парк. Вот и полигон, где мы с боссом играем в пейнтбол. Это такая война «понарошку». Все уже на месте, босс тоже — вон он, возвышается над толпой. В камуфляже он выглядит как Шварценеггер. Натягиваю свой комплект — яшила его по заказу, точно по фигуре — надеваю защитную маску. Сразимся, босс?

Разбиваемся на команды, мы с боссом всегда становимся по разные стороны баррикад. Мы охотимся — я на него, а он на меня. Звучит свисток судьи, разбегаемся по позициям. В масках все бойцы на одно лицо, но я всегда чувствую, где он прячется. Выглядываю из укрытия — так и есть, залег за щитом. Мимо просвистел шарик — надо быть осторожнее, чтобы не получить «пулю» в лоб. Это очень больно, синяки не сходят до следующей субботы. А босс беспощаден, он специально лупит по моим красивым ногам. Но я даже не пытаюсь замаскировать его отметины и подчеркнуто ношу короткую юбку — пусть все видят, какой он безжалостный!

Так, один боец готов, а вот и второй покидает площадку. Мне, во что бы то ни стало, нужно стоять до последнего... Все, мы остались на поле боя одни. Ну, босс, дер-

жись!

Рядом выгодная позиция, бросаюсь туда. Босс строчит из автомата. Похоже, моя песенка спета, но я не нахожу на себе следов ядовито-желтой краски. Неужели наш меткий стрелок промахнулся? Поздравляю, босс, у вас закончились шарики, но у меня в запасе всегда есть для вас последний патрон!

Я встаю и смело иду к нему. Босс выходит из-за укрытия, кричит: «Сдаюсь!» Он снимает маску и делает шаг мне навстречу. Какой странный у него взгляд... Что с вами, босс? Может быть, вас интересует, за что я вас так ненавижу? У меня уже готов вырваться ответ: «За то, что люблю, чурбан бесчувственный!», но я вовремя прикусываю язык.

Вскидываю автомат и целюсь ему прямо в сердце. Сейчас я нажму на курок... «Ты исполнишь мое последнее желание?» — вдруг спрашивает он. «Валяй, только короче», — бросаю я сквозь зубы. Интересно, что он у меня попросит — сигарету, банку пива? «Женька, выходи за меня замуж», — бормочет он. Автомат падает из рук... О, мой босс...

ОШИБКА ПРИРОДЫ

Бабушкины причитания — «Господи, да в кого ты у нас такая?», Маришка слышала чуть ли не с пеленок. Сокрушаться было от чего: у вполне нормальных и даже симпатичных родителей дите уродилось ни в мать, ни в отца. Родители, правда, надеялись, что дочурка с годами «выправится», но подрастающая Маришка не спешила из «гадкого утенка» превращаться в прекрасного лебедя, чем все больше и больше разочаровывала всю родню.

В отличие от предков, саму Маришку ее далекая от совершенства внешность ничуть не удручала. Кумирами в мальчишеской среде, где она вращалась с раннего детства, были не топ-модели и «Мисс Вселенные», а крутые ребята из голливудских боевиков. Будучи «своим парнем» в дворовой компании, Маришка как заправский сорванец лазила по деревьям и штурмовала заборы, ненавидела банты и тихие игры в дочки-матери, а всем подаркам на день рождения предпочитала игрушечный пистолет.

Многочисленные попытки родителей исправить ошибку природы с треском проваливались — их любимая дочка испытывала стойкое отвращение к чисто дамским занятиям, способным прибавить ей хоть немного женственности. Когда Маришку выгнали из очередной балетной студии, как совершенно бесперспективную, ее, наконец, оставили в покое. Отстояв свое право на неза-

висимость, «гренадерша» — по меткому определению соседей — тут же начала осваивать приемы рукопашного боя, которые давались ей намного легче ненавистных танцевальных «па».

Маришкины родители тихо завидовали своим друзьям-приятелям, чьи дочери по всем статьям соответствовали эталонам слабого пола, и уже совсем, было, поставили крест на будущих внуках и правнуках, когда в их чаде заговорило женское начало. В неполные четырнадцать лет Маришка вдруг ни с того ни с сего влюбилась в «первого парня на деревне» — отличника Стаса из параллельного класса. От нахлынувших на нее незнакомых чувств Маришка слегка растерялась: она понятия не имела, как полагается поступать в подобных случаях добропорядочным девицам. Напрочь лишенная кокетства, Маришка пошла ва-банк, рассказав все как на духу предмету своей любви.

На следующий день о проступке «гренадерши» знала вся школа — ошеломленный Стас не смог удержать ее признания в секрете. Маришка стойко выдержала позор и выпавшие на ее голову насмешки и даже не позволила друзьям детства защитить ее честь, посчитав, что месть за отвергнутую любовь с ее стороны будет далеко не «мужским» поступком.

Может быть, впервые Маришка беспристрастно взглянула на себя в зеркало и с ужасом обнаружила, что ее

внешность оставляет желать лучшего. Длинная и нескладная, как каланча, с выпирающими во все стороны коленками, локтями и ключицами, а лицо... Будто вырублено топором из цельного куска гранита — мастер даже не потрудился отшлифовать его черты, так и оставив свою работу незаконченной... Маришке пришлось признать, что ее квадратно-треугольная «заготовка» могла бы отпугнуть и не такого разборчивого субъекта, как Стас. А это значит, что безответная любовь станет ее спутницей на всю оставшуюся жизнь.

У Маришки возникла потребность рассказать кому-нибудь о своем прискорбном открытии, но с кем она могла поделиться? Подруг ввиду отсутствия общих интересов у нее никогда не было, друзьям детства ее сантименты будут просто непонятны. Не родителей же посвящать в свои переживания? После некоторых колебаний Маришка остановила выбор на Вальке — ее сосед по школьной парте был такой же белой вороной, как и она сама.

Уж кому нужно было родиться девчонкой, так это именно Вальке. Чистюля и аккуратист, он даже после потасовок выглядел как сошедший с витрины манекен. Утонченный Валькин профиль и длинные, как у Барби, ресницы были предметом зависти всех девиц их девятого класса. К тому же Валька не признавал насилия и сквернословия, за что мальчишки прозвали его «кисейной барышней», а девчонки, считая слабаком, отказывались с ним дружить. Валька жестоко страдал, и ему как никому другому стали понятны душевные метания Маришки.

Моральная поддержка «товарища по несчастью» вернула Маришку к жизни. Валька оказался верным другом и надежным хранителем Маришкиных тайн. Он не высмеивал ее недостатки и восхищался ее дерзкими выходками и даже находил ее внешность вполне привлекательной. Маришка понимала, что приятель ей льстит, тем не менее, слышать его комплименты было чертовски приятно.

Родственные души неудержимо потянуло друг к другу как две разноименно заряженные частицы. Вскоре они стали неразлучны подобно сиаемским близнецам, а их неожиданный роман приковал к себе внимание не только сверстников, но и выдавших виды учителей. Но, через некоторое время возникший был интерес иссяк сам по себе: в отношениях «странной парочки» не было ничего примечательного — так, братская дружба без малейшего намека на любовь.

С головой погруженная в учебу, Маришка как-то не заметила происходящих вокруг нее метаморфоз. Новые веяния в обществе отнесли на задний план образ слабонервной красотки, и ее место заняла воинственная амазонка, способная составить конкуренцию любому представителю сильного пола. Рейтинг Маришки резко пошел в гору, что проявилось в обвале любовных записок с заманчивыми предложениями. Но Маришка, с некоторых пор переставшая доверять ближнему, держала дыхателей на безопасном для себя расстоянии. А

когда на выпускном вечере отличник Стас попытался ее поцеловать, Маришка, расценив его порыв как издевательство, отработанным ударом отправила поклонника в нокаут.

Маришку по праву можно было назвать человеком самостоятельным, поскольку задолго до окончания школы она расписала свое будущее на ближайшие десять лет — отличный аттестат, институт, престижная работа. Но с появлением в ее жизни Вальки, которому явно не доставало бойцовских качеств, она взяла на себя еще одно обязательство: вывести в люди и его. В силу своего покладистого характера Валька не сопротивлялся, позволяя подруге быть ведущим в их отношениях.

Их стойкая привязанность друг к другу не осталось незамеченной и в стенах института, куда Валька поступил с божьей и Маришкиной помощью. Мужская половина сразу же окрестила Вальку подкаблучником, а женская ломала голову, чем таким особенным Маришка смогла его приворожить. Напряженная студенческая жизнь оставляла мало времени для взаимного общения, к тому же Маришка в силу своей активной натуры умудрялась тянуть целый воз общественных нагрузок, писать за Вальку курсовые, быть командиром стройотряда и старостой группы и сдавать сессии только на «отлично». При этом она проявляла полную безграмотность в вопросах быта, скверно готовила и за неделю успевала спустить всю стипендию. Вальке пришлось взять на себя роль поильца и кормильца, а также распорядителя ее финансов — кто-то же должен был стать ее ангелом-хранителем!

Не проявляя особого рвения к учебе, Валька все-таки дотянул до диплома, Маришку же, как перспективного специалиста, давно рвали на части разного рода «покупатели». Без пяти минут инженер, она уже начала строить планы на следующую пятилетку, как вдруг с удивлением обнаружила, что Валька в ее долгосрочных прогнозах отсутствует. Конечно, она находила себя не совсем подходящей парой для терпеливого и преданного Вальки, но не бросать же из-за такой мелочи верного оруженосца на произвол судьбы? Что ему светит в будущем? Место клерка в какой-нибудь заурядной конторе, сварливая жена, куча сопливых ребятишек и кружка пива по выходным...

Со свойственной ей решимостью и тоном, не терпящим возражения, Маришка предложила Вальке руку и сердце. Валька молчал. Он не считал себя достойным спутником жизни для умницы-подруги. Но ведь она совершенно не приспособлена к жизни, не знает, сколько стоит упаковка макарон или пачка сигарет и до сих пор не научилась отличать фирменную вещь от дешевой китайской подделки... Кто будет ликвидировать бардак в ее квартире, кто, в конце концов, будет нянчить ее детей?!

И Валька, может быть, впервые за время их дружбы принял самостоятельное решение. Заглянув в наполненные ожиданием глаза Маришки, он взволнованно ответил: «Пусть будет по-твоему, любимая».

Владимир ВОРОНИН

СЕЛЕНИТ

Селенит — полупрозрачная волокнистая разновидность гипса ($\text{CaSO}_4 \times 2\text{H}_2\text{O}$), отливающая красивым шелковистым блеском в светло-розовых тонах и желтым цветом различной степени насыщенности. По старинной традиции этот достаточно распространенный камень связывают с Луной (Селеной). Жители Востока в Средние века называли его «афрусалинус» (слюна Луны). Арабы считали, что это плевки Луны, которые падают на землю в новолуние и постепенно окаменевают. Некоторые современные, не слишком компетентные авторы даже отождествляют селенит с лунным камнем, к которому он не имеет никакого отношения (лунный камень — это ирризирующая разновидность полевого шпата, имеющая голубое свечение).

На протяжении многих лет люди использовали селенит, изготавливая из него амулеты, украшения, статуи и предметы домашней утвари. Их считали символами удачи и достатка. Селенит также сопровождал умерших в загробное царство. Но неустойчивость гипса, его недолговечность — причина того, что археологи редко встречают хорошо сохранившиеся изделия в старых захоронениях.

Уже начиная со Средних веков селенит обтачивали в форме кабашона. Это форма считалась лекарством и средством от близорукости. Способность гипсового порошка каменеть от воздействия воды породило большое количество рецептов в литотерапии. Старинные медицинские книги упоминают о том, что «камень утробу кровавую вяжет и пот лишний уймет», останавливает кровотечение из носа и т.д.

В средневековой тибетской медицине считалось, что гипс лечит «жар костей». В Закавказье в XV в. утверждали, что минерал можно использовать при лечении внутренних органов, при выведении камней из мочевого пузыря; он хранит от простуды.

«Селенит» — тот редчайший случай, когда прежде было слово. Так звали в древности некий мифический, порождённый прихотливым вымыслом камень. Красота его пропорциональна безобразному облику породивших его безобразных сил. Камень давался отчаянным людям.

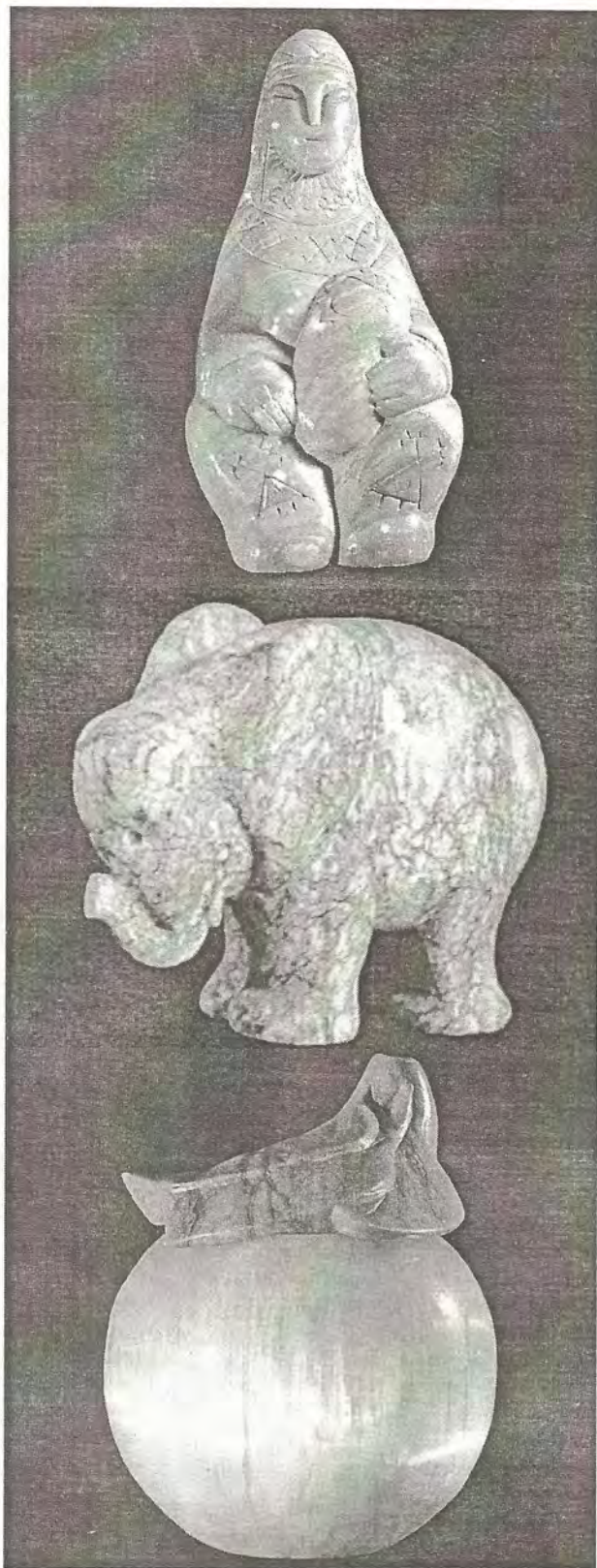
Но, к сожалению, предания угасли. Диковинный, страшный мир камня стал достоянием сказки.

А слово живёт! Как и камень в руках доброго мастера, оно обретает новые краски, новые значения в руках истории.

Именно на Урале родилось искусство художественной обработки волокнистого гипса, кстати, до сих пор не имеющее аналогов в мире.

Селенит является символом здоровья и долголетия, надежды и богатства. Усиливает у владельца эмоциональность, любовь к своему дому, придает мечтательность, мягкость, нежность, стимулирует приятные воспоминания.

Селенит придает благоразумие в словах и осторожность

в действиях, дарит видение будущего, позволяет умело обходить расставленные жизненные ловушки и избегать неприятностей. Этот камень укрепляет память, вызывает тягу к перемене мест. Он эффективно лечит апатию, снижает высокую температуру, помогает при воспалениях и инфекциях.

В XVIII веке башкиры использовали гипсовый порошок для присыпки при ранениях.

У тех же башкир до недавнего времени существовало поверье, что крупные обнажения гипса обладают способностью вызывать дождь и гром.

В давние времена селенит — переливающийся золотистый гипс — высоко ценился наравне с нефритом и малахитом. Но уже в 20-40-е годы XX века его начали использовать для изготовления предметов широкого потребления. Из него делали туалетные наборы для умывальников, различного рода копилки, слоников

— «на счастье». Только на Урале ежегодно выпускалось до 400 тысяч слонов, т.к. «для счастья» их непременно должно быть семь штук.

В настоящее время большое количество самых разнообразных изделий из селенита, в том числе и индивидуальные ангорские работы, выполняются уральскими камнерезами, живущими и работающими в г. Кунгур и с. Красный Ясыл Пермской области. Именно в этих краях добывается шелковистый, светящийся изнутри селенит самого лучшего качества.

Возьмите этот камень в руки — и вы сами всё поймёте. Скрытый в селените солнечный зайчик всегда вызывает улыбку. А с какой неохотой, подержав селенитовую вещицу люди возвращают её обратно! И обязательно следует вопрос: «Что это?» Когда же ответишь: «Гипс», то слышится изумлённое эхо...

В оформлении использованы фотографии из книги В.Б. Семенова «Селенит».

Алексей МОЛЧАНОВ

ФЕНОМЕН Гребенщикова

(штрихи
актерской биографии)

Последний выход

25 января 1988 года в день рождения Владимира Высоцкого в ресторане ВТО на Пушкинской площади в Москве (теперь это здание сгорело) собралась актерствующая и пишущая братия. Среди присутствующих оказались двое, пути коих самым трагичным образом столкнулись буквально через два часа после застолья. А пока один из них, заслуженный артист России Юрий Гребенщиков рассказывал собравшимся о том, как приятельствовал с Высоцким, будучи студентом школы-студии МХАТ. (Владимир учился на курс позже Юрия.) Другой, очень известный поэт, вспоминал, как вместе с бардом участвовал в литературных вечерах.

Наконец стали расходиться. Гребенщиков отправился домой пешком. Недалеко от станции метро «Сокол» его сбил автомобиль, который с места происшествия скрылся. Однако одна пожилая москвичка, оказавшаяся неподалеку, сумела запомнить номер. Водитель был установлен. Им оказался тот самый обитатель Парнаса.

Гребенщикова в бессознательном состоянии поместили в госпиталь имени Бурденко. Реаниматологи начали борьбу за его жизнь. Коллеги — московские артисты, а также екатеринбургские друзья детства и юности — собирали деньги на дороге лекарства, чтобы купить их за рубежом, потому как в те годы у нас таких препаратов не было; дежурили у его постели...

Но этого Юрий уже не узнает никогда. Он умрет 14 мая 1988 года, так и не приходя в сознание. Ему было 50 лет. Коллеги и друзья будут помнить Гребенщикова и собираться на его могиле.

Однокурсники, коллеги, друзья

— С Юрой мы познакомились на приемных экзаменах в школу-студию МХАТ во время гастролей прославленного коллектива в Свердловске в 1955 году, — рассказывает народный артист России Альберт Филозов, актер театра «Школа современной пьесы». — Третий тур проходил в помещении учебного театра — бывшем ТЮЗе. Среди зачисленных оказались я и Гребенщиков. Он был очень хорош собой: красивый, рослый, спортивный, глаза с поволокой. Девочки засматривались на него. В столице мы жили только на стипендию. Самый страшный день — воскресенье, потому что не

у кого денег занять. Наше общежитие размещалось в бывших казармах, где во время Первой мировой войны содержали пленных австрийцев. Это были двухэтажные бараки рядом с Рижским вокзалом, с зарешеченными окнами, которые, казалось, вот-вот развалятся от старости. Тем не менее, помимо ребят из школы-студии МХАТ, здесь жило большое количество студентов училищ имени Щукина, имени Щепкина, а также ГИТИСа. И вот мы шли к коменданту — это была женщина, и занимали у нее 25 рублей. На эти деньги можно было купить пачку пельменей, банку печени трески (сейчас деликатес, а тогда — самые дешевые консервы), буханку черного хлеба и бутылку водки. Мы наедались, а следующую неделю опять жили впроголодь. Иногда ходили на Рижский вокзал воровать арбузы.

Позволю себе прервать воспоминания прославленного актера с тем, чтобы процитировать один из документов той поры.

«Директору студии МХАТ Радомысленскому. «Уважаемый Михаил Захарович! Дирекция центрального Дома актера Всероссийского театрального общества приносит вам горячую благодарность за показ этюдов по движению и сценическому фехтованию в исполнении студентов вашей студии 22 апреля 1959 года. Мы просим передать огромную благодарность режиссеру-постановщику А.П. Немировскому, студентам А. Покровской, А. Резникову, Г. Гамлекидзе, В. Невинному, Ю. Гребенщикоу, А. Филозову, А. Лазареву, А. Ромашину, В. Кашпур, Н. Скомороховой и концертмейстеру Ю. Грюнбергу. Директор центрального дома ВТО, народный артист СССР Михаил Жаров». Так что, несмотря на бытовую неустроенность, друзья добивались неплохих результатов в учебе.

Распределили нас обоих в Московский драматический театр имени Станиславского, главным режиссером которого был народный артист СССР Михаил Яншин, а позже Львов-Анохин, — продолжает свой рассказ Альберт Филозов. — С тех пор долгие годы работали вместе. Вскоре в театр при-

шли молодые талантливые режиссеры: Анатолий Васильев, Иосиф Райхельгауз, Борис Морозов. Райхельгауз начал ставить «Взрослую дочь молодого человека» Виктора Славкина. Управление культуры очень хотело выжить этих молодых людей из театра. Но поскольку художественным руководителем их курса был народный артист СССР, лауреат всевозможных премий, коммунист Андрей Алексеевич Попов, подступиться к ним было ох как трудно. Тем не менее, сумели уволить Райхельгауза. Постановку пришлось доверить Васильеву. Вскоре «ушли» и его. Тогда руку помощи протянул Юрий Петрович Любимов. Он пригласил Васильева на Таганку и предложил ему взять с собой 10 актеров. Юра оказался в их числе и какое-то время работал там. Я, не уходя из театра Станиславского, приходил к ним на репетиции. Таким образом, был выпущен спектакль по пьесе Виктора Славкина «Сорсо».

— По-вашему, существует ли феномен Гребенщикова?

— Безусловно. Иногда я просматриваю видеозаписи наших с ним спектаклей. И нахожу фальшь практически у всех — себя-то я вообще видеть не могу. Единственный, у кого этого нет — Юрий. Он был естественный во всем и неодинаковый. Вообще подлинность — это его чисто российское, национальное качество. Если и было лицедейство, то в душе, а не в мимике. Ни у кого из своих партнеров я не ощущал такого чувства правды. С ним можно было пойти в разведку. Он одеяло на себя никогда не тянул. Будучи ярким, выразительным, он, тем не менее, отдавал всего себя, не жалея, партнеру. Вспоминается эпизод из «Взрослой дочери», когда вырубали свет (так было задумано!) и он говорил: «Эх, ребята, собраться бы вот так вот, встретиться, поболтать!» И Юра плакал. Только я это видел. Он делал это не на зрителя (что можно различать в полной темноте!), а потому, что жил без выхода из роли, из состояния. Это очень редкая черта.

Думаю, к моим словам присоединятся наши однокашники, известные актеры московских театров: Вячеслав Невинный, Александр Лазарев, Татьяна Лаврова, Алина Покровская, Владимир Кашпур.

— Переживал ли он по поводу того, что не имел столь бешеной популярности в кино, как они?

— Думаю, что да, хотя и не показывал этого. С другой стороны, как актер он состоялся. Гребенщиков работал с одним из самых лучших театральных режиссеров нашей страны — Васильевым и был от этого счастлив.

Уральское детство

Школьные годы Юрия Гребенщикова прошли в Свердловске. Семья жила на улице Сакко и Ванцетти, 114.

«У нас была хорошая библиотека, — вспоминает младший брат артиста Александр. — Вечерами с Юрой мы садились у натопленной печки, брали в руки любимые книги и запоем читали. Брат учился в мужской гимназии № 65, активно занимался спортом: штангой, гирями. Был, как и отец, заядлым рыбаком».

Отец, Сергей Георгиевич, фронтовик, оказывал на Юру огромное влияние. В доме Гребенщиковых часто бывали его коллеги — геологи. Папа брал Юру с собой в экспедиции, где тот всячески помогал ему. Отец надеялся, что сын пойдет

по его стопам и станет геофизиком. Но... одноклассник, друг и тезка Гребенщикова, Юрий Дерягин, как-то привел его в драматический кружок Дворца пионеров под руководством Леонида Диковского. Так он «заболел» театром. У Юрия был хороший голос. Он прекрасно исполнял в собственном сопровождении на гитаре оперные арии. Поэтому в спектаклях ему стали поручать роли с пением. В начале пятидесятых, в студии Диковского, занимались и Александр Демьяненко, и Леонид Неведомский, которые так же, как и Гребенщиков, впоследствии завоюют всесоюзную славу и признание.

«Представь себе заросшую редкой бороденкой морду, с растрепанными волосами и голодными мутными глазами...» Так уничтожительно Юра нарисовал свой портрет через месяц после начала учебы в студии МХАТ, — вспоминает подруга юности по Дворцу пионеров, тележурналист Нина Ерофеева. — Вообще-то он был красивый мальчик: прямой нос, брови — вразлет, серые глаза с махровыми ресницами, хорошие, плотно посаженные зубы, твердо очерченные губы, но внешностью своей не бравировал. Был сдержанным, немногословным. Что особенно его отличало от других мальчишек — истинно мужская снисходительность и великодушие. Даже улыбка у него была какая-то застенчиво-великодушная. В него влюблялись девочки из Дворца пионеров и одноклассницы, он благоклонно и нежно отвечал на их чувства. Но ценил и просто дружеские, товарищеские отношения. Вспоминая «дворцовскую» пору, которая стала для всех нас самой светлой страницей в жизни, нельзя не сказать о Юрином друге — его тезке Юрии Дерягине. Если бы не он, Юре Гребенщикову, наверно, и в голову бы не пришло прийти в искусство. Не было у него никакой тяги к актерствованию, к участию в самодеятельности. Все решил за него Юрка Дерягин. Это был удивительный человек, наделенный от природы многими дарами. Не учась, он бойко «бацал», как тогда говорили, на фортепиано, лихо «рвал» струны гитары, пел, писал стихи, был чрезвычайно начитанным... Но особый его талант — бесконечная щедрость, широта души и общительность. Вокруг него всегда роились друзья-приятели, которым он отдавал все, что умел и имел. Придя сам в драмколлектив, он испытал потребность поделиться радостью своих новых впечатлений, открытий с дворовыми мальчишками с Пушкинской, 9 и привел больше двух десятков уличных пацанов в белоколонный дворец. И что интересно, всем нашлось занятие — кто не вышел на сцену, стали установщиками декораций, реквизиторами или просто постоянными зрителями наших великолепных спектаклей. С Юрой Гребенщиковым они учились вместе в 65 школе и сблизились в 9-м классе. Юрка Дерягин не мог, конечно, не привести своего нового друга в заветный храм творчества.

Дружба двух Юриев продолжалась всю их жизнь. И мама Ю. Дерягина — добрейшая Лариса Гавриловна — считала Ю. Гребенщикова своим вторым сыном. Приезжая в Москву в командировку, старалась поддержать, подкормить бедного студента. Как же трудно ему тогда жилось! Из письма в Свердловск: «Денег нет. Желудок поет печальную песню, и челюсти соскучились по сильным мышечным движениям желваков. Сосиски с капустой стоят 3 рубля 45 копеек. Ну, куда же это годно?! Лучшее не вспоминать...» Но при этом: «Мастерство» идет хорошо — во всяком случае, Карев (педагог) доволен. Хожу на все спектакли МХАТа. Видел вчера

«Пиквикский клуб». Спектакль колоссальный! Массальский играет здорово! Вообще МХАТ — лучший из театров во всем Союзе. «Три сестры» просто потрясли, да, потрясли меня! Я даже слезки пустил. С «Горячего сердца» чуть живой ушел, чуть-чуть и отпал бы от смеха. Станицын, Яншин, Шевченко, Грибов! Я до сих пор поверить не могу, что учусь в этой студии...»

Приятно было узнавать из писем, как растет наш друг, как трудится его душа.

Ю.С. Гребенщиков

«Я ощущаю его поддержку»

Он станет мужем известной в те годы артистки Ольги Бган, снявшейся в фильмах «Человек родился», «За витриной универмага», «Маленький принц». В их совместной жизни было все: взаимные искренние чувства и ревность, ссоры и примирения. После развода с Гребенщиковым Бган выйдет замуж за сына Константина Симонова Алексея. Юрий уйдет в общежитие, оставив своей бывшей жене двухкомнатную квартиру, которую ему дали в театре. Алексей в ответ на это сделает красивый жест и предложит ему деньги на кооператив. Однако Гребенщиков не возьмет их. Вот что значит широкая русская натура, независимая, гордая и благородная.

Прошло несколько лет. Юрий к тому времени создал новую семью с актрисой Натальей Орловой, у него родился сын. Однажды Гребенщиков спешил в театр на репетицию. Вдруг в метро на одну ступеньку эскалатора рядом с ним встал Алексей Симонов, который к тому времени уже не жил с Бган, и сказал: «Ольга умерла». (В последнее время она много пила, и это существенно сказалось на ее здоровье и личной жизни.) Они вместе пошли ее хоронить.

Интимная жизнь творческих людей всегда вызывала неподдельный интерес. В последнее время по этому поводу

идет такой поток откровений, что просто оторопь берет. В связи с этим хочу процитировать письмо жены Юрия Гребенщикова актрисы Натальи Федоровны Орловой, которое она мне прислала.

«Мне кажется, что все, что хотел сказать Юра людям, он сделал в своих ролях, в кино и особенно в театре. А сообщать о каких-то личных вещах, не знаю... думаю, он не одобрил бы. Он был очень чистым, скромным, совестливым человеком, талантливым от Бога. У него был удивительно красивый певческий голос, но, к сожалению, этот его дар очень редко использовался на театре. Никогда не стремился ни к каким регалиям. Как-то отказался от роли у Бори Морозова в пьесе Солнцева «Поверю и пойду». И Борис, и Товстоногов страдали его: «Отзовем звание!» Но он ответил: «Папа у меня умер, а мама и так любит». И остался при своем. Он многого не сыграл из того, что хотел. Знаю, что он мечтал о Феде Протасове. Но я благодарна А. Васильеву за то, что он дал Юре возможность взлететь. И он так и ушел из жизни на взлете... Три роли в спектаклях «Васса», «Взрослая дочь», «Сорсо» — такие разные, но замечательные. Но он с нами. И, должна вам сказать, я ощущаю его поддержку. Юра любил свою семью, был нежен, но, вместе с тем, строг с сыном. Кириллу 30 лет, он актер, работает в театре у Васильева. И еще у Юры есть внучка — Полина Гребенщикова, ей девятый год».

КГБ он устроил по всем параметрам

Зрители запомнят Юрия по ряду интересных кинокартин с его участием: «Грачи», «Профессия — следователь», «Прошлым летом в Чулимске».

«Сыграть командира Медведева в фильм «Отряд особого назначения» я пригласил именно Гребенщикова, потому что он подходил на эту роль по внешним данным, — делится своими впечатлениями режиссер Свердловской киностудии Георгий Кузнецов.

— Фильм контролировался КГБ, и решающее слово в выборе актеров было за ними. Но это серьезное ведомство Гребенщиков устраивал по всем параметрам. Это был очень толковый, дисциплинированный артист. Некоторые служители Мельпомены начинают предлагать свои варианты трактовки образа только для того, чтобы им досталось побольше экранного времени. Юрий Сергеевич прежде всего стремился понять, что необходимо режиссеру и делал это безукоризненно точно.»

Эпитафия

В некрологе, опубликованном в газете «Советская культура» 17 мая 1988 года, который подписал режиссер с мировым именем Анатолий Васильев, говорится: «Последние десять лет творческой жизни Ю.С. Гребенщикова связаны с группой создателей спектаклей «Первый вариант Вассы Железновой», «Взрослая дочь молодого человека» и «Сорсо», где Юрий Сергеевич сыграл лучшие свои роли. В театре, где работал в последние годы Гребенщиков, все равны перед законами искусства. И, тем не менее, сегодня думается об уникальности этого артиста. Юрия Сергеевича отличали редчайшая профессиональная самоотверженность, ежечасная готовность и способность к творчеству. Может быть, самые ценные в сегодняшнем театре качества».

Невольник пугачевского бунта

230 лет назад, весной и летом 1774 года, в самом разгаре были события пугачевского восстания. Оно охватило тогда многие заводы и села Южного и Среднего Урала. Причины возникновения и поражения «крестьянской войны» под предводительством донского казака Емельяна Пугачева, выступившего под именем императора Петра III, и по истечении двух с лишним столетий остаются для нас уроком.

В этом номере мы печатаем уникальные воспоминания непосредственного участника восстания жителя Билимбаевского завода Д.В. Верхованцева. Их текст был опубликован приложением к книге М.Д. Курмачевой «Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773-1775 гг» (М., 1991), которая вышла небольшим тиражом и едва ли попадет в руки наших читателей.

Нужно сказать, что сведения о самом Верхованцеве, «писчике» Билимбаевского завода, противоречивы. Писатель В.И. Даль утверждал, что воспоминания были записаны от 85-летнего старика; краевед В.А. Волегов говорит о 90-летнем Верхованцеве. Однако из переписи Екатеринбургского уезда за 1812 год и «Ревизской сказки» Билимбаевского завода 1834 года, которые хранятся в Гос. архиве Свердловской области (ГАСО) теперь удалось установить точные даты жизни Дементия Васильевича Верхованцева: 1756-1833. Документы сообщают также, что у него была жена и внучка, но умер он одиноким. Значит, воспоминания свои Верхованцев писал в 75 лет, вполне возможно, что писал сам, так как был грамотным, а скончался он 77-летним.

Владимир Трусов

8-го января 1774 года мы в первый раз услышали о приближении Пугачева. В то время я был горным писчиком и имел в своем распоряжении до 500 человек, которые работали в рудниках. Рассказы о поступках Пугачева, об его ненависти к помещикам и боярам везде возмущали народ против начальников. В команде моей также нашлись отважные: заговорили, зашумели, перестали слушаться и грозили мне смертью, «как скоро будет сюда, — говорили они, — великий государь». Один из них даже бросил меня в рудную яму. Я был принужден бежать от моей команды; заводские приказчики спрятались в лесу, откуда после уехали в город Екатеринбург.

Ночью на 18 января я спрятался в деревне Крылосове у своего шурина. Около полуночи прискакали в деревню разъездные с ружьями и нагайками. Из них один был мой зять из деревни Черемши: он дернул меня нагайкой; я вспрыгнул с постели. Меня взяли, прицепили к стремени и дорогой от Крылосовой до Черемши вели, как преступника.

По утру, 18-го января, приехал на Билимбаевский завод последователь Пугачева, полковник Иван Наумович Белобородов, отставной канонир Кунгурского уезда, Богородского села, знавший истинного Петра III. Мне велели

Емельян Пугачев.
С гравюры XVIII века.

явиться к нему на завод. На квартире у приказчика, Антона Ширколина, я упал пред ним на колени и просил прощения.

— Бог и великий государь прощают тебя, — сказал он. На нем был белый мужицкий тулуп, а за поясом висела сабля. Узнав, что я имел команду в 500 рабочих, он приказал мне на другой день выставить их во фронт и сделать им переключку по горным спискам.

В шайке Белобородова находился тогда товарищем ему Кунгурского уезда татарин Алзафар, ревностный слуга Пугачева. Он первый провозглашал на сборищах: «Питер Педорович! Питер Педорович!» Кто при этом оказывал малейшее сопротивление, того он жестоко наказывал нагайкой. Звание старшин и походных сотников несли на себе Осокинского завода служители, ребята brave, первые последователи Белобородова. Все они были одеты по-казацки, с саблями на поясе. Белобородов приобретал доверие своею трезвостью и кротким нравом и более любил раскольников, что делал и сам Пугачев, будучи злым раскольником.

Ночью я выстроил 500 человек в одну линию против квартиры полковника и ждал рассвета. Белобородов встал рано, ему доложили обо мне, и я тотчас был допущен.

— Что, любезный друг, исполнил ли мой приказ? — спросил он.

— Исполнил, Ваше высокоблагородие!

— Хорошо.

Он встал со стула, надел лисий малахай (шапку) с ушами и вышел к моей команде. Все умолкли. Белобородов осмотрел всю линию и выбрал до трехсот человек для себя; остальных не принял за малолетством и другими недостатками; скомандовал фронт, выдернул свою саблю и обернулся к старшинам и сотникам, которые мгновенно последовали его примеру.

— Поздравляю тебя походным сотником, — сказал он мне, — а вас, ребята, с товарищем!

Я поклонился. Меня тотчас остригли по-казацки и дали мне саблю.

В этот день в народе было большое волнение. Мастеровые и крестьяне в пьяном виде бушевали по улицам. Конторские бумаги и архив вынесли на площадь и сожгли.

Кроме рудных рабочих, многие, кто по воле, кто из страха, пристали к шайке Белобородова. В числе их были и служители. Из них Герасим Стражев состоял при полковнике секретарем; другие исполняли иные должности. Служитель Поркачев поступил также в сотники.

Из Билимбаевского завода мы пошли на Васильевский (Шайтанский), где нас встретили хлебом и солью. Белобородов занял дом заводчика Ширяева. Тут я учил его писать имя: Иван Белобородов, моею рукой водил его руку.

В этом месте произошла первая баталия: из Екатеринбургa пришла команда мастеровых под начальством капитана Ярополцева. Мы разбили ее и взяли 60 пленных, из коих полковник наш двоих повесил, двоим головы отрубил на плахе, четверых плетью застегали, а остальных постригли в казаки. При этой баталии Белобородов удивил нас своим искусством стрелять из пушек.

На другой день сотник Поркачев отряжен был с командою на Утку Демидову, но был разбит одним из офицеров от царицы и попался в плен. Получив о сем известие, Белобородов двинулся на помянутый завод, но возвратился без успеха.

Пользуясь удалением нашего полковника, шайтанцы, подкрепленные екатеринбургскою командою, взбунтовались и сожгли его квартиру. Мы удалились, пошли на Сергинские заводы, ныне принадлежащие господам Губиным, а оттуда на Каслинский завод, направляясь к Оренбургу. На этом заводе приводили жителей к присяге. Потом пошли в Богорядскую слободу, где стоял другой полковник Пугачева, Самсон (фамилии не припомню), также безграмотный. Здесь оба полковника соединились, но нас разбили, и команда разбежалась. Каслинский мужик увез Белобородова на Саткинский завод. Мы уже не являлись к нему после. Тут мы взяли Сатку, сожгли завод и отправили рапорт к Пугачеву

в Берды, под Оренбургом, где стоял самозванец. Тут же мы узнали, что его разбил князь Голицын.

Из Сатки мы поспешили к Пугачеву и нашли его под Магнитною крепостью. Здесь явились к нему три полковника, два уже известные вам, а третий шел из Сибири. Мы издали увидели, как Пугачев с своими наездниками разъезжал по степи за крепостью. Он принял нас за неприятелей, потому что мы шли стройно (он не ходил стройно) и послал узнать о приближающейся силе. Посланные донесли ему, что идут его полковники. Он подъехал к своим палаткам, поднял знамя и ждал дружины: мы преклонили ему свои знамена.

При первом взгляде на мнимого царя я не верил глазам: я видел портреты истинного Петра III и, сравнивая черты того и другого, нашел много несходства. Скоро я узнал в нем обманщика, но оставить его не смел и боялся подать повод к малейшему подозрению.

Пугачев был среднего роста, корпусный, в плечах широк, смугловат, борода окладистая, глаза черные и большие. На нем была парчевая бекеша, род казацкого тюрклина, сапоги красные, шапка сделана из покровов церковных, пограбленных его приверженцами, большею частью раскольниками и яицкими казаками. Голос Пугачева несколько сипловат. Сам он речист и деятелен.

Во время разъезда Пугачева по улице в Магнитной крепости, когда ее взяли, одна женщина выстрелила в него из окна и ранила в правую руку. Ее изрубили. Раненый самозванец не мог сидеть верхом: он ездил в коляске.

Из этой крепости пошли в Троицкую и взяли ее, но скоро оставили, потому что за нами шел от царицы генерал Декалонг. Передовая его колонна настигла нас. Меня окружили солдаты, сбили с коня, но я не оробел, бросился на одного из них, проколол его пикою и на его коне ускорал.

Опасаясь вторичного поражения, Пугачев бежал на Красноуфимск. Здесь остановила нас команда от царицы под начальством капитана Попова. Завязалась жаркая баталия и кончилась ничем. Меня ранили.

Из Красноуфимска взяли влево и пришли в Осу. Город

Екатеринбург. Гравюра Нике по рисунку Леспинаса. 1760-е годы. ГИМ.

Печать Государственной военной коллегии Е.И. Пугачева

Печать Е.И. Пугачева. Август 1774 г. ЦГАДА.

этот был под командой майора Скрипицына. Для охраны от самозванца его укрепили деревянным заплотом; с навесов и с батарей, устроенных внутри крепости, жарили в нас картечью, бросали камень, лили на нас горячую воду, смолу и масло. Пугачев скомандовал своим, и тотчас навезли огромные возы соломы в несколько рядов, спрятались за них, начали стрелять да продвигаться вперед, и наша взяла. Из крепости перестали стрелять; все жители собрались, тихо зазвонили в колокола и отворили ворота. Но еще прежде обезоруженные солдаты, распустив волосы по плечам, уныло шли к нам; тут же сняли с них мундиры, остригли и одели по-казацки. Майор Скрипицын сдался пленным и следовал вместе с поручиком Минеевым, бывшим под его командою, до пристани Рождественского завода господина Демидова; он принял веселый вид, разъезжал и советовался с Пугачевым. Это было в июне.

Пугачев со всею шайкой переправился на другую сторону Камы. Скрипицын с поверенным князей Голицыных, Ключниковым, ночью отправили письмо по Каме в Воткинский завод к исправнику Алымову, уговаривая его вооружиться против Пугачева, потому де, что самозванец сей находится у них почти в руках. Поручик Минеев проведаль заговор, открыл измену: посланных догнали на Каме. На следующий день Пугачев повесил Скрипицына и поверенного. Поручик, доказавший свою верность самозванцу, сделался его любимцем.

Из Рождественской пристани пошли вниз по Каме на Воткинский завод. Здесь нам не сопротивлялись: начальники завода оставили его без защиты. Управляющий скрылся в одной отдаленной избе. Полковник Грязной, поставленный охранять завод, засел в пруд, выставя немного голову. Нашлись люди, которые тотчас указали нам обоих: управителя сожгли в избе, обложив ее соломой, Грязного повесили.

Отсюда ушли мы на Ижевский завод, где встретили нас хлебом и солью. Прошли тихо и смирно.

В это время нас набралось до 5000; Пугачев решился идти на Казань. Пришли и стали на Арском поле. Пугачев

написал манифесты и послал в город. Казанцы издевались над его посланиями. На другой день мы двинулись на Казань. Погода предвещала нам успех: ветер дул прямо на неприятеля. Завязалась резня страшная; густой дым пошел прямо на город, наши били неприятеля с вала; вошли в город, зажгли его. Человек 15 храбрецов уже ворвались было в крепость, но их там заперли. Вокруг крепости все жгли и грабили. Пугачев хотел задушить головнями засевших в ней. Разбили монастырь и игуменью с монахинями вывели на Арское поле. Разбили тюрьму и освободили арестантов; здесь заключены были жена

и сын Пугачева.

В числе добычи вывезли на Арское поле 15 бочек вина: самозванец любил угощать дружину после всякой победы. Настала ночь; развели огни, составились шайки по полкам; началась попойка. Пугачев сам разъезжал по стану. Говор и песни не умолкали до полуночи, но едва затихли, как раздалась тревога. Михельсон, занимавший село Царицыно, напал на пьяных. Кто куда мог, давай Бог ноги! Много тысяч и вся наша артиллерия взята победителем.

На другой день опять сражение: дым пошел в нашу сторону, нас сбили с поля. 5000 человек под начальством Белобородова были отрезаны и взяты в плен, не исключая начальника. Пугачев, разбитый под Казанью, бежал с остальною шайкой вверх по Волге, в Сундырь. Обезоруженных пленников полковник Михельсон стал отпускать по домам и велел находившемуся при нем Гавриле Владимирову, знавшему лично самозванца и некоторых его приверженцев, осматривать отпускаемых пленников. Гаврила Владимиров был служитель Сергинского завода; сначала служил Пугачеву, был с Белобородовым в Саткинском заводе, оттуда ездил с рапортами к Пугачеву, после перешел к Голицыну, а потом к Михельсону. Осмотр делали с тем, не найдут ли между простыми мужиками какого-нибудь из соумышленников Пугачева; Гаврила узнал Белобородова: его схватили с дочерьми, бывшими с ним в походе. После, как слышно было, Белобородов увезен в Москву и там казнен.

Сундырь сожгли и разграбили за то, что жители его погрузили барки в воду, чем и затруднили нашу переправу за Волгу.

От Сундыря направились мы мордовскими и черемисскими деревнями. Жители их более всего жаловались на попов за их поборы, и видя, что Пугачев не щадил их, они сами тирански управлялись с ними: вешали на ворота и иными средствами мстили за себя.

В Курмыше на Суре, близ Алатыря, на одном острове человек 200 бояр со своими людьми и пожитками укрылись от нас, вооружась, впрочем, кто чем мог, на случай опасности. Завидев нас, крепостные люди связали их и выдали

нам: их кололи пиками, а младенцев о землю хлестали.

Алатырь взяли. Оттуда пошли в Саранск. Здесь самозванца встретил архимандрит монастыря Саранской пустыни с крестом. Пугачев ездил в обитель его обедать. После князь Голицын повесил архимандрита.

У этого города в стан Пугачева привезли генерала Цыплакова с женою, двумя дочерьми и малолетним сыном. Их казнили позорно: жену и детей повесили, а Цыплакову отесали бока, и когда он упал, то в рот вколотили кол.

Оттуда прошли чрез Пензу в город Петровск, где встретили нас без боя; но мы, боясь Суворова, пошли в Саратов. Здесь на лугу, у берега Волги, произошла сильная баталия между жителями и гарнизоном. Солдаты преклонились Пугачеву, а предводители их бежали в Царицын. Мы же, преследуемые Суворовым, пошли в Дубовки. На пути явились к Пугачеву донские казаки в числе 500 человек с полным вооружением, снарядами и блестящими пиками. Самозванец принял их с великою честью.

В городе Камышине распустили тюрьму и разбили винный подвал. До 600 бочек пролили; пить не давали. Арестанты черпали пролитое вино ушатами, шляпами, пили нападкой и в пьяном разгуле дебоширили по городу. Но мы не смели долго оставаться тут; пошли на Царицын, дали один выстрел в Московские ворота и, не останавливаясь,

Портрет Е.И. Пугачева неизвестного художника. 1774 г.

пошли на Астрахань. Не дошед до Черноярска, остановились ночевать. Михельсон шел за нами и ночью приблизился версты на три. У нас в это время было до 60 орудий и войска до 60 000 человек. Утром, на заре, сошлись две противные стороны, завязалась жаркая баталия. Вновь присягнувшие самозванцу, донские казаки, оказались изменниками: главные орудия наши они заколотили и изрубили лафеты. Разбитый Пугачев бежал в Черный Яр с 6 человек из своих соумышленников; они все переплыли за Волгу в камыш, между Волгой и Яиком, в Узени. Товарищи его, видя всю превратность судьбы, связали и привезли его, сначала в Яицкую крепость, а потом в город Симбирск, где находились тогда Суворов и Панин. Заковав руки и ноги, самозванца посадили в железную клетку и отослали в Москву.

К этому любопытному рассказу о действиях самозванца очевидец Верхоланцев присоединил несколько слов о самом себе.

Я уже сказывал, что на Билимбаевском заводе полковник Белобородов пожаловал меня в походные сотники: в этом чине служил я до 7-го августа 1774 года, был почти во всех баталиях, сперва с Белобородовым, потом с самим Пугачевым и слыл отважным наездником. При сражении близ Красноуфимска я был ранен; здесь, недалеко от моей родины, я думал было бежать от самозванца, но не мог, боялся Пугача, который велел смотреть за мною и раненого меня возили на телеге. С другой стороны грозила другая беда: окрестности Красноуфимска и Кунгура были заняты солдатами и вооруженными мужиками под начальством капитана Попова. Я слышал, что он не дает потачки нашему брату.

Под Осой я не мог еще быть в баталии и сидел в обозе. Но под Казанью я уже был здоров.

В Саратове пожаловал меня Пугачев в полковники третьего Яицкого полка. Это произошло следующим образом: 7-го августа 1774 года, в день моего ангела, я решился поднести Пугачеву 15 яблок. У палатки его меня остановили, чтоб доложить ему. Я стал на колени и поставил на голову блюдо с яблоками. Когда вышел самозванец, я закричал: «Здравия желаю, ваше императорское величество!» Самозванец спросил, как меня зовут, и велел справиться в шатрах, не обманываю ли я его. Потом возвратился в шатер, и вскоре вынес на том же блюде 15 аршин кармазинного сукна, столько же золотых и нужные знаки для мундира полковничьего, поставил мне на голову и сказал: «Поздравляю тебя полковником третьего Яицкого полка». Я поклонился. На другой день мундир мой был готов, товарищи меня дарили и поздравляли.

По разбитии самозванца под Черным Яром, я в числе многих был взят и отослан на суд в Москву.

В Москве не столь важных соучастников Пугачева казнили и вешали по жребию; а жребии были в виде билетов, надписаны: «казнить, простить», свернуты в трубки и перемешаны.

Мне достался жребий «простить» и несколько нагаечных ударов в спину.

Горный писчик Верхоланцев.

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА

Так иногда бывает — всю зиму мучаешься, ждёшь прихода весны с её удивительными тёплыми солнечными денёчками, а когда обнаруживаешь, что на календаре уже март, вдруг оказывается, что ты к нему абсолютно не готов. И дело тут не в том, что не успел вовремя запастись водонепромокаемой обувью. Нет! На самом деле ты морально не готов к весне. Дикой, безумной, будоражащей сознание своими ручейками на мостовой и громким чириканьем птиц по утру. Душа твоя просто всё ещё не сняла тяжёлые шубы и шапки, и никак не может распахнуться на встречу порывам задорного ветра. Поэтому ты стараешься сделать вид, будто это всего лишь очередная смена времён года, время, когда

нужно переводить часы и всё так же как и раньше бегать на работу. Но ты не прав! Ведь это настоящая весна, полная сюрпризов и приключений, стоит на твоём пороге и буквально-таки требует от тебя решительных действий.

И ты должен действовать! Должен распахнуть свою душу и смотреть на пробуждающийся мир широко открытыми глазами. Иначе ничего не увидишь и пропустишь что-нибудь интересное!

*Маша Раскольниковва,
зам. редактора раздела
«Встречный ветер».*

Андрей ПОДКОРЫТОВ

ТАТАНАЙСКИЙ ДЕБЮТ

Поход сей на Южный Урал из долгожданных мыслей студентов Уральского Лесотехнического института лесохозяйственного факультета реализовался в жизнь ранней весной.

Солнце истопило снег в столице Урала и ее окрестностях. Птицы горланили на всю октаву, и студентов лесников конечно же страшно тянуло в лес и горы, в свою родную стихию.

Ранним утречком состав из трех вагончиков из городка Кыштым с шикарнейшей развалочкой, с пыхтением подходил к городу Карабаш. Черная выжженная долина с мертвыми отвалами неблагоприятно действовали на психику троих лесников-студентов с огромными рюкзаками марки «Ермак».

— Приехали, называется, — недовольно прошипел Андрей. — На красоты глядеть. Где они, твои горы! Где белоснежные шапки!

— Сейчас вылезем, добежим до автовокзала, и оттуда через пять км появятся горы. Будешь ты, Андрюха, любоваться с открытым ртом и уходить не захочешь, — сказал студент по имени Сергей Акула, похлопывая соседа по плечу, широко улыбаясь. — Будем надеяться, что снег сошел. Без лыж мы быстро до кордона долетим.

Поезд просвистел на прощание и выплюнул из своего чрева рыбаков в длинных плащах и троих туристов в резиновых сапогах.

По дороге к автовокзалу ребята пинали медные болванки.

— Медь чего-то бесхозная по дорогам раскидана, — заметил Женька, солнечный студент, рыжий и конопатый с красными щеками.

Так называемый автовокзал в городе Карабаш деревянной постройки старых времен оказался точкой отсчета юных туристов, которых называют чайниками первой волны. Ребята переоделись в легкую форму, взвалили рюкзаки и следом за Сергеем Акулой последовали навстречу Уральским горам с красивым названием «На подставке Луны».

Настроение раннего утра с голубым небом и ярким весенним солнцем в душах романтиков возбуждало песни с веселыми нотками.

— Напой-ка песню нам с тобой веселый ветер, веселый ветер, веселый ветер, — напевал Женька с лучистыми веснушками, заражая всех оптимизмом.

Снег за городом достигал ребятам по щиколотку, но шагалось легко. Первую стоянку сделали на прекрасном месте с великолепным обзором горной цепи у скалы под названием «Пушка». Первые фотки на Пушке с радостными лицами запечатлели последние радостные минуты чайников.

Троица спустилась с первой высоты и по привычному маршруту всех поколений туристов почала по бывшей линии электропередач, которая качала когда-то энергию в южноуральские города Златоуст и Карабаш. С некоторых пор функция ЛЭП превратилась в производную зарастающей дороги.

Снежный покров от столба ЛЭП к столбу вырастал в прямой зависимости прямо пропорционально удалению от автовокзала. Ноги в резиновых сапогах чайников уже проваливались в снег почти по колено. Апрельский наст, отряхнувшись от утренней скованности, разомлел и разрыхлил. Наст перешел точку росы и в этом состоянии его можно было смело назвать кашей.

— Зря лыжи не взяли с собой, — проворчал впервые Андрей. — Все ты,

Акула, уверял нас, в пригород гоняли снег смотреть. Вот теперь мучайся, никаких гор не увидишь, того гляди как бы не свалиться.

— Ничего, ребята, не хнычьте, снега скоро станет меньше — здесь просто болотистая местность, я здесь летом ходил, — весело отвечал Серега. — Через часок сварганим обед, погреемся, наберемся сил, а там до Киалимского кордона рукой подать.

Вышагивать с каждым новым столбом-опорой бывшей ЛЭП становилось проблематичной. Внизу под слоем снега покоилась или журчала талая вода, а бедные сапоги то и дело натывались на срубленный лесниками молодняк. Березовые и осиновые тычки впивались в ноги, создавая дополнительные естественные преграды чайникам. Из уст вначале слышались робкие матерные слова, а при усилении нагрузки русский мат со вкусом давил на уши, особенно при падении в рыхлую кашу лицом вниз с прижатием тяжелого рюкзака сверху.

Пришлось уже часто меняться впередитропящему по мере сил и выносливости. Первый тропил, утопая чуть не до пояса, с трудом перекидывая свободную ногу. При этом ловком процессе важно было сохранить равновесие и не свалиться в мокрый мерзкий снег. Ребята вскоре промокли до трусов, в сапогах булькала ледяная вода и все спасение от простуды представлялось в движении вперед к Златоусту. Когда первый выматывался до пос-

ледних проклятий, он отходил в сторону предлагая «сзацишагающему» вкусить прелести первопроходца, который выдыхал весь воздух из легких, ту же подпоясывал ремень и со сжатыми зубами, злыми глазами прокладывал следы по целине. Последнему приходилось легче всех, но и он падал в кашу, ведь сила тяжести рюкзака иногда смещала точку равновесия. Женька даже вывел формулу частоты падений «впередиползуищих» и «сзаципрыгающих» с ямы на яму. Эта формула стала открытием студентов лесников и скорей всего сослужила добрую службу на их поприще в лесном хозяйстве страны. Час Сереги Акулы длился безгранично долго. Уставшие от первого раунда студенты, от борьбы с самим собой и снежной целиной, от отяжелевших намокших рюкзаков решили-таки встать на бивак, поднабраться силенок.

— Ну и походик выдался, — выдохнул Андрей, сбрасывая рюкзак на голую землю с чахлой прошлогодней травой. Скоро там твой кордон появится, Акула? Завел нас, Сусанин хренов. Мы хоть туда ползем?

— Точно скоро на брюхе поползем по-пластунски, — засмеялся рыжий Женька. — Привяжем рюкзаки к сапогам и ползком до самого Златоуста.

— Ниче, ниче сейчас перекусим горячего и силы появятся, а там и кордон с лесниками, они-то чаем напоят, спать в тепле положат, а мы высвимся и бодренькие до Златоуста все двадцать пять км за день сделаем. Там-то

Фото Е. Корбуа.

уж дорога должна быть. Ладно, нече расслаживаться за дровами топайте, а я разожгу пока.

Наломали сухих сучьев, соорудили небольшой костерчик, приспособили на ветку котелок, и вскоре снег растопился, водичка забулькала, в котелок посыпалось содержимое пакетов, так называемых бич-пакетов или собачьих супчиков. Обед на ярком слепящем от снега солнышке так изнежил чайников, разморил молодые организмы и хотелось расстелить каремат, да и подремать с часок-другой, но, увы, такой как Акула всегда все портит в час блаженства и радости от полнокровной жизни.

Но Андрюха с Женькой развалились на рюкзаках, закрыв от удовольствия и солнечного тепла свои уставшие глаза.

— Вы можете валяться, а я пошел дальше.

Акула накинул груз на широкие мускулистые плечи и хотел было двинуться в путь.

— Погоди ты, Серега. Давай спокойно обсудим наши дела. Че ты гонишь куда-то, — сказал Андрей. — Мы ведь отдыхать выбрались, так?

— Ну так. Что дальше! — сказал Акула.

— Так ведь мы с Жекой отдыхаем сейчас, а вот ты отдыхать не стремишься, все рвешься куда-то. Приляг, полежи и решим дальше, что нам делать.

Серега сбросил рюкзак и сел на него. Взял веточку в рот и задумался.

— Серега, — начал речь Андрей. — Снег нам мешает продвигаться, так. У нас нет лыж, так. Зачем нам напрягаться дальше, когда поход уже не удался. Мы ж по такому снегу все равно не заберемся на вершину, силы только потратим.

— Рано утром по насту заберемся. Сегодня ж снег держал, — сказал спокойно Акула. — Женька, скажи ему, что дальше нужно идти.

— Мне, ребята, без разницы куда поворачивать оглобли, — ответил Жека. — Но с другой стороны, раз мы собирались на Дальний Таганай и Крутлипу, то надо ползти до конца.

— До какого конца, ребята. Межсезонье сейчас. Туристов не встретишь, мне в институте еще говорили, что в это время одни дураки в лес ходят, — громко говорил Андрей. — Я вас старше по возрасту, послушайте меня. Незачем нам продолжать мучиться, не видя перед собой цели. Где здесь логика!? По старым следам вернемся в Карабаш и сегодня может быть уедем в Свердловск. В мае, до сессии, пройдем этот маршрут. Ну, первый блин комом — это же нормально, блин, блин, блин!

— Давай голосовать, — сказал Серега Акула. — Поднимите руку, товарищи чайники, кто за то, чтобы следовать дальше до победного конца, до Златоуста.

Серега и Женька рыжий подняли руки, улыбаясь во весь рот.

— Давай поднимай, старшой ты наш, — сказал Серега, надевая рюкзак.

— Ладно, ваша взяла, — сказал Андрей. — Пойдем принимать мучения.

Быстро свернули бивуак, и все трое тронулись по целине. Серега Акула начал тропить первым.

Солнце уходило за горизонт, наступали сумерки. Ребята молча брели по снежной целине. Расстояние между ними выросло от ста до двухсот метров. Человек бредет по инерции, как ключиком заведенная игрушка, он встает и снова бредет по пояс. Он уже не матерится, он бережет силы и только про себя, сквозь зубы, проклинает кого-то или себя за то, что ввязался в эту дурацкую авантюру. Человек вспоминает теплую ванную комнату, уютное кресло и любимую девушку в объятиях. Он дает себе зарок никогда больше не ходить в турпоходы, никогда не надевать на плечи рюкзак, никогда не связываться с туристами и подобными авантюристами, рассказывающими байки о красоте гор или озер. В минуты отчаяния на пределе физических и психических сил человек вспоминает такое, чего он никогда не вспомнил бы в тихие беззаботные секунды счастья. В минуты отчаяния человек очищается, он вспоминает Бога и в глубине души обращается к высшим силам с просьбой о помощи.

В сапогах чайников громко хлюпала, а под сапогами не менее громко чавкала талая вода. Запахи весны и вечерней прохлады, опустившаяся мигмом на лес темень, и общая усталость вымотавшихся за день перехода ребят, все это вместе заставило их сблизиться в одно целое. Серега Акула крикнул впередиидущим, чтобы те притормозили.

— Ну все, ребята, будем медленно умирать, — неудачно пошутил он. — Лес сами видите какой — сырая осина и березняк, костер не разжечь. На небе остались только звезды, да Луна «как желтое пятно» дорогу нам осветит.

Студенты не отдыхали с того самого привала, когда решали свою судьбу, потому что любая остановка грозила им, промокшим до последней нитки неприятными последствиями. Могло запросто продуть, к вечеру поднялся ветер, березняк вдоль ЛЭП изрядно качало. Лица Женьки и Андрюхи изображали взрослую серьезность! После шутки Акулы желваки Андрюхи активно заиграли, это заметно стало даже при свете звезд. Злость требовала выхода.

— Слушай, Серега, где же твоя дорога на кордон!? — спросил Андрюха. — Так ведь мы точно скопытимся и искать нас никто не станет.

— Не бойсь, — успокаивал Акула. — ЛЭП проходит мимо кордона, но выходит к приюту на Круглице, так что мы не заплутаем. Сейчас пройдемся вперед и станем искать стоянку для ночевки. Я пойду тропить, а вы смотрите по сторонам, может сухарина встретится.

— Че сейчас увидишь! — вскипел Жека. — Глаза хоть выколи, черт бы побрал весь этот поход, чтоб я еще когда с тобой пошел, да не в жизнь, черт побери! Завел куда-то в болото, чертов Сусанин. Давай тропи, а то зубы уже стучать начинают.

Серега Акула пошел первым, Женька рыжий за ним, далее Андрюха, который уже шатался и неизвестно какие силы его поддерживали. Вообще, в отличие от Жеки с

Акулой, он не обладал спортивной формой, поэтому пришлось терпеть и шагать за всеми.

Андрюха хоть и шагал по протоптанному следу, но от бессилия падал и падал. Пурхался в снегу, ругался от души негромко, выползал и снова туда-сюда. На какое-то мгновение его точно осенило, точно сверху пробило током, ему очень важно было скинуть тяжеленный груз с души, освободиться от накипевшего, и он обратил взор к звездному небу, как Андрей Болконский на поле брани. То ли Андрей услышал зов сверху, то ли что-то еще, но какие-то силы остановили его. Он скинул тянувший к земле рюкзак, распрямился, сложил ладони на груди, закрыл глаза и осел в снежную кашу на колени. Из груди вырывались только три слова, искренние, они посылались в глубину звездного неба с надеждой, надеждой на благо.

— Господи, помоги нам! Господи, помоги нам! Господи, помоги нам! Неизвестно сколько времени так сидел Андрей со сложенными ладонями у груди, но из этого состояния его вывел пронзительный голос Жеки.

— Стойте! Стойте! Я кажется увидел. Я сейчас! — кричал он. Он скинул рюкзак и поскакал в лес прямо перпендикулярно ЛЭП.

Андрей встал из снега и почувствовал существенное облегчение как в душе, так и в теле появилась какая-то легкость и бодрость. Он снова набросил груз на плечи и уверенно пошагал к оставленному Жекой рюкзаку, куда из тьмы шел по натоптанному Серега Акула. Они подошли и молча чего-то ждали.

— Есть! Есть! Мы спасены, — из глубины леса доносился голос Жеки. — Сюда! Мы спасены! Здесь дорога! Нормальная дорога. Идите сюда!

Студенты, захватив рюкзак спасенного, поспешили на голос.

Они вышли на лесовозную дорогу, которая под лунной выбегала из тьмы леса, скорей всего из делянки, — по параболе она приближалась к просеке ЛЭП, и дальше уходила опять в темень. Ребята стояли посреди дороги, точно на вершине Джомолунгмы. Силы мгновенно возвратились всем троим чайникам. Они визжали от радости и плясали, кто как мог, затем, схватившись за плечи, обнимались. Эмоции выходили наружу, неконтролируемые никем и ничем, вспыхивая сполохами Северного сияния.

Маленько поостыв, они взялись за голову и снова нацепили рюкзаки.

— Это нам Бог помог, — сказал Андрюха. — Это же чудо. Это чудо.

— Какое там чудо, — проговорил Акула. — Просто у Женки зоркий глаз.

— А как он в темноте через молодняк заметил дорогу! — не унимался Андрей, пытаясь доказывать свою гипотезу.

— Да меня мысль как-то сама собой шибанула, — начал Жека. — Мысль так в голове и стучала, что где-то здесь рядом есть отвороток. Вот я и решил проверить.

Они долго еще спорили, поутихли каждый при своем

мнению и пошагали по гладкой дороге по направлению к Киалимскому кордону.

Дорога привела к самому кордону, но чайники решили не беспокоить аборигенов посреди ночи. Они с последними силами сумели поставить кое-как палатку недалеко от кордона. Разжечь костер не было уже сил и желания. Усталость просто валила с ног, подкашивала как коса созревшие молодые травы. Наспех переодевшись в более-менее сухую одежду, ребята заползли в холодную как ледяная пещера палатку.

На расстеленных карематах застучали чубы, а дрожь колотила всех троих. Не спасали шерстяные носки на ледышках-ногах и синтепоновые спальники. Решили растянуть все три спальника и укрыться одеялами, крепко прижавшись друг к другу.

Чайники обнялись крепко-накрепко, переплелись руками и ногами, сверху набросали спальники-одеяла и тогда только самую малость согрелись, перестав стучать зубами.

Только они начали кемарить в одном телесном комке, как за бортом палатки послышался хруст снега. Кто-то ходил вокруг палатки, осторожно прогибая наст. Ребята замерли, прислушиваясь. Хруст прекратился.

— Рысь наверное, — предположил Серега. — Она так осторожно может по ночам шастать.

— Галлюцинации у нас троих начались, — сказал Жека. — Послышалось, наверное.

— Давай спать, — глухо отозвался Андрей, поддаваясь сну. — На свету посмотрим следы. Чайники кемарили час или два, но за это малое время организмы молодежи сумели восстановиться, да и холод не давал крепко заснуть.

С первыми лучами они выскочили из ледяной пещеры уже бодрыми, хотя и с недовольными лицами. Следов рыси не обнаружилось. Ребята, собравшись, оставили рюкзаки и налегке пошли по насту на вершину Дальний Таганай.

Об этом, — после, потому что другая история пишется по-другому.

Владимир СЕМИБРАТОВ

Гуго под № 273

Известно, что в годы Первой мировой войны Вятская земля стала местом ссылки оказавшихся в русском плену немцев и австрийцев, двое из которых провели некоторое время в доме жительницы с. Зашижемье тогдашнего Котельничского уезда (ныне в Советском районе) А.С. Розадорской.

По словам живущего в г. Санкт-Петербурге ветерана Вооружённых Сил Ю.С. Розадорского, Антонина Серафимовна была женой его деда Н.Н. Розадорского (1875-1948), который как сын священника окончил Нолинское духовное училище, но по стопам отца не пошёл, а стал плотником-краснодеревщиком.

Когда началась война, Николая Николаевича призвали на службу. Ведение хозяйства легло на плечи супруги. В одном доме с нею жили её престарелая мать Александра и дочь Аполлиария, переселившаяся с детьми из с. Васильково после смерти мужа-священника. Другие дети Розадорских — Валентина и Серафим — в это время обучались в учительской семинарии и земском училище, тем не менее и им нужно было постоянно помогать.

Всё это явилось причиной того, что к оставшейся без хозяина семье направили «на постой и оказание помощи» двоих австрийцев. «Отношения между семьей и пленными установились хорошие, взаимно добрые, взаимно уважительные, — сообщает Ю.С. Розадорский в письме автору этих строк. Австрийцы оказались очень спокойными, вели себя прилично, помогали по хозяйству».

И если имя одного из них со временем забылось, то другой — пленный под № 273 Гуго Эдингер — остался памятен Розадорским тем, что много рисовал, причём мастерски изобразил пастелью дом, под крышу которого его привела судьба. Подписав свою работу в правом нижнем углу, автор подарил её хозяевам. От них эта семейная реликвия и перешла со временем к Ю.С. Розадорскому.

По архивным документам Юрию Серафимовичу удалось выяснить, что увековеченный австрийцем дом был построен священником Стефаном Рязанцевым в 1815-1820 гг. В 1828-м хозяином усадьбы стал выпускник Вятской духовной семинарии Николай Копытов, взявший в жёны дочь о. Стефана Татьяну и сменивший пе-

ред вступлением в брак свою фамилию на Розадорский. В 1889 г. Татьяна Стефановна взяла на воспитание своего, оставшегося круглым сиротой, 13-летнего правнука Николая Розадорского, который, как сказано выше, с началом Первой мировой войны был взят в армию, но на фронт не попал. После окончания соответствующих курсов, пишет Ю.С. Розадорский, «начальством использовался на разных ремонтно-хозяйственных работах, а впоследствии направлен по службе на работы в реставрационные Кремлёвские мастерские, где постиг мастерство реставратора, позолотчика, маляра, изготовителя красок и т.д.»

В это время в доме Н.Н. Розадорского и жили австрийские пленные, от которых, помимо рисунка дома, осталась открытка с видом общественного сада в г. Цивильске (Чувашия). Согласно почтовым штемпелям, это адресованное в с. Зашижемье «Господину Гуго Эдингер № 273» и проверенное военной цензурой отправление шло через Кукмор Казанской губернии и вятское село Верхошижемье, где оказалась 27 декабря 1915 г.

Краткий текст на обороте гласит:

«Цивильск. 26.10.1915.

Мой дорогой Гуго!

Вчера я тебе писала, а сегодня шлю теперь сердечный поцелуй. Тебя любящая (имя неразборчиво, возможно, Луиза).

От Г-на Брюллера много приветы».

Стиль письма выдаёт нерусского человека, о котором, к сожалению, ничего не известно.

Ольга ВАКУЛЬСКАЯ

Месяц - меч и Солнце - рана

Посвящается российской армии.

...Пески, наконец, закончились. Но радости не было. Жажда уничтожила всё. Двое — измождённых, грязных и обожжённых — остановились...

Впереди, там, где начиналась настоящая земля, на большом круглом камне сидела девочка с медным тазом и подзывала к себе собаку.

— Иди же, Хаба, пить дам...

Облезлая и худющая дворняжка лежала в тени камня и даже не подняла головы. Мутными глазами она обиженно взирала на свои обессилившие лапы.

— Поднимайся, Хаба, пока опять стрелять не начали...

— Эй, сестрёнка, где здесь поблизости колодец? — спросил один из пришедших.

Это был высокий, худой парень, в кепке с надорванным козырьком и остатках армейского обмундирования. В глаза бросалась его левая ладонь, без большого пальца. Видимо, рука болела, потому что он морщился, поддерживая её.

— Уходите! — выкрикнула девочка заносчиво.

Другой был среднего роста, но более крепок, с выбритой наголо головой. Он подошёл к самому камню и нагнулся к собаке.

— Эту доходягу пора пристрелить, чтоб не мучилась, а ты пристала к ней с водой!

Девочка отшвырнула таз, вскочила с камня, замахала на них руками и громко закричала:

— Вы бандиты, бандиты!

Парни растерялись и отошли назад. Но, так как бритоголовый невольно стал виновником её гнева, он и заговорил с ней снова, но уже примирительно.

— Чего это ты, а? Зачем нас бандитами обзываешь?

— Потому что из песков Артубаха с прошлого лета только бандиты и выходят! Убирайтесь! Если пристрелите Хабу, отец всё равно отыщет вас и кишки выпустит!

Пугливо отскочив за камень, она прикрыла собой собаку и вдруг заплакала. Оба обессиливших парня махнули на неё рукой и поплелись к ближайшему разрушенному дому. В развалинах заметили старый матрац и упали на него. Но жажда никак не отступала. Она безжалостно жгла их тела и стучала в висках горячими молоточками.

— Надо было забрать таз с водой у этой чокнутой маджахедки, а не разговаривать с ней! — выкрикнул Беспалый, когда понял, что не может ни о чём думать, кроме глотка воды.

— Ну, иди и возьми, если можешь обидеть ребёнка, — тихо отозвался Бритый.

Пока шли по пескам, не разговаривали совсем, пытались беречь силы, но и теперь говорить не хотелось...

— Слышь, Бритый, может, колодец поищем? — умоляюще, начал Беспалый, после довольно долгого молчания, — если дома стояли, то и колодец где-то должен быть.

— Иди ищи, если тебе глаз мало, а, как аргумент, пуля нужна. Я полежу здесь...

— Ну, и лежи, пока не сдохнешь... Эта чокнутая не с Луны же упала, где-то и другие люди есть! Надо снова заговорить с ней, тем более, что по-русски она говорит вполне сносно.

— А они почти все по-русски лопочут, только нам, с тех пор, как в плен попали, это не помогает. Яснее ясного же.

За развалинами послышался какой-то непонятный шум. Солдаты вскочили с матраца и укрылись за самой целой стеной дома, достали пистолеты.

Но, вместо преследователей, увидели медленно идущую лошадь, запряжённую в повозку. К одному из колёс зачем-то были привязаны пустые консервные банки, гремящие, как на цирковом представлении. На козлах сидел пожилой мужчина. Когда лошадь остановилась, он позвал:

— Каринэ, ты где?

— Отец, здесь бандиты! Они пришли из песков Артубаха и хотели пристрелить Хабу!

— Где они теперь, дочка?

Он спустился на землю, но от повозки не отошёл. Парни, в которых не хотели признать не только нормальных людей, но и страдающих от плена, издевательств и жажды солдат, вышли из укрытия и вдруг догадались, что приехавший мужчина, — слеп.

— Кто здесь?

— Не бойся, отец, мы не бандиты. Нас двое. Хотели узнать у девочки про колодец. Здесь вода есть? — подошёл Бритый совсем близко, чтобы успокоить слепого.

— Дочка, ты этих испугалась?

— Да... Они, может, и не бандиты, а солдаты, но всё равно...

— Подойдите-ка ко мне, хочу проверить, не встречал ли я вас раньше.

Оба подошли вплотную и он, не спеша, ощупал их с головы до ног.

— Зачем мою Каринэ напугали? Она натерпелась уже от бандитов. Год назад на её глазах мать убили, а меня вот зрения лишили, чтобы их лица не запомнил... Вчера снова приходили... Дом взорвали, скотину, еду, — всё забрали...

— Отец, ты бы помог нам, а потом и мы чем-нибудь поможем, а? — предложил Бритый.

— Чем я помогу? Видишь, нет ничего. Свояк вот коня дал, чтобы вещи забрал, Каринэ и Хабу к ним привёз...

Он вздохнул, сокрушённо и безнадежно. А его веки, прикрывшие ослеплённые глазницы, всё время подёргивались, как от уколов чего-то острого.

— Нам бы воды, отец, хоть немного...

— Что же ты, дочка, напои их!.. Как зовут-то вас?

— Зови меня — Бритый, а напарника — Беспалый. А имена наши ни к чему...

— Ладно... Оружие есть?

— Пистолеты.

— Из рабства сбежали?

— Да... Ранило нас, были без сознания, но бандитам оно и не требовалось. У них и с собственным никак...

Каринэ, осмелев, приблизилась к повозке и попросила:

— Не стреляйте в собаку.

— Да, сдурю я это сказал-то, не собирались мы стрелять!

Обрадованная девчонка сразу побежала к развалинам и моментально исчезла из вида. Парни пошли на звук её голоса и скоро наткнулись на небольшой полуразрушенный сарай. А там среди сломанной посуды, каких-то тряпок и мусора — поблёскивал водой небольшой колодец! Жаль только, что сверху он был почти завален упавшей крышей и камнями от стен. В небольшой просвет с трудом проходило сплюснутое ведёрко. Потянув за верёвку, Беспалый, поднял его. Оно оказалось в дырках от пуль и воды принесло совсем немного. Он поднёс к губам мокрый, прохладный край. Пил жадно. Когда ничего не осталось, посмотрел на девочку и друга по несчастью.

— Простите, что выпил всё, голова не соображает уже от этой треклятой жажды...

Каринэ сбросила ведро обратно в колодец а, немного погодя, стала тянуть вверх. Теперь оно пришло полным. Вода лилась из дырочек кривыми, тонкими струйками. Девочка приблизила лицо и припала губами к самой сильной струе. Но скоро отошла. Тогда и Бритый стал, проливая, пить через край...

Вечер встретил всех в повозке. Красное солнце зависло над горизонтом. И редкие кусты жухлой травы, и куций кустарник, сильно обглоданный со всех сторон козами, вмиг порозовели. Дорога пылила и изматывала своими бесконечными спусками и подъёмами. Жажда снова напомнила о себе солдатам, сидевшим на краю повозки. Их лица помрачнели. Каринэ гладила свою собаку, всё время, поглядывая на Бритого. Он дружелюбно улыбнулся ей, виновато покосившись на дворняжку. Слепой Васген говорил медленно и очень тихо. Грохот банок невольно вынуждал солдат напряжённо вслушиваться. Поняли, что едут в азербайджанский аул, к Байсару — свояку слепого. Дом там совсем маленький и спать, скорее всего, придётся в сарае.

— Слыш, отец, как нам домой-то попасть, а не к бандитам? — поинтересовался Беспалый.

— Пока не знаю. С Байсаром надо потолковать. А бандиты из аула ещё утром ушли. Теперь набросятся на тальшские дома. Потом, может, на какое-то время затаятся в песках Ильясака... Потерпи, сынок, скоро из Баку к границе армейская колонна с провиантом пойдёт, а возвращаться будет по нашим дорогам...

— А в какой стороне граница-то и какая? — уточнил Беспалый.

— Туда, за аул, — махнул рукой Васген, когда вдалеке замаячили домики-мазанки, — с Ираном.

— Ты же не видишь, откуда знаешь, что аул уже рядом? — недоверчиво спросил Бритый.

— Спуски и подъёмы считаю, вот и знаю. Слепому без смекалки никуда...

До дома Байсара ехали уже молча. Красный бок солнца, зависшего над заборами из камней и глины, торопил короткий вечер с его повседневными делами. Старая женщина с натруженными руками, сложенными на груди, ждала у ворот. Каринэ выскочила из повозки и обняла её.

Художник Ольга Барышева.

— Слава Аллаху, ты жива и здорова, моя девочка, — всхлипнула старуха.

— Здравствуйте, — несмело поздоровались с ней солдаты. Она закивала головой, оглядывая их.

— Помоги, Аллах, всем, кто невинно лишён ласки матери и тепла родного очага...

Байсар оказался совсем старым и очень маленького роста, с протезом вместо правой ноги. Пока все молча ели хлеб с козьем молоком, он молился на коврике в углу мазанки, шепча бесконечное Аллах. Старая Фазилия вышла на крыльцо и нежно погладила по впалым бокам Хабу. Потом тяжело вздохнула, сокрушаясь, что к размоchenному в глиняной миске хлебу собака так и не притронулась...

Последние лучи солнца слабо проникали в открытую дверь сарая, когда солдаты и Байсар вошли туда. Кроме козы в загоне и двух куриц, нахохлившихся на насесте, никакой живности не было. У дальней стены, на соломе, лежала старая овечья шкура.

— Давно в наших краях? — спросил хозяин, видя, с какой радостью они упали на солому.

— Четвёртый месяц... Сначала в Чечне, в яме сидели. Потом нас и других пленных везли в грузовиках по Дагестану. А, когда в Азербайджан прибыли, — сначала в пещере жили. Потом по пескам погнали. Продали нас одному иранскому гаду...

— Кто вас по пескам вёл?

— Имён не знаем...

— Писклявый Анвар не был среди них?

— Да, был писклявый мужик, когда в грузовиках ехали. А вы его, откуда знаете?

— Кто его здесь не знает, — вздохнул старик, — много семей в наших краях от банды Анвара пострадало, а с тех пор, как ваши снова стали воевать с чеченами и совсем житья не стало. Мало ему оттуда пленных, так он и здешних в Иран продаёт... Ладно, спите, а завтра потолкуем про дела.

* * *

Заканчивался второй месяц жизни солдат в селенье Бижанкур. И уже дважды сюда являлись бандиты. Увели последнего верблюда у старейшины Наджибека и единственного коня у Байсара. Жители старались спрятать всё, что могли, но бандиты хорошо знали всевозможные тайники в их небольших хозяйствах. Ещё долго после набегов слышались причитания и стенания женщин. Затаившись в байсарских постройках, солдаты каждый раз готовились к смерти, но оба раза, словно сама Пресвятая Богородица заслоняла их.

Как только парней одели в местную одежду, Байсару стало спокойнее. Не желая сидеть без дела, они попросили какую-нибудь работу. И небольшой пристрой к дому, для Васгена и Каринэ, смогли поставить всего за шесть недель. А глина, с которой строили, оказалась благодатной, рука Беспалого перестала гноиться и болеть.

И, наконец, для них наступило утро, которое принесло радостную весть. Наджибек уверял, что бандиты ушли в Иран, а колонна армейских автомашин гудит в серпантине горных дорог уже на подступах к селенью Кункез.

...Каринэ рисовала, восседая на топчане. Во двор вошли Беспалый и Бритый, сняли с головы большие корзины с глиной, за которой ходили, решив подремонтировать сарай, и присели на крыльцо. Скоро Беспалый ушел за водой, а Бритый, через распахнутую дверь, стал наблюдать за девчонкой. Она забавно высунула язык и старательно выводила что-то цветными карандашами. На сероватых листках, из ученической тетради в клетку, было не так много места, но Каринэ это не огорчало. Она, хоть и увлеченно рисовала, а давно заметила на крыльце Бритого.

— Каринэ, покажи, что нарисовала.

Девчонка принесла несколько листков и протянула ему. Рассматривал он долго. А она присела рядом и обхватила руками колени. Рисунки поразили и восхитили! Но, выбрав один (самый непонятный), он сказал:

— Это просто абстракция какая-то! Объясни, что здесь?

— Не обзывай мои рисунки! — вдруг обиженно воскликнула девочка.

Но Бритый упорно ждал пояснений и, молча, держал в руках отобранный листок. Каринэ смягчилась только когда он улыбнулся.

— Ночь перестала быть ночью, а день — днём... Что, разве не видишь в небе месяц? Он чёрный, как меч, потому что помогал бандитам убивать. А солнце ты тоже не узнал? Оно окровавленное, как рана от меча...

— Прости. Я — просто болван. Ведь всё яснее ясного. А ты молодчина и очень талантливая. Хочешь поехать в Россию?

— Что мне там делать?

— Учиться рисовать.

— А я умею.

— Выучись на настоящего художника!

— Мне скоро замуж выходить, а в России отцу для меня жениха не найти.

— Что за глупости, ты ещё ребёнок.

— Я не ребёнок уже! Мне 14!

— За меня выйдешь, если захочешь, не проблема. Но это, когда станешь по-настоящему взрослой и выучишься.

— Ты с отцом поговори, он подтвердит, что мне пора замуж. А художником женщине быть незачем. Детей рожу и научу их рисовать. Сын захочет, — выучится на художника...

Васген как будто слышал их разговор. Потому что, когда Бритый привёл его в сарай и усадил на сено, он сам заговорил о дочери.

— Каринэ никуда не поедет, ты ей голову не забивай. В вашей России нельзя жить! Я-то хоть и армянин, но знаю. Родился недалеко от Абовяна и жил там до армии. Женится на азербайджанке, вот судьба сюда привела. А армян, как иноверцев, бандиты стали в первую очередь истреблять. Видели, что от наших домов осталось... Так вот, когда в Армении жил, знал немало русских. У вас стариков не почитают, родителей не слушаются! Дети начинают пить и курить, когда ещё молоко на губах не обсохло! А женщины, какие? Детей, не хотят воспитывать! И тоже пьют, стыд потеряли... Ты хочешь, чтоб моя дочь такой стала? И мои внуки?

Бритый не знал, что ответить. А Беспалый, поразившись разговору, подсел к ним ближе и сказал.

— Слыш, отец, ты всех дётем-то не обмазывай! Люди все разные... А дочке твоей Бритый нравится, так что прояви понимание. Разве он плохой парень, а?

— Хороший. А дочку всё равно не отдам...

Когда гул моторов армейской автоколонны, уже пороженком возвращавшейся с границы, стал слышен на краю селенья Бижанкур, Беспалый и Бритый зашпешили прощаться. Байсар, Фазилия и Васген обняли их по-родственному и пожелали счастья. Каринэ нигде не было. И Бритый понял, что отец велел ей не высовываться. Когда головная машина показалась на дороге, они вышли на середину и замахали руками. Её водитель, солдат азербайджанской армии, резко затормозив, схватился за оружие. Колонна остановилась и приготовилась к обороне. Только, когда поняли, что двое парней на дороге — безоружны, к ним вышел старший офицер. Но долго не мог понять в чём дело. В конце концов, всё уладилось. Не успели завести моторы, как на дорогу выбежала Каринэ. Заплаканная, она протянула Бритому свой рисунок. Он взял, но от растерянности даже не поблагодарил.

Колонна двинулась. Бритый и Беспалый посмотрели на листок. Там два молодых солдата стояли у большого круглого камня, улыбаясь девочке и собаке. Вдалеке виднелось селенье с колодцем. А сверху листа, одновременно, блистало два светила: серебристый рогатый месяц и золотое весёлое солнце. Но ещё больше поразила надпись снизу, сделанная мелким корявым почерком:

Когда мой любимый урус Бритый и его друг Беспалый вышли из песков Артубаха, на небе исчезли чёрный месяц-меч и кровавое солнце-рана. Вернулись настоящие. Месяц и Солнце!

Примечание: Названия населенных пунктов являются вымышленными.

Денис ЕЛИН

Путеводитель по Ваграну

Передо мной старая карта окрестностей Североуральска, синяя потерянная на сгибах, с бурными разводами. Боевая. На обратной стороне фиолетовый размытый штамп «1955 год». Глядя на нее, понимаешь, как мал человек, и как велика Природа. Все те же изгибы совершает Вагран, неся свои воды к Сосьве, тот же лес стоит на его берегах, а ты уже другой. Еще вчера ты бегал ловить усанов, считая за счастье поймать пескаря, теперь ты думаешь... Впрочем неважно, что ты думаешь теперь. С возрастом, за то же самое количество счастья, мы платим все большую цену.

Жизнь человека проходит рядом с рекой. С ней связано много разных событий, отразить некоторые я бы хотел в данном Путеводителе.

Мы будем подниматься вверх по течению Реки, вспоминая старые образы и придумывая новые... Помните?..

Начнем путешествие...

1. Скотник

Обычно это начало и конец путешествия. Как видно на карте от скотника отходят в разные стороны несколько тропинок. Одна идет вдоль реки, выходя сначала на поля, затем исчезая в пойменном ельнике; другая — «зимник» проходит по бору и болоту, чтобы потом все равно свернуть к Ваграну у Второй Базы; третья — расходясь веером тропок приводит нас на давно заросший покос — Казенное.

Это царство грибов. В середине лета они высыпают по тропинкам в больших количествах. Но каждый вид предпочитает любимые места. Мы отлично знаем, что красноловики лучше искать вдоль канавы, белые растут на кромке леса вдоль покоса, а лисички бывают лишь в нескольких местах, которые мы с отцом из года в год посещаем. Историй, связанных с «тихой охотой» масса. И какой бы неурожайный ни был год, практически всегда мы возвращались со скотника с двумя большими корзинами разных грибов... Ну может чуть поменьше.

2. Река Большой Лих

Такое имя дано реке явно в насмешку, ширина ее три метра, а глубина такова, что практически в любом месте его можно перейти вброд. Наверное название произошло от того, что кто-то терпел здесь большие лишения — «лихо».

Когда идешь со стороны песчано-гравийного карьера путь до Лиха короткий, потому что сил еще много. Обрато, от Второй Базы, дорога кажется бесконечной, от чередования молодых березок и елок рябит в глазах, и за каждым поворотом тропы мерещится заветная речка у которой обычно мы последний раз отдыхаем.

3. Вторая База

Первая серьезная остановка на пути к избе. Здесь можно перекусить и повспоминать.

Годы изменили даже русло Ваграны. Сейчас на месте двойного русла находится огромная курья. «Богатимое место» в плане рыбалки. Зимой здесь всегда сидят деды и ловят окуней. Как то всю зиму мы с Серегой — дружкой из соседнего двора, заядлым рыбаком и балагуром, ходили на Вторую Базу за окунями, чтобы просто посидеть у кострика и попить пахнущий дымом чай. Иногда это была лишь остановка для того, чтобы наловить живцов. Таймешата тоже любят эти места. В этом мы убедились, когда ночевали всем двором на песчаной косе у ярко горящего пня. В середине ночи удары тайменя хвостом об воду заставили забиться чаще сердца пацанят. А совсем недавно мы с Андрюхой за каких-то пятнадцать минут выловили на перекате, чуть ниже куры, двух таймешков по два и полтора килограмма... Ну может чуть поменьше.

4. Река Исток

Когда резко выходишь на Истоковскую скалу из сумрака леса сначала невольно змуришься от внезапно открывшегося простора. Потом различаешь покос, Вагран и Исток, сливающиеся под скалой. Недалеко в лесу находится рыбацкая избушка, которая редко бывает пустой. В Истоке с августа по декабрь ловят мордами окуня, которого в отдельные годы бывает очень много, частоты для морд встречаются по всей речке через каждые пятьдесят метров. Также отсюда, при желании, можно податься на озеро Крылышкино, пострелять утей, половить знаменитого крылышовского караса.

А помнишь своего первого тайменя? Заброс получился явно не самый удачный, блесна упала прямо на скалу и лишь после короткой подтяжки плюхнулась в воду. То, что происходило потом, ты уже не забудешь никогда. После короткой, но очень эмоциональной борьбы твой противник лежит на берегу, переливаясь в бесильной злобе всеми цветами радуги. И не важно, что последующие два дня не было больше ни одной поклевки. Ты без усталости кидал спиннинг, обловив более сотни омутов... Ну может чуть поменьше.

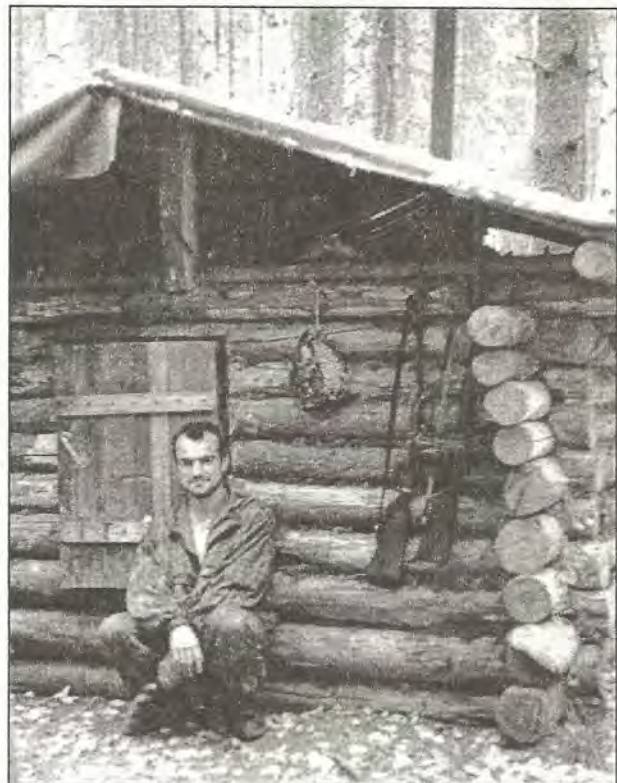
5. Брод

Выше брода тропа идет только по правому берегу Ваграны. Это место, откуда мы начинаем «лучить». Хожение с острогой по ночной речке, когда единственным светом на много километров вокруг является свет твоего аккумулятора, очень романтично. Редко когда такая рыбалка бывает добычливой, но не этим она притягивает. Просто ночью все воспринимается несколько по-другому, не так как днем. Будь то сонный налим, нехотя отплывающий от света фонаря или осторожный хариус, прячущийся в бликах, на грани света и тьмы, и стремительно уплывающий при попытке подойти ближе, или просто жук-плавунец, спешащий куда-то по своим делам. На галечном острове хорошо запалить небольшой костерок и дожидаться прихода сумерек. Пролетит, хоркая вальдшнеп, кулик-перевозчик тоненько кричит, курсируя с одного берега на другой, а тебе кажется, что вот свершится чудо, и на галечник у воды выйдет красавец глухарь. Килограммов на пять... Ну может чуть поменьше.

6. Воронцовская курья

Еще одно памятное место. Красивое, рыбное и грибное. Всегда можно насобирать здесь коричневых ядреных маслят и крепеньких подосиновиков по пути к избе. Однажды я собирал грибы ночью острогой, мимоходом светя фонарем и нанизывая шляпки на зубья. С Серегой мы ловили сеткой воронцовских окуней, среди которых почему-то много оказывалось «ментов» — очень светлых окуней без полосок, щурят и даже ондатр, которые, правда, очень портили снасти.

Но, почему-то, в памяти стоит мой первый визит на Воронцовскую курью. Это было еще до постройки избы, и ночевали мы прямо на берегу. Комарье пищит и лезет во все щелочки, несмотря на то, что ты лежишь практически в самом дыму. Багульниковый дурман к вечеру наползает из соседнего болота тяжелыми липкими волнами. От этой смеси багульника и дыма голову срывает, вся ночь проходит в полусонном состоянии и лишь под утро, с приходом прохлады удается немного заснуть. Окуни, которые попались за ночь, кажутся восьмилетнему паренку огромными, но верхом совершенства является золотой карась, запутавшийся в сеть у самого берега. Долгий путь домой, июльская гроза, малюсенькая избушка с гнездом ос, в которой пережидали эту грозу два человека, отец и сын — в моем сердце до сих пор сохранился детский восторг от огромного, только начавшего открывать свои тайны, мира.

7. Плес

Действительно, когда говоришь «плес», сразу ясно, о каком идет речь. Он один такой на весь Вагран. С одного берега к нему подходит старый покос с зарослями зверобоя, по другому берегу идет тропа. Глубина плеса около полутора-двух метров, что для Ваграна немало. Еще одно «верное» место, где встреча с тайменем вероятна и зимой и летом. Не так давно видел я на этом плесе и знаменитую сосьвинскую селедку — тугуна.

Зимой с Серегой обставляем весь плес цепочкой жерлиц. Утром они напоминают египетские пирамидки, так мы укрываем лунки от мороза. Обычно наши старания увенчиваются успехом, таймешонок или налиим висят на крючке колбасой. Если живцы помяты, а заветной добычи нет, начинаем «балдить» — блеснить то есть. Вода чистая и прозрачная и все, что творится подо льдом видно достаточно хорошо, нужно лишь приглядеться. Таймешонка замечаешь сразу, его спина светлее, чем дно реки, но бросаться на приманку он не торопится. Хвостом вверх вертись у лунки, пытаюсь перехитрить

рыбу, но все тщетно, таймень только играет с искусственным мальком. Ради этого подводного представления не жалко потратить все выходные и протопать полсотни километров... Ну может чуть поменьше.

8. Четвертая скала

Это для всех она четвертая скала, для нас она была и остается Нашей курьей. Это имя собственное и пусть кто-нибудь попробует его оспорить. Вагран в этом месте поворачивает на девяносто градусов и бьет прямо в скалу. Прямо за скалой начинаются брусничные места и тянутся до самого Крылышкиного озера. На полуострове висит котелочек и усталый путник может поправить свои силы чаем из лабазника. Заходящее солнце уже осветило багряными красками скалу, но можно не торопиться, до избы осталось десять минут ходу.

Курья славится своими щуками, Ромка, наверное, до сих пор вспоминает того крокодила, так и не покоренного им. Щучки поменьше часто попадают в сеть и даже зимой на мормышку. Осенью на скале пищат рябчики, бегают бурундуки и белки, зимой в курье и окрестных завалах живет выдра. Из болот в сумерках выходит лось, наутро оставив во мху отпечатки громадных, со сковородку, копыт... Ну может чуть поменьше.

9. Изба

Затерявшаяся в густом хмуром ельнике, таежная изба, построенная моим отцом живет своей жизнью. Незнающий не найдет, я же иду уверенно. Сколько раз добирался я до живительного тепла в осенних промозглых сумерках или зимней ночью, когда единственным светом был свет звезд. Печка разгорается неохотно, потрескивая и чадя дымом, но уже через полчаса раззадоривается, начиная ровно гудеть. Постепенно усталость берет свое, и ты, согревшись от еды и печки, засыпаешь. Просыпаешься от холода и тишины. Печка уже не гудит и лишь в самом дальнем углу ее догорает березовая плаха. А за дверью самая маковка декабрьской ночи, лишь тихо шуршит снег, заухает лешим филин, да в соседней курье перевернется на другой бок и заскрипит кедром-выворотнем болотник. Жуть. Быстро ныряешь к спасительному огоньку свечки и еще долго не можешь уснуть, прислушиваясь к шорохам ночи...

...А сейчас маленького русского спаниэльку назвали Ваграном. «Гр-гран», - словно камешки катятся по перекату, смешно семенит, наступая на уши, щенок. Расти большим, вы скоро встретитесь. Собака и река. Река и человек. Человек и собака. Живое и живое. Расти ...

Красивая сказка, не правда ли? Спасибо моему отцу за эту сказку, которую он придумал для меня в детстве, о том, что Вагран — самое лучшее место на земле. До сих пор я в нее верю, надеюсь, поверили и мои друзья. Пройдет несколько лет, возможно и я создам нечто подобное для своего сына.

Фотографии предоставлены автором.

Маша РАСКОЛЬНИКОВА

Каждую весну, когда вскрываются реки, когда птицы начинают петь громче, и кровь всё быстрее бежит по венам, на Плотинке города Екатеринбурга встречаются те, кто зовёт себя экстремалами. Эти люди существуют в совершенно другом измерении и на мир смотрят другими глазами. Им нужна непонятная нам с вами сила бурлящей воды, чтобы испытать её и себя на прочность.

Они жаждут скорости и эта скорость, кажется, находится внутри них. Смотреть на подобные опыты со стихией страшно до дрожи в коленях. Участвовать — захватывающе. Восхищает и подкупает неискушённого зрителя ещё и то, что в глазах экстремалов бесстрашие. И для меня остаётся загадкой предел их возможностей. Они же, видимо, считают, что предела не существует, иначе не спусти свои байдарки, каяки и катамараны на ещё холодную весеннюю воду.

Плотинка водниками-экстремалами была облюбована случайно, поскольку вот уже восьмой год подряд именно здесь проходит водно-спортивный праздник «Уральский Следопыт. Майский Экстрим». «Майский Экстрим» — это напряжённые спортивные соревнования на каяках, байдарках и катамаранах, состоящие из двух этапов: спринтерский на 400 м, оканчивающийся Малышевским сливом, и городской. На «Майском Экстриме — 2003» гонка на 5 километров получилась слишком экстремальная. Участники работали вёслами так, что обогнали поток воды из только что открытой Плотины. На протяжении трассы лидер менялся 3 — 4 раза.

У меня в ушах до сих пор стоит рёв толпы, которая поддерживала смелых искателей приключений.

В этом, как и в прошлом году планируется в поддержку водников-экстремалов устроить ещё и концерт рокеров-экстремалов (думаю, не нужно пояснять, что любой, стоящий на сцене перед аудиторией порядочно повышает себе уровень адреналина в крови, я уже не говорю о том, что эти люди не просто стоят — они поют!!!).

В 2004 году на рок-фестивале редакция журнала «Уральский Следопыт» планирует выступление не только екатеринбургских команд, но областных и региональных групп. Интересно,

что коллективы, которые поднимутся на сцену, настолько непохожи между собой, что очень сложно назвать фестиваль форматным. Их всех объединяет только одно — все вещи сделаны искренне. Когда слушаешь их, создаётся ощущение, что музыка льётся из самой глубины души. Именно поэтому многие из заявленных рок-групп так популярны в молодёжной среде города. Здесь, на «Майском экстриме», слушатель сможет найти для себя что-то принципиально новое в рок-музыке, даже если ему кажется, что это направление понятно и знакомо.

Может быть, я совсем не экстремал. Но когда у твоих ног плещется вода, по которой с бешеной скоростью, отчаянно соревнуясь между собой, проносятся катамараны, разбрызгивая вокруг разноцветные капли воды, а где-то над тобой возвышаются музыканты, то мир переворачивается с ног на голову, и мне тоже до боли хочется совершить что-нибудь такое непонятное и опасное. Чтобы потом про меня сказали, что я «сорвиголова»! Потому что хоть раз в год, но хочется понять на что ты способен. Или просто снять с глаз повязку и, оглядываясь вокруг, оценить на что же способны другие.

В этом году фестиваль будет проходить 30 мая на Плотинке города Екатеринбурга. В напряжённой гонке каждый год принимает участие всё большее количество команд. Формирование традиционно проходит до 1 мая. Ознакомиться с положением соревнований и подать заявку на участие в «Майском Экстриме» можно, обратившись в редакцию журнала «Уральский Следопыт» (620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67).

Майский Экстрим!

каки бы
мараны на ещё хо-
лодную весеннюю воду.

Ян ВИЛЬЧКОВСКИЙ

Из воспоминаний старого лесничего

В начале 1880-х гг. я окончил Лесной факультет в Пулавах. Вместе со мной это учебное заведение окончил еще 13 человек, в том числе семеро поляков.

Мы почти не имели шансов найти работу по полученной профессии в Польше. Как поляки, мы не могли рассчитывать получить место на государственной службе, а не имевших за плечами практики, нас не особенно охотно принимали в частных владениях. Потому четверо выпускников-поляков, следуя примеру старших собратьев, решили поступить на Лесной факультет Петровско-Разумовской академии в Москве, отсюда нам была открыта дорога к получению места на государственной службе в лесах России. После двух лет пребывания в вышеназванной академии, сдачи экзамена и прохождения практических занятий по землемерному делу, физиологии растений, охране лесов, лесоустройству, выращиванию и употреблению лесов и лесному праву, а также после предоставления дипломной работы, я получил звание кандидата лесных наук.

В этот же год Лесной факультет окончило еще 49 человек, из них 17 поляков, которые, за исключением одного, поступили на государственную службу в Центральной России. Из этих 17-ти только мы трое дожили до того счастливого момента, что могли вернуться в свободную Польшу.

На сегодняшний день из всех 17-ти в живых остался только я. Потому, хотя и не располагаю литературными способностями, я решил для памяти молодых поколений лесничих описать свою жизнь и работу, чтобы они могли хотя бы отчасти представить себе в каких материальных и моральных условиях работали мы на чужбине, не теряя надежды, что наши последователи, быть может, будут иметь возможность работать на этом же поприще на свободной родине.

В те времена неоднократно можно было услышать, что молодежь из числа интеллигенции поступает непатриотично оставляя родину, ища хлеба за границами Польши. Те, кто это говорил, не задумывался над тем, что в это же время на месте уменьшалась конкуренция между ищущими работу, что на чужбине мы имели полную возможность нахождения средств, которые очень часто позволяли помогать оставшейся на родине семье, а также и то, что в большинстве случаев мы получали там признание не только своих личных заслуг, работы и порядочности, но и заслуг всех, остающихся на родине земляков.

Что касается вопроса ассимиляции, то, как правило, это были исключения, о чем не стоит даже и вспоминать, так как этот процесс в России был более медленным, чем,

например, во Франции, Германии, не говоря уже об Америке. Возможность частого посещения страны, возможность постоянного контакта с оставшейся на родине семьей, работа среди людей менее образованных и, в конце концов, постоянная мысль, что хотя бы к концу жизни можно будет вернуться на родину, удерживала от ассимиляции.

Очень жалею, что все мои записи, так же как и другие бумаги скопившиеся за время проведенное за границами родины, я был вынужден оставить, так как вывоз любых бумаг, фотографий, а также книг был эвакуированным запрещен. Потому не могу ручаться за все цифры, которые буду приводить в воспоминаниях, тем более, что некоторые из них относятся к событиям пятидесятилетней давности.

Во всяком случае они будут как можно более приближены к действительности.

Поскольку воспоминания относятся к разным эпохам, местам службы, родам работы, я разделил их на восемь частей.*

Куртамыш

После урегулирования вопроса с военной службой, я подал прошение в Министерство Государственных имуществ с просьбой о принятии меня на службу в качестве помощника лесничего в одну из губерний европейской России. Первоначально мне предложили Тобольскую губернию. Однако, в итоге я вынужден был согласиться на Уфимскую. В Уфимское Правление Государственным имуществом нас было назначено восемь человек, все без исключения поляки. Двоих из них откомандировали в таксаторскую партию. Так как по семейным обстоятельствам я прибыл в Уфу последним, меня назначили в наиболее отдаленное лесничество — Первое Челябинское, находящееся почти в восьмистах верстах от Правления. Само Правление руководило деятельностью 13 лесничеств, во главе которых по большей части стояли лесные кондуктора пенсионного возраста. Они не могли рассчитывать на получение аванса, потому и нам, выпускникам Академии, не приходилось надеяться на быстрое получение лесничества в этом Правлении лесного хозяйства.

Если в иных правлениях мои коллеги уже после одного-полтора лет службы получали повышение и ста-

* - Мы печатаем только пять частей воспоминаний уральского периода.

новились лесничими или таксаторами, то мы, в Уфимском этот шаг в карьере делали только после двух с половиной-трех лет службы, и то, главным образом, попав в Правления лесами других губерний. Я, как последний из прибывших, получил повышение и вовсе после трех с половиной лет.

Как помощники лесничих, в год мы получали по триста рублей жалования, на разъезды 120 рублей, и на жилье 20 рублей, и земельных угодий для личных нужд по 150 десятин. В то время, когда еще не была построена сибирская железная дорога, этой суммы в тех далеких краях абсолютно хватало для жизни. Дешевизна была необычайная. Например, пшеница стоила по 30-40 копеек за пуд, мясо летом — полторы копейки фунт, а замороженное зимой — одна копейка. Разъезды — полторы копейки за коня и версту. За свою квартиру, состоящую из двух комнат с полным содержанием для меня и моей собаки, я платил десять рублей в месяц.

Выполняя обязанности помощников лесничего, мы находились в полной зависимости от лесничего. Исполняя все его поручения, мы в то же время имели возможность ознакомиться с практикой дела, которое нас, как будущих лесничих, ждало. Хотя циркуляры запрещали помощникам лесничих вести канцелярию, однако, если только я не находился в разъездах, то старался познакомиться с канцелярскими обязанностями, так как в будущем эти знания были бы мне необходимы. По всей видимости, запрет циркуляра объяснялся тем, что в некоторых лесничествах лесничие выполняли функции писарей, а не помощников.

Как-то, просматривая давние акты лесничества, я наткнулся на дело озаглавленное: «Картофельный бунт». Оказалось, еще во времена крепостного права, в 1850-х гг., местный лесничий получил семена картофеля для посадки и распространения семян среди местного населения. Не все согласились его сажать, и ослушники были объявлены бунтовщиками. Через тридцать лет картофель сажали уже повсеместно.

Любопытная деталь: до прихода к власти большевиков, лесничих называли «барин», и не только в восточной, но в центральной России. Видимо этот титул был пережитком крепостничества. Были: «земский», «судья», «доктор», «околоточный» и т.д., но титулом «барин», а не «лесничий» именовали только последнего.

Как я уже упоминал выше, Главное Правление командировало меня в Первое Челябинское лесничество, находящееся в восточной части уезда, граничащего с Тобольской губернией и Тургайской областью. Лесничим там был молодой человек на пять-шесть лет старше меня, не слишком требовательный. Он не подавлял мою инициативу. Три года мы прожили в согласии, но в результате недоразумения частного характера я был вынужден просить перевести меня в другое лесничество.

Первое Челябинское лесничество насчитывало около сорока тысяч десятин лесов и десять тысяч степей, рассеянных в окрестностях пятидесяти верст от места проживания лесничего, которое находилось в большом селе

Ян Вильчковский.

Куртамыш* и насчитывало около 3.000 жителей. В лесах было 70 процентов сосны, 25 березы и 5 — осины; ели встречались единичные. Хозяйство в лесах было рубочное с обновлением бочным самосевом.

В охране у нас служило четыре объездчика и 32 человека лесной стражи, этого числа было абсолютно достаточно, так как местные имели собственные лесные наделы и при том в достаточном количестве. Охрана леса на пахотных землях была полностью обеспечена. Естественно, что непосредственный контроль над лесной стражей был возложен на меня. Протоколы за самовольную вырубку леса на сумму до 25 рублей составляли объездчики, а на большую сумму — помощник лесничего или лесничий, но,

* - Ныне - город, центр Куртамышского района Курганской области

повторяю, нарушений было относительно немного. Обьездчики получали по 240 рублей в год и были обязаны иметь коня для разъездов, лесная стража — 90 рублей, но вся стража также была конная, так как леса были сухие, к тому же каждый из них должен был совершать обходы длиной в несколько десятков верст.

Все без исключения обьездчики были грамотными, служащие в лесной страже умели подписать свою фамилию. Лесная стража состояла по преимуществу из бывших военных, а потому и дисциплина здесь была почти военная.

Так как за границами лесничества лес не имел сбыта, а шел единственно для удовлетворения местных нужд, то предназначенные на выруб участки делились на небольшие делянки не больше одной десятины. Чтобы дать возможность как можно эффективнее засадить деревьями сосновые леса, вместо семенников оставляли между деревьями полосы шириной в пять саженей.

На участках деревья свыше двух вершков толщиной измерялись. Участок оценивался согласно таксе, действующей в данной местности (даче), затем они сравнивались с ценами, полученными на прошлогодних торгах, назначалась новая цена, от которой начинали отсчет. Если

на главном аукционе не все участки были распроданы, то тогда, по решению комиссии аукциона, назначались или повторные торги, или лесничий имел право с позволения Правления продавать лес хозяйственным способом, по цене объявленной на торгах или чуть дешевле.

При необходимости, деревья продавались поштучно, в этом случае их пронумеровывали и продавали на участке.

Распоряжения на рубку, раздел на участки, обмер деревьев на участках я вел лично, также производил оценку участка после торгов. Лесничий лишь назначал цену для торгов. Такие работы занимали по два-три месяца.

Чуть позднее измерительные работы всякого рода также выполнял я.

Год за годом прибывали в лесничество переселенцы из губерний Центральной России, по преимуществу из Черниговской. Они получали землю на незанятых пространствах степи. Когда прибывали многочисленные (партии), из правления приезжал землемер для распределения наделов. Поскольку число прибывших в очередной раз не превышало несколько сотен человек, меня командировали для исполнения этой работы. Однажды, еще до начала работ, ко мне явилась делегация с просьбой,

Лесное болото.

чтобы я подождал несколько часов и не начинал работу, так как у одного из них жена ночью родила мальчика, и новорожденному также причитается надел наравне со всеми; через несколько часов крестные должны были вернуться из церкви с метрикой. Естественно, я исполнил их просьбу, тем более, что в ином случае мне пришлось бы приехать через несколько недель, чтобы этому молодцу отмерить дополнительный надел.

Во время сухой весны у лесной стражи было много забот, связанных с охраной леса от пожаров. Местное население жгло сухую траву на пастбищах и лугах, и нужно было наблюдать, чтобы огонь не перекинулся на лес. Так как выжигание травы происходило ранней весной, когда в лесах было еще достаточно влажно, то почти всегда удавалось задержать огонь на границе леса, а если и был ущерб, то незначительный.

Так в постоянных разъездах и охоте проходило лето. Зимой я старался заниматься канцелярской работой.

Как я уже упоминал, я жил в большом селе, где, кроме лесничего, у меня был широкий круг знакомых. Не считая трех попов, там проживали: судья (мировой), три следователя, судебный пристав, юридический советник, околоточный пристав, доктор, ветеринар, аптекарь, акцизный чиновник, несколько интеллигентных купцов, а также три уполномоченных по продаже водки, среди них и представитель знаменитого во всей восточной России, а особенно на Урале, магната Поклевского - Козелл. В его фирме многие из наших земляков, а преимущественно повстанцы 1863 года, получили работу. Хотя все вышеназванное общество состояло из россиян, они были очень симпатичными людьми, сердечными, гостеприимными и ни коим образом не давали мне ощутить, что я среди них чужой, наверное, вследствие того, что они уже с давнего времени имели возможность встречать в большом количестве ссыльных поляков и оценить их.

Естественно, что в таком окружении я более полугода не слышал польского языка, пока один из приезжих поляков, ссыльный 1863 года, проживавший в 150 верстах от меня, не узнал, что здесь находится его земляк. Он посетил меня, чтобы поговорить на родном языке. При этом

В лесах Урала.

оказалось, что он, будучи гимназистом в Гродно, вместе с двумя моими двоюродными братьями, по примеру коллег, в 1863 году пошел в партизаны, откуда он попал к якутам, а мои кузены — в батальоны, штурмовавшие Ташкент. С этим моим соотечественником, невзирая на разницу в возрасте, меня связывали самые дружеские отношения все время моего пребывания в Куртамыше.

Однажды, приехав к нему, я застал у него семь или восемь девушек, говорящих по-польски, а моего земляка

особенно взволнованным. Оказалось, что его гости — униатки и пришли просить его, чтобы он с ними поехал в Екатеринбург, так как там ксендз, бывший настоятель ордена Бернардинцев в Варшаве, может быть согласится их обвенчать. Из их рассказа я узнал, что когда в конце 1870-х годов прошлого века наступило добровольное «воссоединение» униатов с Православной церковью, если в семье были «упорствующие», то таковых высылали в Челябинский уезд, а так как они не захотели принять наделов, то их расселили по деревням поодиночке. После долгих переговоров моему земляку удалось переубедить этих кандидаток в невесты, что их мечты неисполнимы: ксендз, конечно, не согласится, ибо в противном случае будет наказан ссылкой, а их разделят с мужьями и снова расселят, но уже как можно дальше друг от друга.

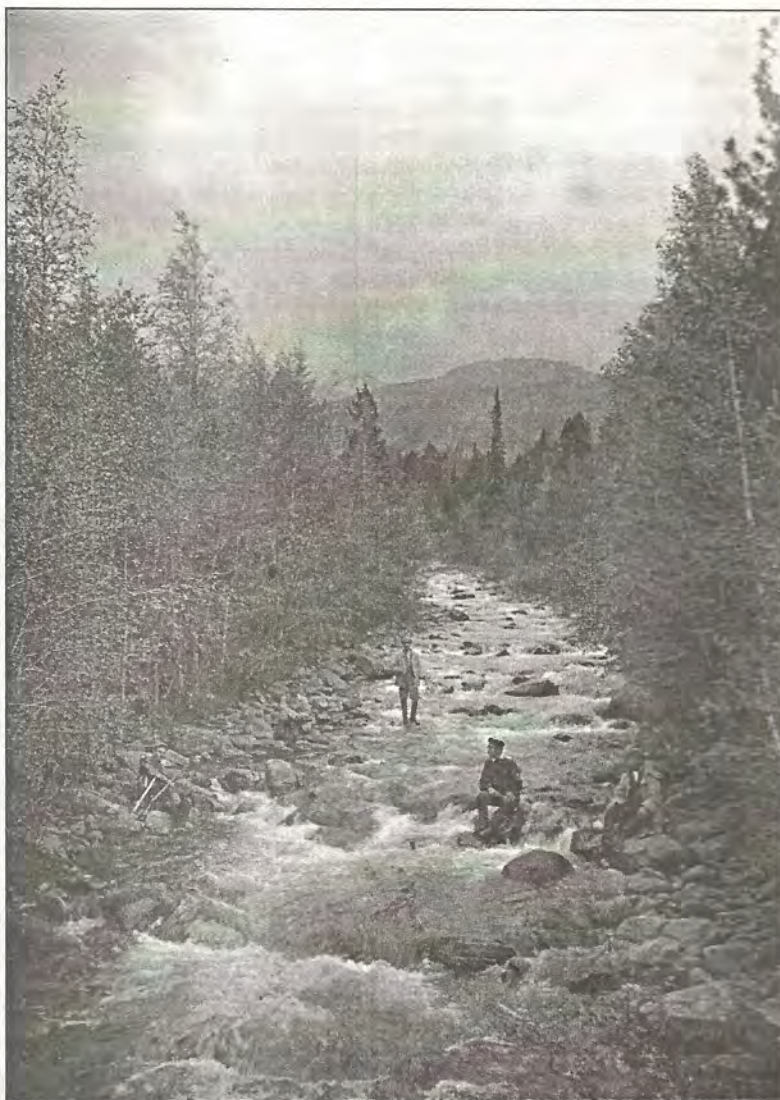
После года моего пребывания в Куртамыше, на службу к Поклевскому прибыл молодой поляк из Ковенской губернии, хоть и не особенно интеллигентный, но я получил возможность говорить по-польски.

Однажды ко мне пришел пожилой человек с длинной седой бородой и сразу поприветствовал меня: «Нех бендзе похваляны!» Я был удивлен и обрадован тем, что встретил родича, пригласил его в дом и узнал, что пришедший — бывший ссыльный повстанец 1863 года. Я спросил его, куда он держит путь, возвращается ли на родину? Он ответил, что наоборот, возвращается в Барнаул, чтобы там дожить остаток жизни.

Когда в 1883 году всем ссыльным полякам было позволено вернуться в Польшу, он хотел продать свое хозяйство: дом с огородом и пять коровок, которые его кормили, но добрые соседи обещали присмотреть за хозяйством, пока он осмотрится на месте, предсказывая, что все равно к ним вернется.

По приезду на родину в Могилевскую губернию, он застал там лишь могилы. Несколько лет работал управляющим имением, но, чувствуя, что теряет зрение, обратился в больницу, там, после нескольких месяцев наблюдений, ему был поставлен диагноз — в ближайшем будущем его ждет слепота. Перспектива, которая перед ним вырисовывалась — небогатая жизнь нищего калеки. Тем временем от соседей он получил письмо, чтобы возвратился, так как дом и коровы его ждут.

До Самары он доехал поездом, там встретил машиниста земляка — поляка, работавшего на участке строящейся транссибирской магистрали Самара-Уфа, и, бла-

Таяжная речка.

годаря ему, а также его коллегам, доехал до Уфы, откуда, уже не имея средств, отправился в путешествие длиной 4 000 верст пешком. О своем пути говорил: «Часто добрые люди подвезут за пару копеек или за доброе слово». Я постарался снабдить его некоторой суммой денег и провиантом и отправить вместе с попутными фурманками до Кургана, находящегося в 160 верстах.

Очень жалею теперь, что не заставил его пообещать, чтобы оповестил меня, как добрался до Барнаула, а ведь ему предстояло преодолеть еще три тысячи верст пути!

О случаях возвращения в Сибирь из Польши мне приходилось слышать довольно часто, даже среди моих знакомых было трое, вернувшихся в места бывшей ссылки.

В 1888 году из департамента я получил предложение

занять должность лесничего первой категории в Восточной Сибири, где во Владивостоке формировалось Правление лесами. Материальные условия были великолепные, для начала предлагалось жалование значительно выше, чем в европейской России, после каждых пяти лет доплата 25 процентов, а после 20 лет — пенсия. На воспитание детей выплачивалась сумма в размере от 120 до 360 рублей в год — в зависимости от учебного заведения. Каждые два года можно было воспользоваться трехмесячным отпуском. Я отказался от этого предложения, но те, кто согласились, были довольны, особенно тогда, когда была построена транссибирская магистраль.

Как я уже упоминал выше, после более чем трехлетнего пребывания в Челябинском лесничестве, из-за недопонимания с лесничим я стал просить о переводе в другое место. Управление перевело меня в Белореченское лесничество Верхнеуральского уезда, где лесничим был поляк на год младше меня по службе.

При отъезде я получил полную сатисфакцию — лесничий просил прощения за свою бестактность, которая спровоцировала мой отъезд. Так как мой переезд был

связан с моим личным решением, то за 500 верст переезда я должен был заплатить из собственного кармана.

Белореченское лесничество занимало пространство около ста тысяч десятин, находилось на перевале уральских гор. Лес — хвойный. Народонаселение — башкиры. Лесничество было новообразованным из лесов, купленных у башкир.

В течение месяца я был помощником лесничего в этом лесничестве и получил повышение — стал таксатором и уже в частном порядке получил известие, что я зачислен в таксаторскую партию, назначенную управлять охраной лесов Белореченских частных фабрик. Перед самым началом работ я получил известие о том, что командирован на работу в Тургайскую область. Мне было приказано выехать в Оренбург.

Публикация Татьяны Мосуновой.

(Продолжение следует).

ПО БЕЛУ СЕТУ

Николай ЗАЙЦЕВ

Кому - яд,

а кому - лакомство!

Знаменитый русский энтомолог Н. А. Холодковский (1858-1921) был не только блестящим исследователем, но и прекрасным поэтом-переводчиком, удостоенным высокой академической премии за лучший перевод на русский язык гётевского «Фауста». Установив, что тля способна питаться ядом цикуты, которым некогда отравили Сократа, Холодковский не мог удержаться от того, чтобы не выразить это удивившее его открытие в стихотворной форме:

Природа тайнами богата.
Что ядовито для Сократа,
То лишь питательно для тли.

Прошло почти сто лет — и поэтическое откровение

Холодковского нашло себе новое подтверждение. Недавно австралийские зоологи ухитрились сфотографировать под водой, как зеленая черепаха пожирает медузу «Хиронекс». Чтобы оценить уникальность этого снимка, напомним: яд этой медузы сильнее яда кобры. Секундное прикосновение ее щупальца к коже человека дает долго незаживающие ожоги, а более длительное — к смерти через несколько минут. Несмотря на 25-летние усилия, микробиологам до сих пор не удалось создать защитную вакцину. А черепаха спокойно пожирает этот сгусток яда со скоростью полкило живой массы в минуту и, похоже, воспринимает эту отраву как лакомство. Вот уж поистине «природа тайнами богата»...

Оксана МИНАЕВА

ПОДАРОК

Своего возраста Анна Баночкина не скрывала ввиду его очевидности. Более того, после рюмочки-другой мятного ликера она, куражась, прибавляла себе год, а иногда и три, что, впрочем, не меняло картины в целом: выглядела Нюся гораздо старше своих лет. Однако, в отличие от ровесниц, она никогда не шла на уступки.

— Что-нибудь оригинальное и неожиданное, — потребовала. Анна в подарок на очередной день рождения, предварительно напомнив супругу, что в прошлом году он очень огорчил, преподнеса фартушек и пару прихваток.

Николай Ильич, супруг Нюсеньки, начал думать о подарке загодя. Сперва он хотел прикупить на блошином рынке старинный, весь в завитках и ангелочках, багет — Нюся была самодельной художницей, ее пейзажи с пыльными лебедями на зеленом пруду загромождали прихожую и спальню, — но предположил, что оформленный в багет пейзаж непременно займет место на стене гостиной, и отказался от этой провокационной затеи.

Предметы одежды в качестве подарка Николай Ильич отверг сразу: в сочетании с Анной наряды почему-то теряли элегантность и красоту. Кулончик или колечко? Нет. И в первую очередь потому, что у Николая Ильича были сомнения, не постигнет ли украшение та же участь, что и одежду, а во-вторых, на драгоценность все равно не хватило бы денег.

За три дня до Нюсенькиного дня рождения, совершенно измучившись, Николай Ильич решил-таки приобрести багет, в надежде, что золоченые ангелочки будут отвлекать внимание от помещенного в раму полотна.

На блошинный рынок он отправился пешком, чтобы по дороге подышать свежим воздухом и выпить бокал пива в летнем кафе. Думая о пиве, он, сокращая путь, свернул в проулок.

«Сувениры» — поблескивала новенькая вывеска над подвальчиком, в котором всего неделю назад Николай Ильич покупал морковь и капусту. К двери бывшего овощного магазина был припилен листок с написанным от руки объявлением: «Артефакты из Шумера и Зимбабве». Если не считать предлогов, то все три слова были оригинальными, и неожиданными, а почерк, казалось, так и норовил сорваться на арабскую вязь.

Николай Ильич переложил из правой руки в левую свернутый в газету пейзаж — он взял полотно с собой, дабы примерить его к багету, — толкнул массивную дверь и переступил порог. У него над головой тревожно звякнул колокольчик, дверь мягко закрылась, и Николая Ильича охватили полумрак и ароматы восточных благовоний (справедливости ради стоит сказать, что сквозь благоухания все еще пробивался запах прелой капусты). Со стен магазинчика отрешенно взирали пустыми глазницами маски африканских божков, полки стеллажей заполняли статуэтки из красного и черного дерева, глиняные сосуды и прочие предметы, в основном, неясного предназначения.

— Добрый день, — из-за стеклянного шкафа с диковинны-

ми раковинами вышел невысокий полноватый человек, одетый в азиатский халат. — Чем могу служить?

— У моей жены... — Николай Ильич запнулся: статуэтка бушмена поменяла позу, нацелив на него копье с медным наконечником.

— Не беспокойтесь, — сказал продавец, — это только свет, — он показал на зажженную между двумя зеркалами свечу. Пламя дрожало, отблески плясали на полированных поверхностях предметов — казалось, что фигурки едва заметно шевелятся. — Это иллюзия, обман. И так, у вашей супруги день рождения, и вы, как я понимаю, желаете присмотреть ей подарок. Какого рода?

— Что-нибудь неожиданное, — сказал Николай Ильич, не спуская глаз с бушмена.

— Позволю себе заметить, что тривиальных вещей у нас нет, — с некоторым высокомерием произнес продавец. — И кроме того, — он смягчил тон, — есть предметы, даже выходящие за рамки представлений обычного человека об оригинальности.

— Какие именно? — Николай Ильич бегло осмотрел полки.

— На всеобщее обозрение я их не выставляю, — проследив за его взглядом, сказал продавец. — Одну минуту... вот, например, книга с рецептами блюд, вызывающих в женщинах страстное желание.

Он выложил на прилавок потрепанный Фолиант, на обложке которого была вышита золотом то ли химера, то ли горгулья. Николай Ильич, узрев в вышивке несомненное сходство с Нюсеей — и пусть виной тому был только свет — энергично замотал головой: «Нет, нет, нет...»

— Тогда амулеты, — продавец высыпал на прилавок горсть сверкающих камней, в оправе и без. — Талисманы, — стекло и янтарь добавились к горке амулетов. — Обереги...

За оберегами последовали серебряные монеты Атлантиды, вышедшие из обращения за две сотни лет до того, как, по словам продавца, «эта дивная страна погрузилась на дно океана»; затем была гравюра «Ландшафты Внутренней Монголии», окаменевший помет дракона, Флакочник с ядом, способным уничтожить птицу Ра, прядка волос Клеопатры, покрытые бурными пятнами жутковатого вида щипцы...

Ничего из того, что предложил продавец, Николаю Ильичу не подошло. «Нужно уходить из этого магазина», — вяло подумал он. Мысль, получив этот слабый толчок, полетела: «...из проулка, из города — неважно куда, лишь бы подальше...»

— Если вы любите путешествовать, могу предложить вот это, — словно отозвавшись на крик души Николая Ильича, сказал продавец и извлек из кармана плоскую коробочку, украшенную витиеватым орнаментом. Открыв коробочку, он с предельной осторожностью вынул из нее причудливо сложенный лист бумаги, желтоватой и ворсистой.

— Билет на ковер-самолет? — пошутил Николай Ильич.

— Это карта, — сказал продавец. — Старинная карта разных городов, стран и даже тех мест, которые из-за своей отда-

ленности еще не внесены в современные географические справочники. Извольте взглянуть, — и он развернул карту.

— Но это же наш Белый Город! — возмущенно воскликнул Николай Ильич. — Вот же, смотрите: одна длинная улица — вдоль Города, две широкие — поперек, ручей, меловые холмы, автозаправка... И вы утверждаете, что карта — старинная?! — уже отчаявшийся без последствий пережить Нюсенкин день рождения, Николай Ильич решил, что выйдет из этой ситуации с минимальными потерями, купив-таки багет.

— Не спешите с выводами. Дело в том, что карта всегда открывается топографическим изображением той местности, где она находится, — пояснил продавец. — Если бы мы были в Риме или, к примеру, на острове Пасхи, то первый разворот карты изображал бы эти, полагаю, можно так выразиться, объекты. Пожалуйста, убедитесь сами, что это действительно оригинальная вещь, — он протянул карту Николаю Ильичу.

Николай Ильич положил упакованный в газету пейзаж на прилавок и взял плотный четырехугольник бумаги. На знакомом с детства городе он заострял внимание не стал, а еще раз развернул карту. Перед ним открылся странный рисунок: острые пики — гор тонули в лиловой дымке облаков, длинные тени стелились по каменистому плато, черная река, пересекая плато по диагонали, впадала в океан...

Океан нехотя, словно преодолев брезгливость, потрогал шипящей волной туфли Николая Ильича, а следующей — мощной, грохочущей — облизал его до середины лодыжек. Крупная птица с перепончатыми крыльями спикировала к берегу, села на валун и, запрокинув голову, протяжно закричала.

— Мерзкая тварь, — прокомментировал продавец, со свойственной невысоким толстякам проворностью отступая от захлебывающихся предвкушением шторма волн, — питается мозгом разумных существ. Прежде, чем этот монстр оценит наши шансы стать едой как вполне реальные, разверните карту еще раз.

Что Николай Ильич поспешно и сделал.

Пахло гарью. Плохо одетые люди, выкрикивая что-то на неизвестном наречии, пробирались по узкой улочке к площади, на которой поlyphал костер.

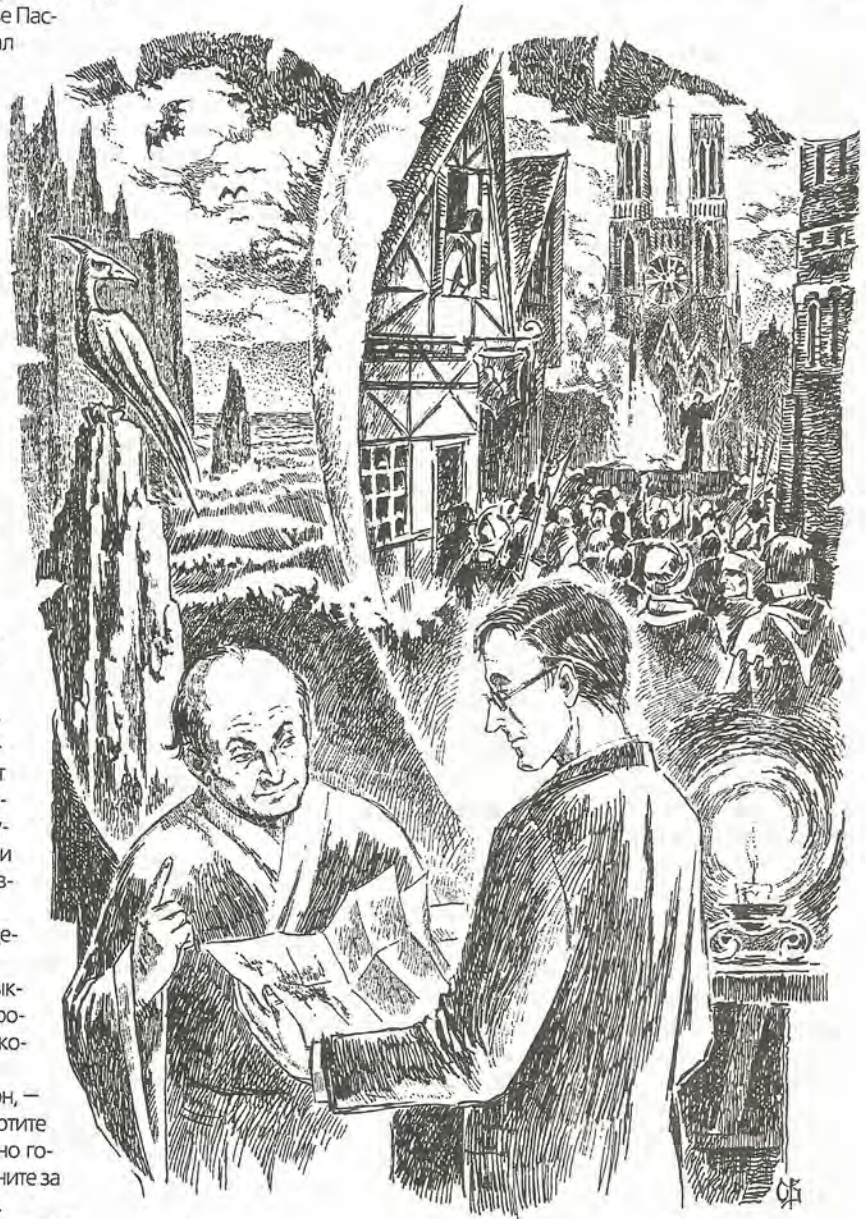
— По-моему, это средневековый Лондон, — втянув носом воздух, сказал продавец. — Хотите посмотреть, как сжигают ведьм? Нет? Честно говоря, я тоже не горю таким желанием, извините за мрачный каламбур. Разворачивайте карту.

...На берегах пронзительно голубого озера темнел густой лес. Расположившись на песча-

ном пляже, загорелые девушки плели венки из огромных белых цветов.

— Это место я очень люблю, — доверительно шепнул продавец. — Киато. Здесь на две сотни женщин приходится один мужчина. У вас не хватит смелости представить себе, какие приятные неожиданности сулит нашим собратьям по полу этот демографический казус.

«Это иллюзия подумал Николай Ильич. Обман зрения, вроде, того, что заставил поверить, будто статуэтка бушмена — живая. Тем временем девушки, не прерывая мелодичного пения, начали наряжать продавца и Николая Ильича в гирлянды из

Художник Оксана Войтюк.

цветов. Тело Николая Ильича немедленно — вот чудо! — отвалилось на прикосновения девичьих пальчиков.

— К сожалению, неожиданности рано или поздно заканчиваются так же, как для самцов «черной вдовы», но вы сможете избежать столь печального финала, в нужный момент развернув карту! — откуда-то из вороха гирлянд выкрикнул продавец.

Напуганный не столько возможным финалом, сколько тактильной правдоподобностью происходящего, Николай Ильич решил не ждать даже старта. Освободив руки, он еще раз развернул карту.

Промозглый ветер ледяной пустыни овеял его разгоряченное лицо.

— Ну, для демонстрации довольно, — очищаясь от белых лепестков, сказал продавец, наклонился к карте и что-то прошептал.

Опять все изменилось. Николай Ильич увидел, что стоит у прилавка в сувенирном магазинчике. Его мысли в эту минуту напоминали пчел, роящихся у летка улья в хаотичном для невнимательного наблюдателя движении, тогда как все действия пчел-мыслей — были строго подчинены поиску нектара — ответа на вопрос: «Где взять денег на покупку карты?»

— Что касается стоимости, — продавец смахнул несколько Крупных снежинок, уже начавших подтаивать на его плешивой макушке, — то карту я готов обменять на пейзаж, — он коснулся завернутого в газету полотна. — Я знаю одного продавца в Северных пределах, который заплатит за этот шедевр золотом... Так вот, карту я готов обменять, но Слово я продам.

— Слово? — переспросил Николай Ильич.

— Без Слова, как вы могли убедиться, карта уведет вас на край света. Безвозвратно. Но если вам надоест путешествовать, достаточно произнести Слово, и вы вернетесь домой, в Белый Город. Ну как, берете?

— Сколько? — Николай Ильич почувствовал, как вдоль позвоночника потянуло холодком: с собой у него было совсем мало денег, а дома их не было вовсе.

Но — еще одно чудо! — продавец назвал точно ту сумму, что лежала у Николая Ильича в портмоне. Отдав продавцу деньги вместе с портмоне, он захихнул коробочку с картой за пазуху и, беспрепятственно шепча на удивление легко запоминающееся Слово, направился домой. Не желая ловить на себе осуждающие взгляды прохожих — брюки еще не высохли от черной океанской воды — Николай Ильич проложил маршрут через проулки и подворотни.

Конечно, он купил карту не для Нюсенки.

Он купил ее для себя.

Заперев дверь на два оборота ключа, Николай Ильич вытащил из кладовки фибровый чемодан, бросил его на тахту и, суетясь, начал складывать вещи.

В средневековом Лондоне он решил не задерживаться (о плато с черной рекой, естественно, вообще не могло быть и речи), а сразу перескочить в Киато, к девушкам и цветам, затем — дальше, дальше, в новые города и страны: на вид карта имела много разворотов.

«Зубную щетку не забыть бы, — командовала сборами та часть Николая Ильича, которая отвечала за своевременную покупку моркови и капусты, — бритву взять, паспорт, смену белья...»

«Ее взбалмошность, — досада его росла, — ее чудовищные пейзажи... А раньше, до живописи? Поэзия — гадкие тупые стихи... Что еще?»

«Йога и уринотерапия, — между делом подсказала практическая часть Николая Ильича. — Грамоту за участие в городских соревнованиях по шашкам надо бы взять — на всякий случай, и какой-нибудь Нюсенкин пейзаж, (пострашнее — где там эти Северные пределы встретятся? вдруг сразу после Киато?) теплую куртку — обязательно...»

Развод с Анною Николай Ильич оформил как раз после того, как едва не умер от пневмонии — в череду Нюсиных увлечений это была эпоха обливаний холодной водой при двадцатиградусном морозе. Но, как регистрация брака не изменила жизнь Николая Ильича, так и расторжение семейных уз не принесло желаемого результата: сославшись на прописку, недомогание и занятость в клубе поклонников концептуального кино, Нюся категорически отказалась выезжать из квартиры бывшего мужа. И уже после развода, состоявшегося почти пятнадцать лет назад, Николай Ильич принимал участие в паломничестве к святым местам, вызывал потусторонние силы, медитировал... И все для чего? Лишь для сохранения хотя бы видимого благополучия он делил с Нюсеей охватывающие ее одержимости — и это единственное, что омрачало его вполне уютную жизнь, в которой были приятная работа, старинный приятель Семеныч, презабавно рассказывающий бородастые анекдоты, еще шашки, рыбалка и — теперь можно признаться и в этом — милая дама в светлом жакете. — Встречая ее в летнем кафе недалеко от дома, Николай Ильич думал, что если бы не Нюся...

— Чего это я? — изумленно спросил себя Николай Ильич, остановившись посередине гостиной. — Чего это я? — повторил он, посмотрев на чемодан.

... В летнем кафе рядом со своим домом Николай Ильич занял крайний столик. К пиву он даже не прикоснулся, не говоря уж о том, чтобы обернуться и поприветствовать даму в светлом жакете — она пила кофе и читала журнал, сидя за соседним столиком. Николай Ильич ждал темноты.

Вскоре в домах, призрачно белых под синим вечерним небом, стали зажигаться окна, но окна квартиры Николая Ильича по-прежнему были темными, хотя Нюся вот уже несколько часов, как вернулась с рынка. Николай Ильич видел, как она, навьюченная пейзажами, вошла в подъезд.

«Так, три минуты, чтобы подняться на второй этаж, еще две, чтобы открыть дверь и зайти в прихожую, пять минут на то, чтобы расставить пейзажи у стены, итого пусть будет двадцать минут, — в который раз просчитывал Николай Ильич, не веря, что задуманное свершилось. — Плюс пять минут, чтобы войти в кухню и найти на столе коробочку с картой... так, что там у нас потом? Ага, записка. Очки! Сначала Нюся наденет очки. Еще десять минут уйдут на чтение и осмысление записки. «Подарок ко дню твоего рождения, разверни, посмотри внимательнее...» Самое большее — час на все.

Милая дама в светлом жакете взялась за спинку стула, стоящего у столика Николая Ильича, и спросила:

— Свободен? — Это Слово — вот чудесное совпадение! — звучало замечательно, когда его произносили вслух.

— Свободен, — внятно сказал Николай Ильич, будто пробуя на вкус это Слово, которого в записке он, естественно, не написал, и, уже не в сипах сдержаться, наверное, пугая милую даму, захохотал, повторяя снова и снова:

— Свободен... Свободен, свободен наконец!

Сергей ГРЖЕБИНСКИЙ

Сергей Александрович Гржебинский, журналист. В «Уральском следопыте» печатались его очерки «Человек, «остановивший» вселенную» (1997), «На краю астроблемы» (1999).

ТУНГУ

Так ненцы называют загадочное существо известное в цивилизованном мире, как «снежный человек». По их рассказам, он появляется в тундре осенью, с приближением полярной ночи, и, примерно, в начале февраля куда-то исчезает. Ни весной, ни летом, его уже в тундре не встретишь.

Слово «тунгу» я впервые услышал в 1978 году, когда волею судеб оказался далеко за полярным кругом, в поселке Гыда, самом северном населенном пункте Тюменской области. В его окрестностях и произошли те таинственные и трагические события, о которых собираюсь рассказать.

Гыда расположена почти у самого устья одноименной реки, впадающей в Карское море. До ближайшего поселка Антипакты отсюда более 500 километров на юг. Ближе ни одного населенного пункта нет. Если, конечно, не считать таковым военную радиолокационную точку или базу, разместившуюся в нескольких километрах от Гыды. Гигантский радар этой точки, поднявшийся над тундрой, считался у охотников и оленеводов отличным ориентиром. Обслуживал его взвод солдат во главе с лейтенантом.

Сообщение Гыды с «материком» в основном осуществлялось по воздуху: зимой с помощью АН — 2, называемого на севере не «кукурузником», а любовно — «Аннушкой» (этот самолетик прилетал, если позволяла погода, пару раз в месяц и садился прямо на речной лед), а летом — вертолетами. Ну и еще в короткий период летней навигации с поселком было водное сообщение — сюда приходили корабли и баржи, доставлявшие грузы, необходимые для зимовки.

Весь жилой фонд Гыды составлял, примерно, около 20 двухквартирных домиков, срубленных из привозного бруса. Плюс двухэтажная школа-интернат, казавшаяся здесь небоскребом. В интернате тогда жили и учились не более ста ненецких ребятешек.

Царь и Бог поселка — рыбкоп. Даже радиолокационная точка не могла обойтись без него. Военные регулярно приезжали сюда за продуктами на своем единственном знаменитом на весь поселок бронетранспортере.

Рыбкоп вел заготовку деликатесной северной рыбы, оленьего мяса и пушнины. Помимо домика, в котором располагалась рыбкоповская контора, ему принадлежали такие объекты, как кораль или загон для оленей, куда оленеводы раз в год, осенью, пригоняли предназначенных на убой животных, многочисленные склады, пирс для причаливания и разгрузки судов, маленький, но очень популярный поселковый магазинчик и, конечно, чисто заполярное сооружение,

так называемый «мерзлотник», то есть огромная рукотворная пещера, прорубленная в вечной мерзлоте, в склоне пологого холма — хранилище для многих тонн рыбы и оленьего мяса. Температура в мерзлотнике в любое время года постоянная — минус 20 градусов.

Короче говоря, рыбкооп контролировал всю экономическую жизнь поселка...

Медицину представляли врач и фельдшер. В их ведении находилась больничка в 10 коек.

Для улады тела существовала общепоселковая баня, а для улады души — клуб, где иногда крутили фильмы и была библиотека.

Свет поселку, правда, с перебоями несла порядком изношенная дизельная электростанция, а тепло на весь год доставлялось летом, в виде угля. Им топились не только котельная, предназначенная для обогрева интерната, но и печи в домиках. Что касается дров, то здесь, в безлесной тундре, они были большим дефицитом и расходовали их крайне экономно — только на растопку, перед тем как засыпать в печь ведро угля. Дрова тоже привозили кораблями в виде нестроеного леса. Эти уродливые бревна пилила и развозила по домам, согласно заказам, специальная рыбкоповская бригада. А те, кто по какой-то причине не успевали своевременно сделать заказ, вынуждены были отправляться по дрова за 6 километров от поселка, туда, где когда-то стояла геологоразведочная экспедиция, искавшая в окрестностях Гыды нефть и газ. После геологов остались дощатые домики и другие постройки из сухого дерева. Теперь все это было брошено на произвол судьбы и являлось для гыданцев «аварийным» дровяным запасом.

В Гыде я работал в интернате воспитателем у девятиклассников. А жил в перекосившемся одноэтажном здании старого интерната, срубленном еще в 30-е годы и теперь выполнявшем роль общежития для временно не обустроенных жителей поселка.

Жизнь на побережье Ледовитого океана имеет свои положительные и отрицательные стороны по сравнению с таежным севером. Например, летом здесь значительно меньше гнуса и комаров, чем в тайге или лесотундре. А зимой морозы если и опускаются ниже 40, то редко и ненадолго. Но вот что касается многодневных диких буранов, когда в воющей, беснующейся круговерти не видно даже собственной вытянутой руки, а при попытке преодолеть десять метров до соседнего домика можно заблудиться и замерзнуть

на смерть, то такими природными явлениями на побережье никого не удивишь.

Однажды, после подобного многодневного бурана ко мне заглянула соседка Люба, молодая ненецкая женщина, мать-одиночка. Спросила, не собираюсь ли я за дровами «в экспедицию». И если собираюсь, то она пойдет со мной, потому что растопка у нее кончилась, комната остывает, и грудной ребенок может простудиться. Она же боится одна в полярную ночь идти к брошенному жилью.

Я взял топор, Люба — детские саночки, и мы пошли. После бурана было очень тихо. Сияла луна, звезды казались особенно яркими и крупными на чистом безоблачном небе, и бесконечные снега от горизонта до горизонта серебрились в луннозвездных лучах.

Всякий раз, когда за холмом исчезают домики поселка, кажется, что очутился в другом мире, где ничего не говорит о присутствии в нем людей. Какие б миллиардов, какое перенаселение! Здесь только ты и первозданная земля, какой она была тысячи и тысячи лет назад. И небо. В тундре его много. Оно не только сверху. Оно спереди и сзади, справа и слева. Куда не повернешь голову — взгляд всегда упирается в небо...

Мы с Любой шли по берегу Гыды и видели, что минувший буран сорвал снег с реки и обнажил толстый зеленоватый лед. С берега он тоже сорвал снег до самой земли.

Обратно возвращались тем же путем. Только я нес на плече толстую пачку досок, а Люба семеняла сзади, везя еще большую пачку на саночках. Доски у нее то и дело сваливались, и ей приходилось останавливаться и их собирать. Мне же идти с грузом по почти бесснежному берегу было рискованно — того и гляди споткнешься о замерзшую кочку и брякнешься. Потому, я чуть спустился к реке и пошел над ней по пологому склону, где сохранился твердый, как асфальт, наст. Но все равно шел осторожно, внимательно глядя под ноги. И вдруг, на верхнем краю наста увидел след огромной босой...ступни! Вроде бы совершенно человеческой. Правда, большой палец несколько отстранен от остальных, да и пятка длинновата. А в остальном обычная человеческая ступня, только очень большая, более полуметра величиной... То, что никто в нашем поселке такими ножками не обладает — сомнения не вызывало, как и то, что кому-то могло придти в голову в 30-градусный мороз прогуляться по тундре босиком. Но, может быть, этот след вовсе не след, а результат причудливой игры воздушных вихрей во время минувшего бурана? Но нет, непохоже. Сразу видно, что след свежий. Кто-то прошел здесь буквально перед нами. Пальцы ступни так сильно упирались в снег, что немного соскользнули назад, соскребя снежную крошку. Надо быть очень тяжелым, чтобы оставить такой четкий отпечаток на твердом зимнем наст. Но почему след только один? Я пошарил глазами по склону и вниз, у самого льда, метрах в восьми от первого следа увидел второй. Теперь уже нога босоногого по самую щиколотку вдавилась в снег. Все ясно. Он прыгнул и приземлился на носок. Но зачем? Вероятнее всего не хотел оставить свои следы вблизи поселка, на таком видном месте. Пытался через него перескочить. Однако неудачно — все же заступил одной ногой на

снежный склон, а другой не дотянулся до оголенного бурanom речного льда...

Я позвал Любу. Она подошла, взглянула и буквально затряслась от страха.

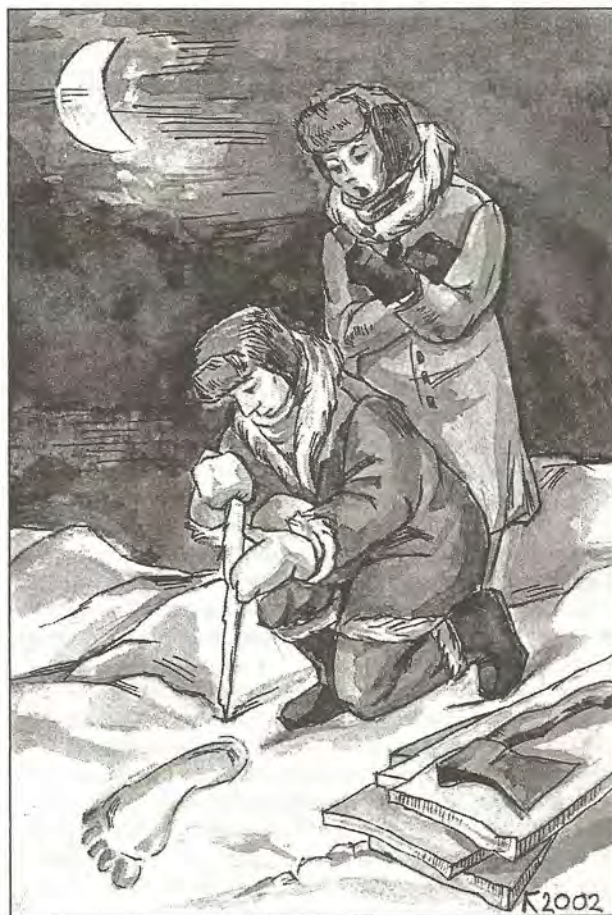
— Скорее пойдем отсюда, — почему-то шепотом сказала она. — Это тунгу...

— А кто это такой «тунгу»? — спросил я.

— Не знаю, не знаю, — нетерпеливо замахала на меня руками Люба. — Оленеводы говорят, что бродит по тундре такой дикий человек...

Я воткнул возле следа длинную щепку, чтобы найти его завтра и показать другим гыданцам, и мы поспешили домой. Остальной путь Люба почти бежала, испуганно оглядываясь по сторонам, и едва не растеряла все свои дрова... Я же рассчитывал, что дома она придет в себя и расскажет все, что слышала об этом таинственном тунгу. Но дома, успокоившись, истопив печку, накормив и убаюкав своего ребенка, она вдруг заявила, что просто разыграла меня, что никакого тунгу на свете не существует, что все это она сама придумала. И тем не менее, было очевидно, что Люба зачем-то хитрит, а там, за поселком, она испытала совершенно неподдельный ужас...

На другой день снова запуржило, и хотя настоящим

бураном назвать это было нельзя, но следы «босоногого» безнадежно занесло. Показывать стало нечего. Разве что палку, торчащую из наметенного сугроба. Тогда я нарисовал на листе ватмана тот первый, замеченный мной, ясно отпечатанный след, приблизительно в натуральную величину и отправился в интернат к моим подопечным ненецким ребятам. Они долго рассматривали мой рисунок, переговариваясь на родном языке. И снова я услышал уже знакомое слово «тунгу». Но когда попросил рассказать о том, что им известно о диком человеке, они смутились и замолчали. Наконец, один мальчик, с почти индейским по звучанию ненецким именем Танчиома, (ненцы называют своих детей и ненецкими и русскими именами) ответил за всех:

— Да вы, наверно, смеяться над нами будете... Скажете, что у нас эти... предрассудки...

Я поклялся, что смеяться не буду, тем более, что следы видел сам, а предрассудки, как известно, реальных следов на снегу не оставляют.

В тот день я услышал много историй о «диком человеке». Правда, видел тунгу своими глазами только один мальчик из моего класса — Коля Салендер. И стукнуло Коле в ту пору не больше шести лет, поскольку он кочевал по тундре вместе со своими родителями и их оленьим стадом, и в интернат мальчика еще не забирали. И вот однажды, осенним вечером, оленеводы поставили свой чум на берегу одной из многочисленных речек, прорезающих тундру то здесь, то там. Вдруг стали волноваться собаки. Остервенело лаяли в сторону противоположного берега. И тут отец Коли крадучись вывел мальчика из чума. Оба они затаились в зарослях тальника. А на другом берегу реки на фоне заката им хорошо была видна странная фигура, о которой отец сказал Коле:

— Смотри, сынок, это тунгу — дикий человек. Его редко кто видит. Запомни хорошо. Может никогда больше не увидишь.

— Тунгу очень большой, — рассказывал мне Коля. — Больше самых высоких людей. И руки у него длиннее, чем у людей. Весь в шерсти, только лицо голое. Похож на человека, но сразу видно — не человек. Мне тогда очень страшно стало. А он собак не боялся — стоял и смотрел на наш чум. Но как заметил, что мы за ним наблюдаем — сразу ушел...

— А вдруг это был геолог — великан в каком-нибудь меховом комбинезоне, — предположил я, но мои слова вызвали дружный смех ребят.

— Если человек в тундре чум увидит, то мимо не пройдет, — пояснил Коля. Ведь вокруг на сотни верст людей не встретишь.

Рассказ Вали Яндо можно назвать рассказом почти очевидицы, поскольку девочка только слышала «дикого человека», осенней ночью подошедшего к их чуму. В этом случае тунгу вел себя очень агрессивно. Не только пронзительно свистел и сатанински хохотал в темноте, но швырял в чум камнями и комьями глины... Причем так сильно, что даже покрытие жилища порвал в нескольких местах.

— Я тогда и выглянуть наружу боялась, — вспоминала Валя.

И только когда ее старший брат выстрелил в темноту

пару раз из ружья, атака на чум прекратилась. Хохот и свист стали доноситься издалека, а вскоре и вовсе заглохли. Осталось загадкой: что было нужно тунгу от людей и чем была вызвана его агрессия? А может быть, незванный гость просто озорничал?

Гена Харючи, обычно молчаливый застенчивый мальчик, вдруг разговорился и поведал интересный случай, произошедший с его троюродным братом на одном из бесчисленных тундровых озер. Брат и его друг на легких ненецких лодочках-калданках отправились проверять поставленную ими сеть. Дело было опять же осенью, перед самым ледоставом. Едва начали вынимать пойманную рыбу, как с берега услышали хохот и нечленораздельные вопли. К озеру промчался черный неясный силуэт, не задумываясь нырнул в ледяную воду и пропал из виду... Рыбаки бросили сеть и изо всех сил налегая на весла поспешили к противоположному берегу. Они были уже на земле, когда рядом с оставленной сетью даже не вынырнуло, а по пояс выпрыгнуло из воды человекоподобное чудовище, поросшее черной шерстью. Потом брат рассказывал Гене, что глаза у косматого горели в сумерках красноватым светом.

Злополучную сеть на другой день нашли на берегу. Она была вся изорвана. От рыбы в ней остался один запах.

Но больше всего меня удивил рассказ мальчика по имени Валера (фамилию я не запомнил) о случившемся с его дядей. Этот дядюшка со своим стадом оказался рядом (по-северному рядом это где-то в сотне километров) от поселка Антипаюта, где в интернате училась его дочь. И решил он сгонять туда на оленьей упряжке, навесить девочку, передать ей домашних гостинцев. Сгонял, навесил. А когда возвращался обратно, начался буран. Для ненца это дело житейское. Дядя остановил оленей, по-особому привязал их к нарте, так, что двинуться с места они не могли, сам прилег рядом. Натянул поглубже капюшон малицы, спрятал руки из рукавов подмышки и приготовился переждать ненастье в «куропачем чуме», то есть под снегом. Он уже начал дремать, как вдруг почувствовал чье-то присутствие. Начесал на ноги, перед ним огромные черные фигуры, и он услышал голос: «Дай есть. Есть хотим!... Схватил ружье — фигуры со свистом и хохотом растворились в снежных вихрях...

Рассказ Валеры показался мне абсолютно неправдоподобным. Не верилось, что эти существа смогли бы освоить человеческую речь, при этом всячески избегая встреч с людьми. Я даже пытался пошутить на счет Валериного дядюшки. Мол, ему привиделись говорящие тунгу вероятно после того, как он на радостях от встречи с любимой дочкой не в меру потребил «огненной воды». Однако шутка моя успеха не имела.

— Тунгу мало кто видел, и никто о нем толком не знает, — как бы подвел итог всему рассказанному рассудительный Танчиома. — А потому разные слухи ходят. Я вот тоже слышал от старых ненцев, что он разговаривать может. Только когда говорит, губы у него не двигаются. А голос слышно. Грубый такой, сиплый. Может гипноз это. И еще слышал, что прямо в глаза ему лучше не смотреть, а то с ума сойдешь. Что правда, что неправда — кто разберет?

Приключение, случившееся со мной, и, на первых по-

рах, всколыхнувшее скучную жизнь маленького гыданского интерната, вскоре исчерпало себя. Что касается русских жителей поселка, то все они, как правило, считали рассказы ненецких ребятишек суевериями дикого народа, а увиденные мной следы объяснили ничем иным, как игрой моего же воображения. Иные надо мной просто посмеивались. Но особенно изощрялся некто Володя Тукаев — умный, начитанный, но невероятно ехидный мужик лет эдак сорока. При встрече со мной он делал серьезное лицо и интересовался, не попадались ли мне в тундре следы, например, избушки на-курьих ножках или ступы Бабы-Яги. Он справедливо считал себя коренным северянином, поскольку происходил из сибирских татар. О ненцах говорил: «Мои земляки». В Гыде считался самым умелым охотником и рыбаком. Ставил и капканы на песцов, и сети, даже зимой подо льдом, на жирных северных осетров, а также стрелял не хуже ненцев. Знал самые рыбные места и на реке, и на озерах, и каждую кочку в тундре в многокилометровом радиусе вокруг поселка. Имел целый набор ружей, сетей, капканов, отличную дюралевую лодку, пару подвесных моторов «Вихрь», а главное, единственный в то время в поселке снегоход «Буран». Так вот, насмешки этого самого авторитетного в Гыде человека доводили меня порой до отчаяния. Потому я решил подобру-поздорову прекратить всякие бездоказательные разговоры о таинственном тунгу.

В интернате потянулись серые будни. Самым тяжело переносимым для детей стало свободное от учебы время. Не было ни телевизора, ни радиоприемника, ни настольных игр, ни школьной библиотеки. Девочки еще находили себе занятие. Почти все они плели из лески и разноцветного бисера различные миниатюрные сумочки, браслеты, пояса, кошельки и даже ожерелья и перстни. Изделия искусно украшались различными национальными орнаментами. Что же касается мальчиков, то они просто томилась от безделья. А стужа, темень и, главное, не очень годная для крайнего севера казенная европейская одежда, заставляли большую часть свободного времени проводить в четырех стенах.

И вот, в середине декабря, случилось почти невероятное для Заполярья в это время — потеплело до минус 10 градусов. Весь интернат высыпал на свежий воздух. А трое ребят: два из моего класса и один восьмиклассник попросили у учителя физкультуры выдать им лыжи и лыжную форму, и отправились кататься с берега Гыды. Но берег этот был слишком пологим, а потому вскоре решили друзья совершить десятикилометровый пробег до более подходящего для скоростных лыжных спусков места, так называемых Чертовых оврагов. Эти овраги возникли из-за того, что когда-то здесь оказался сорванным тонкий растительный покров из дерна и мха, предохраняющий летом вечную мерзлоту от круглосуточного и порой довольно жаркого солнца. Под его лучами незащищенная мерзлота постепенно протаивала. Так через много лет появились овраги глубиной в 20 и более метров. А Чертовыми их назвали потому, что были они перепутаны между собой и образовывали настоящий лабиринт.

Ребята с восторгом катались с крутых склонов, пока с

восьмиклассником не случилась беда. Он неудачно упал и не то сломал, не то вывихнул лодыжку. Даже ступить на ногу не мог. А в это время погода, как это часто бывает на побережье, начала стремительно меняться. Неожиданное потепление сменилось резким похолоданием. Легко одетых мальчишек крепчайший мороз стал пробирать до костей. Особенно коченели ноги в холодных лыжных ботинках. Выбраться из оврагов, таща на себе беспомощного товарища, оказалось непосильной задачей. К тому же каждое движение причиняло ему нестерпимую боль. Девятиклассники совершенно выбились из сил. Всем троим стала понятна возможность гибели. И тогда было решено оставить восьмиклассника в непродуваемом ветром месте, закутав его в куртку, а двум другим ребятам предстояло в одних тонких свитерах бежать на лыжах до радиолокационной точки (благо, от Чертовых оврагов до нее было не более 6 километров). Потом они полагали вернуться за оставленным другом, но уже вместе с солдатами на их знаменитом бронетранспортере. На все про все должно было уйти не больше полтора часов. Тогда восьмиклассник будет спасен.

Сильно обмороженные, едва живые добрались мальчишки до военных. И тут узнали роковую новость — бронетранспортер, на который они так надеялись, оказался в ремонте. Причем поломка серьезная, понадобится несколько часов серьезной работы, чтобы машина снова оказалась на ходу. Обо всем этом военные по телефону сообщили в интернат. Тогда его педагоги обратились за помощью к Володе Тукаеву, как к обладателю «Бурана». Володя собрался быстро — прицепил к своему снегоходу ненецкие нарты, бросил на них просторный овчинный тулуп, завел мотор и, взметая снежную пыль, исчез за ближайшими холмами. Вернулся он примерно часа через полтора. С пустыми нартами. Мрачный, злой и явно чем-то подавленный. Пробормотал, что «пацана не нашел», что в тундру больше не сунется «ни за какие коврижки», а сейчас хочет, чтобы его все оставили в покое. Ушел к себе в домик и заперся на засов.

Через пару часов солдаты починили свой бронетранспортер. Нашли и привезли мальчика. Но уже мертвого. Стужа превратила его в ледяную статую. Чтобы поселковый врач смог произвести вскрытие и установить причину смерти, труп пришлось положить в пустующий дом для оттаивания.

Детская смерть всегда невыносима. Но вид этого маленького мертвеца оставлял особенно тяжелое впечатление. Непохоже было, что он просто замерз, ведь в таком случае люди умирают спокойно, словно засыпают. А у мальчика лицо искажала гримаса не то ужаса, не то боли. Рот замер в беззвучном крике, один глаз открыт, другой закрыт, голова резко повернута в сторону, спина выгнута дугой, а руки подняты так, словно пытался заслониться от чего-то... Но от чего? Может от того же, что так потрясло Тукаева?

А тот появился на людях на другой день как ни в чем не бывало. Такой же самоуверенный, как всегда. Но в маленьком поселке трудно что-либо скрыть. Пополз слух, что де на Тукаева напало на Чертовых оврагах какое-то чудовище. Однако, на вопросы любопытных он отвечал в своем неизменном насмешливом духе:

— Да-да, видел там Черта Шайтановича... Вот с таки-

Рисунки Лиды Гржебинской.

ми рогами и с таким хвостом. Бабам нашим привет передавал.

Но выходило как-то не совсем естественно, во всяком случае чувствовалось, что ему вовсе не смешно. И тогда мы с моим другом решили вызвать Тукаева на откровенный разговор. Пригласили его в гости как бы на дружеский междусобойчик. Он сначала попробовал отделаться от наших вопросов с помощью «Черта Шайтановича», но, когда это не удалось, посерьезнел и сокрушенно произнес:

— Да вы мне ни за что не поверите. Я и сам не могу поверить, что такое со мной случилось...

И он рассказал, как приехал на Чертовы овраги, как ездил по этим оврагам, тщетно звал мальчика, прислушивался и вдруг ощутил совершенно беспричинный и непреодолимый страх.

— Вы знаете, я тут всю тундру в округе вдоль и поперек облазил и никогда ничего не боялся, — вроде оправдывался перед нами Тукаев. — И на медведя ходил не раз и не пять; и блуждал по тундре по многу суток один, и замерзал,

и волкам едва на обед не достался. И ничего. А тут, в каких-то десяти верстах от поселка так жутко стало, что чуть не повернул и не поехал с этих оврагов без оглядки. А потом у меня руки вдруг отнялись. Хотите верить, хотите нет. Повисли как тряпки. Газануть я не могу — «Буран» и остановился. А я сижу, как болван, и чувствую, что вроде бы одежды на мне нет никакой. Голый сижу, понимаете? Чувствую даже, как поземка меня сечет снегом по телу. А потом услышал свист... Оглушительный такой, резкий — люди так не могут. И тут, в свете фары, появился этот... не знаю кто... никогда такого не видел. Черный, косматый больше двух метров ростом, фигура обезьянья, но бежал на двух ногах, как человек. И еще: глаза у него красным светились. Я его секунды три видел. Он меньше чем в десяти метрах от меня пробежал. Выскочил из одного оврага и прыгнул в другой. И все. Не знаю, сколько я после этого на своем «Буране» сидел, как в столбняке. Потом руки ожили, и я ими за шапку взялся. Только тогда снова почувствовал что одетый. Развернул «Буран» и скорее до дому...

На другой день поселковый врач провел вскрытие и оказалось, что причина смерти мальчика — паралич сердца. А еще через несколько дней приехали на оленьей упряжке его родители, чтобы забрать тело сына и похоронить где-то в глубине тундры на ненецком кладбище — халмере. Они не плакали, не жаловались, никого ни в чем не обвиняли и ничего не требовали (у ненцев не положено демонстрировать свое горе). Только попросили в рыбкоопе несколько досок. Потом из них сколотят грубый прямоугольный гроб. На халмере его просто поставят на вечную мерзлоту. На ней и будет лежать тело мальчика. К гробу никто из родственников, даже отец и мать, больше никогда близко не подойдет. Посещать умерших у ненцев не только не принято, но и считается опасным: «Они так любят нас, что могут забрать с собой»... А в память об умершем родственники вырежут символическую его маленькую деревянную куклолку. Ей сошьют одежду, соответствующую полу и возрасту покойного. Во время поминовения куклолку вынут из сундука, чтобы через нее общаться с душой своего мальчика. Но это потом. А в день похорон к нему в гроб положат рваную одежду, разбитую чашку, сломанный нож... Возможно еще лук и стрелы — тоже непременно сломанные. Ненцы верят, что на том свете душа умершего может пользоваться только душами вещей. А чтобы вещь отдала свою душу, эту вещь надо сломать.

В головах гроба прибиты вертикально две палки, к ним приладят перекладину, на которую подвешат колокольчик. Потому ненецкие кладбища звенят на ветру. И печальный этот звон в тундре слышен далеко.

Вот и все. Таков конец этой истории. Я часто вспоминаю ее, стараясь восстановить в памяти все детали, и помимо не остывающего чувства вины за гибель ребенка, хотя официально меня никто ни в чем не обвинял, да и в тот день работал другой воспитатель, испытываю еще и странное ощущение — словно подошел вплотную к тайне, но она все же ускользнула от меня, не дала себя разгадать. Правда для себя я совершенно убежден — таинственный тунгу не миф, не суеверие, а реальное существо. Думается, что открытие его для науки не за горами.

Материалы предоставляются до 10 числа.

Оплата производится до 15 числа.

Файлы принимаются на дискетах, CD, по E-mail

в форматах *.tif (СМУК), *. Cdr (шрифты в кривых, цвета в СМУК).

Доработка файла + 10%.

Разработка макета – оплата индивидуальная, в зависимости от уровня требуемого заказчиком дизайна.

Материалы рубрики

«Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции: (343) 257-45-01

E-mail: uralstalker@sky.ru

**Модульная полноцветная
реклама в журнале**

1 полоса обложки модуль	50x90	20 000
4 полоса обложки модуль	50x90	12 000
в разделе "Хочешь двигаться – ищи попутчика"		
4 полоса , модуль	200x200	12 000
2, 3 полоса обложки	260x200	10 000
Первый разворот	260x400	17 100
Разворот в центре	260x400	14 000
1 полоса	260x200	9 000
1/2 полосы	130x200;	5 000
	260x100	
1/4 полосы	130x100;	3 000
	75x200	

Модульная черно-белая реклама

1 полоса	260x200	6 000
1/2 полосы	130x200;	3 500
	260x100	
1/4 полосы	130x100;	2 000
	75x200	

Рекламная статья черно-белая

Разворот	260x400	11 000
1 полоса	260x200	6 500
1/2 полосы	130x200;	4 000
	260x100	

Спонсор рубрики

модуль 50x90 + колонтитул в рубрике 10 000

Министерство связи		73 413									
АБОНЕМЕНТ на журнал											
«Уральский следопыт»		Количество комплектов									
На 2004 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда		(почтовый индекс)		(адрес)							
Кому											
(фамилия, инициалы)											
пв		место		литер		ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА		на журнал		73 413	
«Уральский следопыт»											
Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов								
	пере-адресовки	руб.									
На 2004 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда		(почтовый индекс)		(адрес)							
Кому											
(фамилия, инициалы)											

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт» непосредственно в редакции по адресу:
г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67.
Подписаться вы можете, начиная с любого номера.
Подписка проводится в здании редакции, подписчик забирает журнал из редакции, при этом цена одного номера составляет 30 руб.

В предыдущем номере мы говорили о том, что Уральская горная страна, с учетом ее громадной протяженности, разделена на несколько растительных зон: от полупустынной на юге, до арктической пустыни на севере.

Геоморфологически же, Уральская горная страна делится на следующие районы: Мугоджары (так называемый казахстанский Урал), Южный Урал, Средний, Северный, Приполярный, Полярный и Новая Земля. Мы постараемся показать леса этих географических районов с кратким их описанием в пределах континентальной части горной страны.

МУГОДЖАРЫ

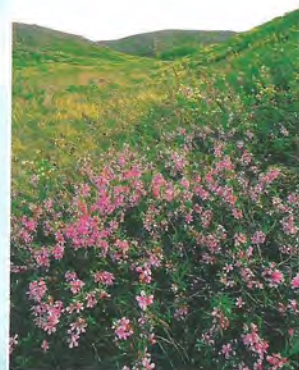
По составу растительности Мугоджары относятся к лесостепной зоне. Горы, протяженностью более двухсот километров, невысокие, холмистые. Главная вершина - гора Большой Боктыбай - имеет высоту 657 м. Горы безлесые. На них выделяются две зоны поясности, характерные для гор: зона горных степей и зона горных полупустынь.

Лесов, как таковых, здесь практически нет. Только в долинах рек встречаются отдельные скопления березы, ивы, различных кустарников. Еще П.И. Рычков отмечал наличие осины, ветлы и ивняков у подножья Мугоджар. Можно предположить, что с тех пор количество эти редких мелколесных островков не увеличилось, а уменьшилось, как и их состав. Хотя в долинах рек Эмба, Орь и других кое-что еще сохранилось.

Евгений Савенко
Фото автора

Начало серии заметок «Леса Уральской горной страны» в №2 за 2004 год.

УРАЛЬСКИЙ
снеговик

СЕЛЕНИТ ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Листоватый зонально-окрашенный гипс

Алтайский край. 0,145 x 0,090. МГРИ, инв. № 41195.

Соболь

1976. А. М. Овчинников. Село Красный Ясыл, Пермская область. Волокнистый гипс. Резьба с сохранением «шовной поверхности», парафинирование, «бисквит», полировка. Дерево. 0,091 x 0,088 x 0,053. Музей КУК.

Нептун. Ваза

1978. А. И. Шадрин. Село Красный Ясыл, Пермская область. Зернистый гипс. Резьба, парафинирование, полировка, гравировка. Тальк-хлорит. 0,263 x 0,165 x 0,095. Собственность автора.

Чаша с крышкой

Кон. VI в. до н. э. Ольвия, Северное Причерноморье. Зернистый гипс. Резьба. 0,130 x 0,114 x 0,116. ГЭ, инв. № О.1912.275. Поступила из ГАИМК в 1924 г. Из раскопок Б. В. Фармаковского, 1912 г.

